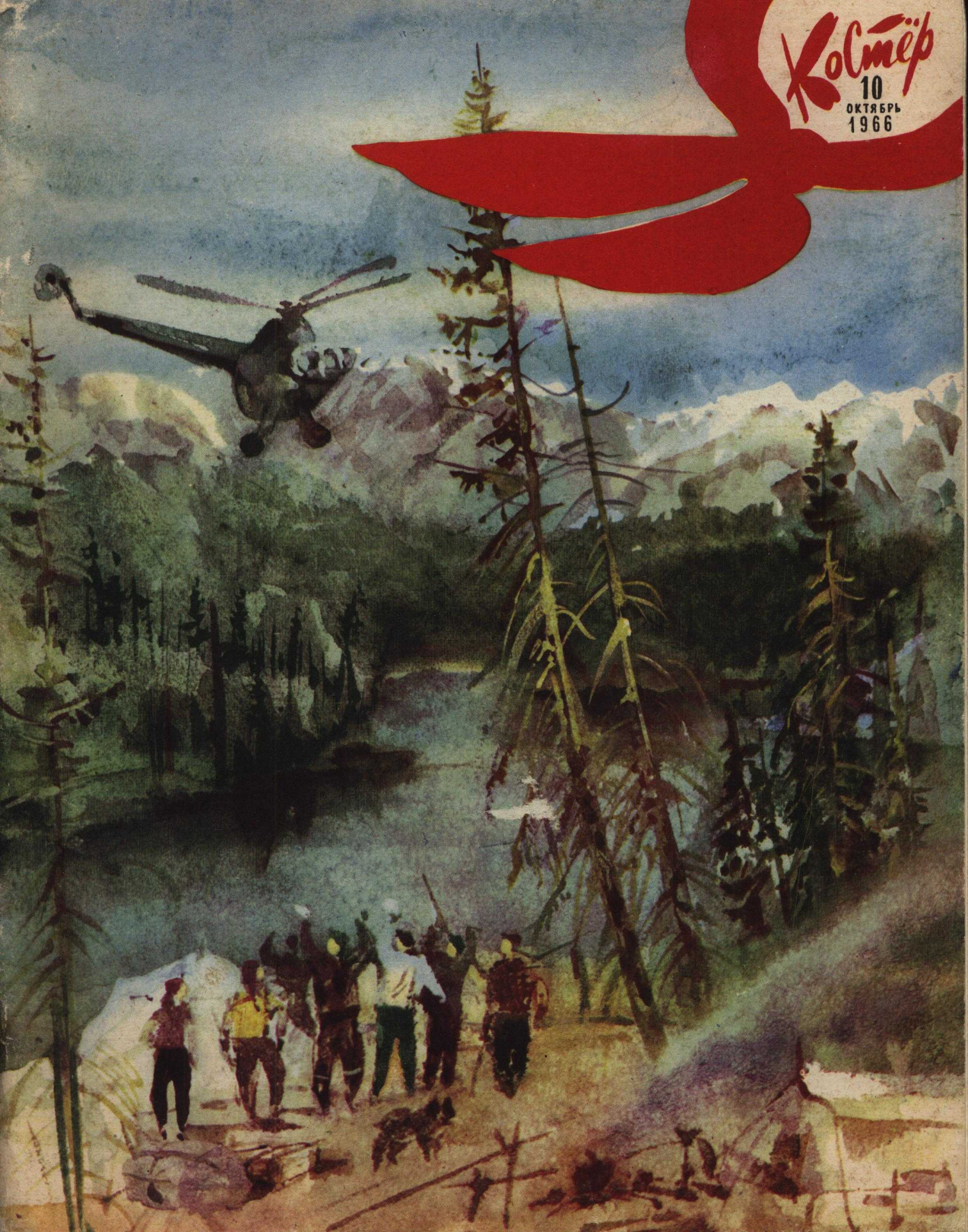

Колосёв
10
ОКТЯБРЬ
1966

ВХОД В КАНАЛ ВОЛГО-ДОН

Фото Л. Бернштейна

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Познакомьтесь 2

Тошна-дурачок

очерк А. КОТОВЩИКОВОЙ 4

Старик прячется в тень

повесть А. МИНЧОВСКОГО 7

Злополучный экспромт

рассказ С. НОВИКОВА 25

Без химии ни на шаг

статья Я. БУТОВСКОГО 29

Короткое детство

повесть В. КУРОЧКИНА 31

НОСтя ТЕРнин путешествует 36

Стихи

Л. АГЕЕВА 37

В гостях у Вилли

путевые заметки Ю. КОРШАКА 38

Стол загадок 41

Остров Дельфинов

научно-фантастическая повесть Артура КЛАРКА 41

Да здравствует „улица-план“!

репортаж Г. ЧЕРНЯКОВОЙ 46

Переключка веков

заметки В. БРАБИЧА 48

Что? Где? Когда? Почему? 49

Словарь пустыни

репортаж Л. ВАГАНОВОЙ 50

Почта НОСты ТЕРнина 52

Рисунки Моника

комментарий Н. МОХОВОЙ 54

Школа „Спринт“ 56

Клуб Жака Паганеля 58

Уголёк 61

Уголок веселого архивариуса 63

Опасный рейс

игра 64

Дверь не подавалась.
— Сейчас найдем ключ!

Читайте повесть А. Минчковского
«Старик прячется в тень».

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ:

Владимир

Ильич

Лихолат,

УДАРНИК-КОЧЕГАР,

СЕКРЕТАРЬ

КОМСОМОЛЬСКОЙ

ОРГАНИЗАЦИИ

ЛЕДОКОЛА

„ЛЕНИН“

Снимок сделан ровно тридцать лет назад. С той поры в жизни моряка арктического флота Лихолата многое изменилось.

Он воевал с фашистами, был не однажды ранен, работал после войны радиожурналистом. Сейчас он лежит, прикованный к постели в доме на тихой Весенней улице Ялты. Прогрессирующий туберкулез позвоночника...

«...Я беру на вооружение перо и этим борюсь с тяжелым недугом», — так написал нам корчагинец Лихолат, посылая в редакцию «Костра» свои рассказы.

В них говорится о давних днях, о друзьях-комсомольцах, о полярных экспедициях.

Один из рассказов В. Лихолата мы публикуем.

АРКТИЧЕСКИЙ НАРЗАН

Я не могу минеральную воду спокойно пить. Как увижу бутылку нарзана, обязательно вспомню осень 1936 года.

В ту навигацию поручили ледоколу «Ленин» (не нынешнему атомному, конечно, а другому — он сейчас называется «Владимир Ильич» и работает на Черном море), так вот, поручили нам проводку торговых караванов в восточной части Арктики. Северный морской путь тогда только начали осваивать, и много на этом пути встречалось еще неожиданных препятствий. Но самой лихой неожиданностью оказалась сверхранняя осень.

Еще когда мы к мысу Челюскина шли, наткнулись на льды в море Лаптевых. А на обратном пути, в районе Новосибирских островов, попали в сплошное ледяное поле.

Застряли мы в этих льдах надолго, и запасы наши стали подходить к концу. А тут еще пришлось поделиться водой с пароходами, которые стали на зимовку в устье Лены.

Так вот и произошло, что наш ледокол остался неожиданно без пресной воды.

Задолго до того, как цистерны совсем опустели, капитан наш, Михаил Арнольдович Печуро, приказал выдавать лишь по два стакана чая в день. Надеялись, что на таком пайке удастся дотянуть до базы. Да только льды попались очень тяжелые. Машина много воды брала. Не дотянули.

В котлах, конечно, вода оставалась. Но до нее охотников не было. Все понимали: машина встанет — тогда уже наверняка каюк.

День терпим, второй, третий. Кое-кто уже начал ведро за борт опускать. Достанет морской водицы, отопьет, а она у него через нос обратно. Организм не принимает. Я тоже забортной воды отведал, да лучше и не пробовать. Раньше только во рту пекло, а теперь внутри жечь начало. И в глазах круги замелькали.

Потом уже приспособились. В ведро с морской водой добавляли соляной кислоты. Смачивали в этом растворе тряпку и сосали. Вроде

помогало. Но все равно знали: долго так не продержишься. Одна надежда — поскорее попасть к тому месту, где нас ожидают суда «Малыгин», «Седов» и «Садко». К нам в кочегарку то и дело ребята сверху спускались: «Давайте, духи, жмите. На вас вся надежда».

Да мы и сами это знали. Старались держать пар на марке. Только тачки нас подводили. Не успеешь оглянуться, а тачка тебя с ног сбивает. Свалишься и лежишь, пока из шланга не окатят. А пуще всего боялись мы к водомерному стеклу подходить. Посмотришь, как в нем вода пузырится, и сразу комок к горлу подступает. Губы оближешь, сам себя обругаешь и снова за лопату.

А тут еще новое несчастье: в одной топке колосники перегорели. Значит, надо топку гасить, одну машину (из трех) стопорить. Судите сами, мыслимое ли это в нашем положении дело.

Стоим мы перед этой чертовой топкой и браним ее последними словами. Да что толку! Напарник мой, Вася Пискунов, отчаянный парень, отбросил вдруг лопату, хлопнул меня по спине и говорит:

— Что ж, Володя!

И стал противогаз натягивать. Объяснять тут долго нечего. Надели мы противогазы, ватные костюмы (асбестовых тогда не было) — и в топку.

Сколько раз лезть туда пришлось — не помню, но когда последний раз вылезли, колосники уже новые стояли, а от противогазов одни лохмотья остались. Сгорела резина.

К этому времени выбрались из льдов, в открытое море вышли. И вот как-то поздним вечером раздается отчаянный голос вахтенного: «Впереди айсберг!»

Капитан командует: «Лево руля!», — и «Ленин», чуть не врезавшись в ледяную скалу, начинает обходной маневр.

А когда гигантская глыба замерзшей воды (так и хотелось языком лизнуть) осталась уже за кормой, раздается вдруг новая команда: «Задний ход».

Что за притча?

Команды следуют одна за другой. «Ленин» подходит к айсбергу вплотную, пришвартовывается и закрепляется ледяными якорями. Операция это чрезвычайно рискованная, не говоря уж о том, что каждая задержка для нас может оказаться роковой.

Штурман Пинежанинов объясняет: на вершинах айсбергов иногда скапливаются лужи дождевой или стаявшей воды. Стало ясно: ради воды в нашем положении можно пойти на любой риск.

Взобраться на вершину айсберга оказалось нелегко. Соорудили живую лестницу: друг другу на плечи влезали. Наконец, Вася Пискунов и Женя Назаров очутились наверху.

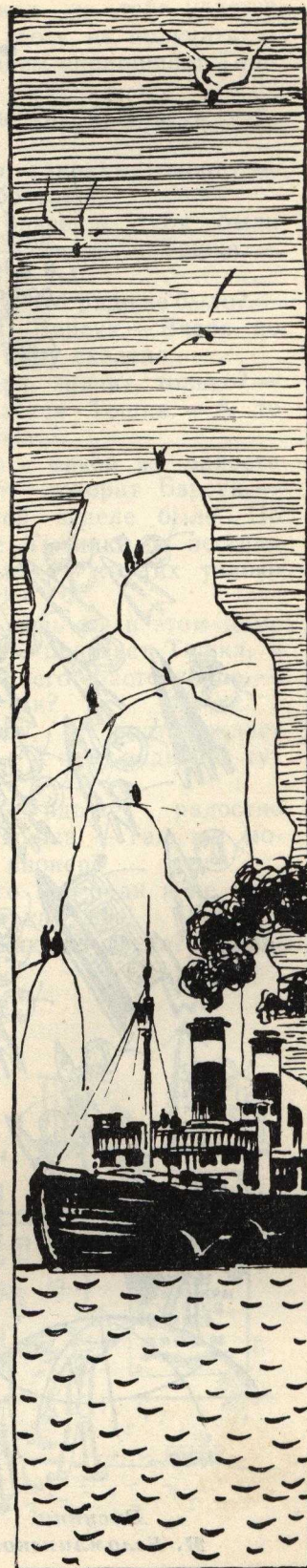
Какую-то невиданно долгую секунду, затаив дыхание, ждем результата их разведки. И вдруг слышим крик:

— Вода, готовьте помпы!

Через десять минут весь экипаж ледокола, припав потрескавшимися губами к краям брезентовых ведер, пил и пил, захлебываясь, самую вкусную воду на свете.

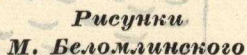
Я не помню, кто назвал ее «арктическим нарзаном», но название понравилось всем. На вершине айсберга скопилось целое озеро этого «нарзана». Сотни тысяч литров. Мы набрали полные цистерны, и воды этой нам хватило на все долгое полярное плавание.

С тех пор, как увижу бутылку минеральной воды, так и вспоминаю ледокол «Ленин» — раскаленное окно топки, громады айсбергов в ночной мгле (которые, оказывается, не всегда приносят несчастье) и первый глоток «арктического нарзана».

Нам показалось, что Тошка далеко не дурачок, как думает Сережа. А ваше мнение?

— Как ничего нет? — не поняла Людка.

— Ну, пионерского чего-нибудь? Нас же приняли!

— А тебе чего надо? — говорит Людка. — Приняли и радуйся. Еще успеешь макулатуры насобираться.

— Да мы в начале учебного года и так макулатуру собирали, — напомнил Тошка.

— Ну, и в будущем году будешь собирать, — говорит Людка. — У меня родной брат пионер. И еще два двоюродных — пионеры. И одна троюродная сестра тоже пионерка. Что я, не знаю?

— Много у тебя родственников-пионеров, — говорит Тошка с завистью. — А у меня вот ни одного. На всю нашу семью я — один пионер.

А семья-то у него — он, мать да старая бабушка. Отец Тошкин отчего-то помер, когда Тошка еще маленький был. А мать — картограф, что ли, месяцами в командировках.

На большой перемене забежал я в пионерскую комнату полистать «Костер» и «Пионер». Листаю. Вдруг входит этот Тошка вместе со своим дружкой Витькой, тоже из нашего двора. Осторожно так входят, потихоньку. Осматриваются.

Наша старшая пионервожата Нелли Сергеевна сидит за своим столиком и что-то пишет.

— Вам что, мальчики? Если «Ленинские искры» посмотреть, то ступайте лучше в читальню. А то я сейчас уйду.

— Нет, не «Искры», — говорит Тошка. — А почему у нас ничего нет?

— Чего у вас нет? — спрашивает Нелли Сергеевна, а сама пишет.

— Ну, сборы какие-нибудь... вообще... — объяснил Витька.

Головой ручаюсь, что сам бы он с вопросами не приплелся, это Тошка его подговорил.

— Сборы? — переспросила Нелли Сергеевна, быстро написала, листок пополам сложила, ладонью пригладила. — Но

ведь сбор в этом месяце уже был. — Подняла голову и разглядела, что стоят перед ней два шпингалета. — Вы из третьих классов? Вас только приняли?

— Мы из третьего «а», — говорят Тошка и Витька хором.

— Вот придет к вам отрядная вожатая... Ну, ребятки, мне надо пионерскую закрывать. Сережа, кончай читать журнал. И не мни его так! — Это она мне.

А сама уже стоит в дверях, ключом помахивает. Вышли мы все из пионерской. Шелкнул замок. Застучали каблучки Нелли Сергеевны.

Тошка и Витька стоят растерянные. Посмотрели друг на друга, потом в спину вожатой.

Тошка встрепенулся и крикнул:

— Надо же нам бороться-то! За правое дело! Мы обещание давали.

Нелли Сергеевна на ходу оглянулась, засмеялась и помахала им рукой. И скрылась за поворотом. Тут звонок прозвенел. Наш-то класс на том же этаже, что и пионерская. А третьеклассникам на другой этаж подниматься. Пока они по лестнице лезли, урок начался. Учительница на них рассердилась:

— Вы что же опаздываете? А еще пионеры!

Это мне Людка рассказала, как Тошка с Витькой получили замечание.

У нас в соседнем дворе есть хорошие качели. А там Толька Барсуков живет. Мы с ним как-то раз на этих качелях наяривали: взлетали чуть не до верхушки березы. И вот вижу — идет во двор Тошка. Только мы приземлились, он тут как тут.

— Мальчик, — спрашивает Тошка у Барсука. — Ты в этом дворе живешь?

— Живу, а чего? — говорит Барсук.

— А как же тебе удастся никогда двоек не получать? — с уважением спрашивает Тошка.

Я прыснул, а Барсук удивился.

— Что такое? — говорит. — Что ты болтаешь?

— А разве у тебя были двойки? — говорит Тошка. — Не было ведь!

— Чего это ради не было? — обиделся Барсук. — Вчера по истории пару схватил.

— Вчера, значит, только? — не унимается Тошка. — А то все не было?

— Это с какой же радости не было? — говорит Барсук. — И на той неделе была. По ботанике. Тычинки да пестики проклятые. И кто их только выдумал!

— Но ведь ты в этом доме живешь? — пристает Тошка, и лицо у него растерянное. — Как же так?

— Живу, — подтверждает Барсук. — А чего ради мне тут не жить?

— Ой, — вдруг радостно кричит Тошка. — Так ты, может, не пионер?

— Чего это ради я не пионер? Вот как дам!

— А как же доска? — упав-

шим голосом спрашивает Тошка.

— Какая доска? Слушай, Сережка, — поворачивается ко мне Барсук, — он у вас, может, тронутый? Это ведь с вашего двора оголец.

— Есть малость, — говорю. — Про какую доску ты, Тошенька-Антошенька, толкуешь?

— Пойдем покажу, — говорит Тошка взволнованно.

Вывел нас за ворота и показал на стену дома. Видим: действительно, висит довольно большая белая доска. На ней красивыми буквами написано: «В этом доме нет отстающих пионеров. Все пионеры учатся без двоек».

— Видите? — говорит Тошка.

— А, это... — равнодушно отвечает Барсук. — А я-то думаю, что за доска такая? Эта давно висит.

Тошка прямо подсказывает, как кузнечик:

— Но ведь здесь написано, что нет у пионеров этого дома двоек! А ты пионер! И живешь в этом доме!

— А кто ее знает, с чего ее повесили, — говорит Барсук.

— Так надо же ее снять! — волнуется Тошка. — Она вральская. А все читают и думают — правда.

— И пусть думают, — говорит Барсук. — Тебе-то что?

— Ну, как же! Нехорошо же! Кому сказать, чтобы сняли?

— Кто повесил, тот пусть и снимает, — говорит Барсук. — Я не вешал, мне и начхать. Пошли, Сережка, качаться.

Мы пошли качаться, а Тошка стоит и чуть не плачет. Разобрало парня из-за чепухи!

Вообще-то говоря, он прав: незачем такую доску вешать. Наверно, не у одного Барсука двойки, а и у других пионеров попадают. Да и как это совсем без двоек жить, сами посудите? Ну, четвертных мо-

жет не быть, а уж простых-то! Ты и напиши: у пионеров этого дома не было четвертных двоек. И за какую четверть не было, тоже напиши. Чтобы все было ясно.

Хлопотал ли Тошка за эту вральскую доску, вернее, против этой доски, не знаю. А вот что приуныл он, тому я свидетель.

Иду раз по двору и вижу: сидит Тошка на скамейке, пригорюнился, челка белобрысая из-под берета торчит, спина сгорбленная, пальто застегнуто наперекос, а он не замечает.

— Ты чего такой перекоженный? — спрашиваю.

Поморгал на меня Тошка.

— Сережа, зачем ребят в пионеры принимают?

Сел я рядом с ним на скамейку.

— Как так — зачем? — говорю. — Ну, чтоб мы... это самое... помогали, и все такое.

— А что «все такое»? — говорит Тошка. И вздохнул грустно. — Как хорошо было, когда принимали! Трудящиеся нам галстуки повязывали.

— Людке тетя Аня повязывала, — говорю я. — Из маминного цеха. А тебе старый рабочий какой-то.

— Мы обещание давали, — говорит Тошка. — А сами и не боремся ничего.

— А как ты хочешь бороться? — спрашиваю. — Войны сейчас нет. Это в войну пионеры партизанам помогали.

— Твердят, что пионеры должны хорошо учиться, — говорит Тошка. — А не пионерам — можно плохо учиться? И врать, и воровать, и все такое худое делать нельзя никому из ребят, а не только пионерам. Так чем же пионеры-то отличаются?

— У пионеров сборы. Ты что, на дружинном сборе не был, вот перед Первым мая? Я тебя видел.

— Был, — уныло отвечает Тошка.

— Не понравилось, что ли?

— Почему? Понравилось. Очень хорошо ребята пели и танцевали. И стихи говорили. Репетировали-то сто раз.

— А ты что хочешь, чтобы так, сразу, без репетиции? Запинались бы на каждом слове.

— Нет, я не хочу, чтобы запинались. Так то для праздника — сбор. А каждый день что?

— Каждый день праздник не бывает.

— А почему вы, когда деретесь, галстуки снимаете?

— Ну, вообще... Ловчее как-то без галстука драться. И заругают меньше, если без галстука.

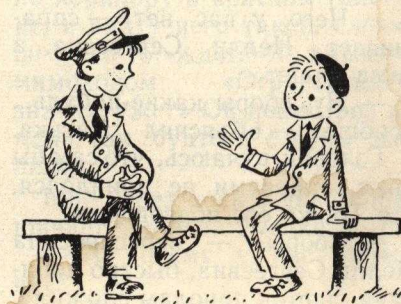
— Чтобы подумали, что вы — не пионеры? Значит, вы — то пионеры, то не пионеры?

— Развел философию! — говорю. — Ох, и зануда ты, Тошка! Пять минут в пионерах и уже кучу дел ему подавай. Успеешь макулатуры насобираться.

Подскочил он, будто я его ударил. Чем эта макулатура ему так досадила, не пойму. Людка говорила, когда их класс собирал, Тошка больше всех старался. А тут надулся, покраснел и прочь пошел.

Ну, чудила! Тетю Аню «трудящейся» называет, стать пионером считает за что-то такое особенное...

Нет, все-таки Тошка этот — дурачок какой-то!

СТАРИК ПРЯЧЕТСЯ В ТЕНЬ

ПОВЕСТЬ ПРО КРУТОВСКИЕ ДЕЛА

Аркадий Минчиковский

Рисунки Ю. Шабанова.

Как все началось

На улице Профсоюзов происходило непонятное. Вот уже который день там почти не показывались трое всем известных приятелей. Напрасно их ждали крутовские мальчишки на рыжей речной отмели. Только иногда можно было заметить, как по изысканной от жары горбатой улице пронесется всклокоченный парнишка — это Адриаха, как зовут его на Профсоюзной, и скроется за калиткой дома, где живет его друг Леня Стародубских. Третий приятель Митря — так по-уличному, а по-школьному Митрохин — забыл про своих голубей и гоняет их лишь раз в день, вместо всегдашних трех. Еще видели, как друзья с таинственным видом нет-нет да и скрывались в полуразвалившейся баньке в глубине Митриного двора. К этой давно оставшейся без крыши баньке Митря пристроил голубятню, сбив ее из старых досок и просвечивающих листов железа, отслуживших свое. В старой баньке, за запертыми дверьми, теперь и происходили какие-то секретные совещания. Видели еще, как к Митре во двор приезжал на женском велосипеде молоденький студент-художник из Ленинграда, прозванный на улице за свой подпрыгивающий на ухабах велосипед Валечкой-Козликом. Студент вместе с мальчишками укрывался в баньке, но что там говорилось, оставалось неизвестным. Потому что, сколько ни спрашивая Адриана или Митрю, о чем там они сго-

вариваются — ничего не узнаешь. Молчат, как рыбы в Крутьях.

А еще недавно мальчишки были лихими буденовцами. С деревянными саблями наголо гонялись за бандами батьки Махно. Вся крапива на огородах лежала порубленной. Адриан — командармом. Он несся впереди на боевом коне. Рядом верный Митря. Тот скакал босиком, в своих единственных штанах. Штаны были ниже колен. Для длинных — короткие. Для коротких — длинные. Средние штаны. Задубленные ветрами, прожаренные солнцем Митрины ноги попирали все, что попадалось на пути. Ох, и отважен бывал в бою Митря! Куда до него Ромчику — был еще и такой конник, которого теперь увезли на дачу в деревню. Маленький ростом, он едва успевал за друзьями. Этим летом Ромчика заменил Леня. Человек в Крутове новый. Он год назад приехал из Москвы. Что Леня никак не крутовский — это сразу видно. Одна панамка чего стоит! Говорил он тоже не по-крутовски. Адриан с Митрей уже двадцать слов выпалят, а Леня три-четыре протянет. Но все же в конники он был принят и купаться на Крутью тоже ходили вместе.

Ходили еще недавно, но не теперь. Теперь друзья были заняты делом поважнее. Они раскрывали тайну. Началось все это вот как.

Раз как-то бежали за аэропланом. Краснозвездный аэроплан в небе — они неслись по земле. Понятно, улетел — не догнали. Адриан, не торопясь, возвращался домой и вдруг видит — возле своего домика стоит Марсельеза. На улице ее зовут Марселей, а правильно — Марсельеза Сазонова. Домик их по сосед-

Печатается в сокращенном виде, полностью повесть выходит в издательстве «Лениздат».

ству с Адрианом. Домик ее дедушки. Маленький и аккуратный, как сам дедушка. Смешной старикашка. Он всегда бегал по улице в черной крылатке и здоровался со всеми мальчишками: «Здравствуйте, милостивый государь... Мое почтение...» Говорили, что раньше он в городе был важным человеком, а теперь вот уже скоро десять лет как пришла советская власть и он — никто. Теперь дедушка Марсельезы работал в театре, только не артистом, а кем-то другим. Когда родилась Марсельеза — была февральская революция. Все распевали марсельезу. Вот дедушка и придумал так называть девочку. Многие пожимали плечами: «Что у тебя за имя?!» — но Адриану нравится, что ее так зовут. И вообще нравится Марсельеза, хотя он об этом и никому не говорит.

Только увидел Адриан Марсельезу и сразу почувствовал, что у него начали теплеть уши. Они у него всегда почему-то вспыхивали, когда он встречался с Марсельезой. Просто с ума было можно сойти от этих ушей.

Марсельеза стоит на углу в своем синем в горошек платье и смотрит на Адриана своими синими глазами.

— Здравствуй, Адриан, — говорит она.

Он кивает в ответ и буркает: «Здравствуй». Неизвестно почему, но стоит ему встретиться один на один с Марсельезой, он никогда не знает, с чего начать разговор. Так и теперь. Они помолчали некоторое время, потом она говорит:

— А я уезжаю в деревню.

Вот еще новости! Зачем это им понадобилось? Будто тут хуже, чем в деревне. Он пожал плечами.

— Я не хочу, — продолжала Марсельеза. — Мама меня увозит. Уже подвода заказана. Завтра поедет. А ты куда-нибудь едешь?

— Не собираюсь.

— А что будешь делать?

Адриан опять пожимает плечами. Не говорить же ей, что будет гонять по улицам и купаться в Крутые.

— Сам еще не знаю.

— А я там буду грибы собирать, с мамой. И еще книги читать...

Неизвестно, долго ли продолжался бы этот интересный разговор, если бы Адриан вдруг не увидел, как к его дому на своем женском велосипеде подкатил Валечка-Козлик. Адриан поражен. Зачем это он? Ведь каникулы же!

Валечка-Козлик, или по-настоящему Валентин Курчо, учился в Академии художеств, но на год застрял в Крутове по болезни, что его и привело в дом Адриана, где студент заделался домашним учителем Адриана по рисованию.

Отыскал его однажды отец. Отец работал каким-то промышленным агентом и в Крутове бывал редко. Но когда уже приезжал, непременно выдумывал что-нибудь такое, чего мама никогда не могла придумать.

Адриан любил рисовать. С пятилетнего возраста он до дыр изрисовывал всякий попавший ему клочок бумаги. Отцу это нравилось. Он говорил, что Адриану обязательно нужно учиться рисовать по-настоящему. Вот однажды он и привел Валентина и сказал, что тот должен научить Адриана основам перспективы и всяким другим художественным премудростям.

Поначалу Адриан думал, что это будет весело и интересно. Но оказалось совсем не так. Студент заставлял его рисовать всякие кубы и коробки, и Адриану это вскоре надоело.

Но самым любопытным оказалось то, что Валечке и самому было тоскливо учить парня рисовать коробки. Но так как и его когда-то учили таким же невеселым вещам, ничего другого он придумать не мог.

Проскучав час в душных комнатах, учитель и ученик — оба обрадованные окончанием занятий — вместе выскакивали на улицу. Великодушный студент позволял Адриану на прощание покататься на велосипеде, затем они пожимали друг другу руки и расставались. Так дотянули до каникул.

И вот Валечка-Козлик снова здесь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Они поздоровались. У студента был какой-то странный, загадочный вид.

— Адриан, — сказал он, как только вошли во двор и Валентин прислонил велосипед к стене дома. — У меня к тебе чрезвычайное серьезное дело. Где бы мы могли поговорить?

Интересно. Нет, коробки, конечно, тут ни при чем.

— Пошли, — кивнул Адриан. — В доме только Агафоновна. Она на кухне.

Неизвестно почему, Валентин на цыпочках проследовал в дом. Войдя в комнату, осторожно притворил за собой дверь. Затем он прошел из угла в угол, полез в карман брюк из чертовой кожи и вынул оттуда что-то похожее на тоненькую книжицу.

На стол легла старая фотография. Трещина змейкой протянулась через всю ее длину.

— Это что, Валя?

— Полотно, исполненное маслом на холсте. «Старик со свечой». Шедевр живописи!

Адриан и в самом деле разглядел: на фотографии была изображена картина в раме. Старик с белой бородкой клинышком, одетый в кожанку без рукавов, в шапке, наподобие Адриановой чеплашки, держал в руках подсвечник с зажженной свечой. Левой рукой он защищал пламя от ветра. Огня не было видно, только резко очерчивался силуэт ладони. Свет от свечи падал на лицо старика. Старик привстал и вглядывался куда-то вдаль.

— Старинная? — спросил Адриан.

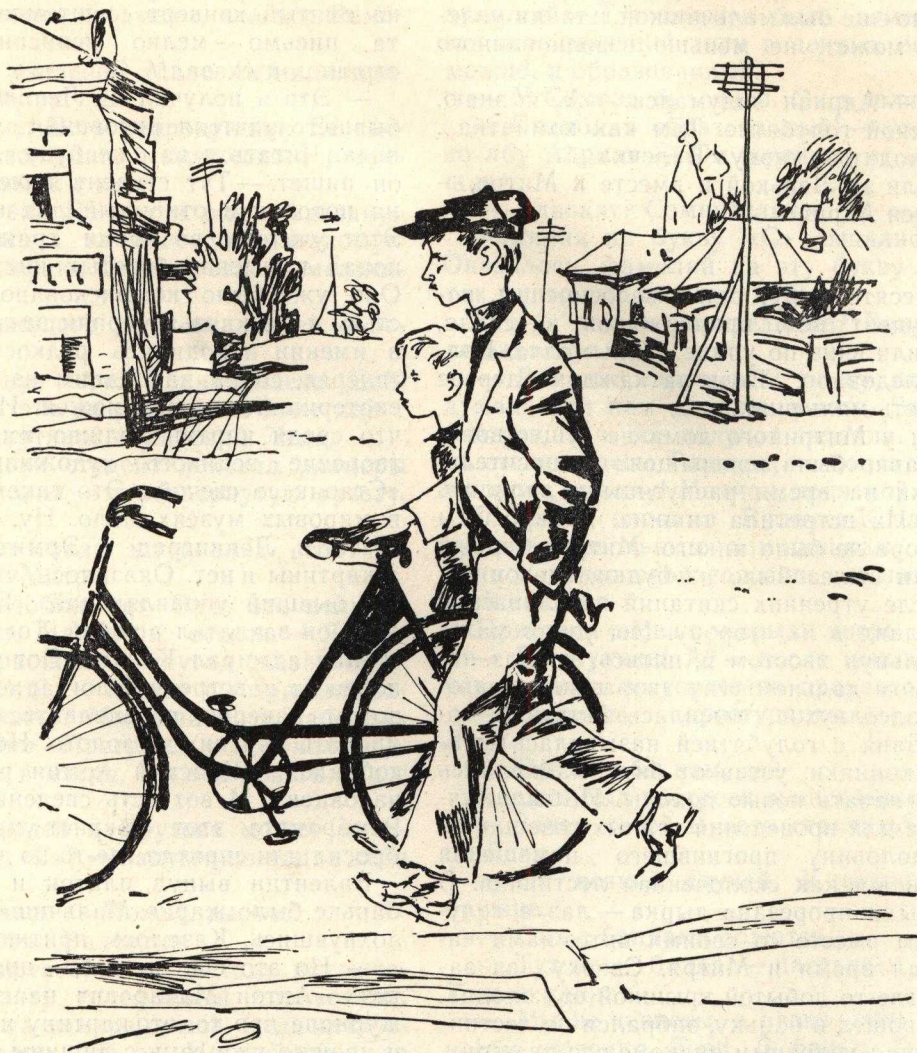
— Семнадцатый век. Голландия. Великий Рембрандт. Его кисть... Бесценный шедевр.

— Из музея?

— В том-то и дело, что нет! — Валентин сделал паузу, чтобы произвести впечатление на мальчика. — Эта картина находится у нас, в Крутове. А где, никто не знает. Может быть, зарыта в землю и гибнет.

— Как же так?!

— Очень запутанная история. Мы должны отыскать картину.

— Мы?!

— Да, — студент кивнул. — И вернуть народу его достояние.

— А где же мы найдем?

— В том-то и загвоздка! Может быть, она где-то рядом.

— Ты думаешь?

— Все можно предположить. — Студент опять прошелся по диагонали от этажерки в угол. — Тут тайна. Да вот, брат...

Валечка проверил, плотно ли закрыта дверь в коридор, хотя трудно было предположить, что Фекла Агафоновна заинтересуется тайной пропавшего шедевра, и продолжал:

— Адриан, есть ли у тебя надежные люди?

— Есть!

— Кто такие? Конкретно...

— Митря и Ленья.

— Так. Знаю. А они не из болтливых?

— Могила!..

— Могила! Это хорошо. Вдвоем нам с тобой тут не справиться. Понимаешь, картина похищена спекулянтами, врагами республики.

— А зачем они ее украли?

— Чтобы продать миллионерам в Америку и подорвать финансовую мощь рабочего государства.

— Вот черти! А мы что должны делать? — Адриана уже распирало желание начать поиски.

— Главное, без лишнего шума. Надо собраться вместе и обдумать план действий. А где твои друзья?

— Домой побежали.

— Нужно позвать их. И где бы нам... — он оглянулся на дверь, — посоветоваться?.. Чтобы полная конспирация.

В конце концов, начинающий художник совсем недавно еще был мальчишкой, и тайна увлекала его, может, не меньше взволнованного ученика.

— Где? — Адриан задумался. — А, я знаю. На Митриной голубятне. Там как комнатка...

— Подходит, — кивнул Валечка.

— Пошли за Ленькой и вместе к Митре, — заторопился Адриан.

Через десять минут они с велосипедом, который студент вел, придерживая за седло, уже спешили вниз по улице. Шли молча. Болтать не следовало. Ведь на каждом дереве могли сидеть мальчишки.

Калитки у Митриного дома не существовало. Она давно была превращена в спасительные мостки на время распутицы и валялась на земле. Их встретила тишина. В заросшем травой дворе не было никого. Митрин черный пес Полкан вылез было из будки, где он отдыхал после утренних скитаний по улицам, и лениво залаял в их сторону. Но, узнав мальчишек, вильнул хвостом и, пятясь, пополз назад. В самом дальнем углу двора, возле загорававших подсолнухов, высилась Митрина голубятня. Баня с голубятней называлась штабом. Там конники, устав от битв, набирались сил, чтобы начать новые походы. Не было лучшего места для проведения тайных совещаний.

Из наполовину прогнившего помещения вверх вела кое-как сколоченная лестничка. В потолке была прорезана дырка — лаз в голубятню. Там вместе со своими питомцами часто коротал время и Митря. Сверху лаз закрывался где-то добытой крышкой от колодца.

Адриан вошел в баньку, забрался по лестнице и постучал условным знаком: раз-два-три... раз-два-три-четыре... И еще. Раз-два... И сейчас же поднялась крышка люка и в дырке показалась всклокоченная голова Митри.

— Валяй вниз, — махнул ему Адриан. — Есть дело.

Почесывая бок, Митря стал спускаться по ступенькам. Адриан торопливо объяснил, что разговор будет секретным. Щурясь на солнце, Митря выглянул из баньки, сказал:

— Давайте сюда, а дверь подопрем.

Нельзя сказать, чтобы внутри Митриных владений было просторно. И запахи тут не из лучших. Но дело требовало жертв. Все трое разместились на банных скамьях. Встревоженные голуби собрались на краю лаза и любопытно поглядывали вниз. Даже те, кто до этого разгуливал по голубиной трассе, слетели к люку и косили оттуда своими беленькими глазками.

Слово взял Валентин. Он вынул из кармана смятый конверт со штемпелем, из конверта письмо — мелко исписанные несколько страниц, и сказал:

— Это я получил из Ленинграда. От моего бывшего учителя рисования Антона Макаровича. Читать я вам не буду, а расскажу, что он пишет. — Тут студент зачем-то посмотрел на потолок в открытый лаз и продолжал: — Этот учитель во время гражданской войны попал в имение богатых князей Мещерских. Оно уже было конфисковано советской властью, и все князья удрали за границу. Так вот, в имении находилась редкостная картинная галерея, собранная одним из князей, видным екатерининским вельможей. И было известно, что среди картин должно иметься бесценное творение великого художника Рембрандта «Старик со свечой». Это такая вещь, каких и в мировых музеях мало. Ну, ее хотели перевезти в Ленинград в Эрмитаж. Хватились, а картины и нет. Оказалось, что из имения исчез бывший управляющий. Поняли, что шедевр он захватил с собой. Тогда с востока наступал адмирал Колчак. Вот управляющий и побежал навстречу белогвардейцам. Он хотел потом, наверно, переправиться через океан и продать картину за золото. Но до Колчака не добрался — Красная Армия разгромила колчаковцев. И вот есть сведения, что картину Рембрандта этот аферист-управляющий или бросил или спрятал где-то по дороге.

Валентин вынул платок и вытер лицо. В баньке было жарко. Мальчишки сидели не шелохнувшись. Казалось, притихли и голуби.

— Но это еще не все, — продолжал Валентин. — Антон Макарович напечатал статью в журнале про то, что картину надо искать, хоть и прошло уже семь с лишним лет, как она исчезла. И вот вдруг он получает письмо без подписи, и человек, который себя не выдает, сообщает, что картина должна находиться в Крутове у хозяина, фамилия которого начинается на букву «С», а точно он фамилию не помнит. И еще, что этот самый на «С» до революции был человек богатый и известный. И еще там сказано, что очень возможно — теперь в Крутове появятся люди, которые, если найдут картину, тайно вывезут ее за границу.

— Вот это да, мазурики!.. — не выдержав, свистнул Митря.

— А где этот управляющий? Не поймали? — спросил Адриан.

— По сведениям, убежал за кордон тогда же. Через Польшу. Понимаете, — продолжал Валентин, — картину не зароешь в землю. В земле она погибнет от сырости. Очень возмож-

но, она висит в каком-нибудь крутовском доме, а там и понятия не имеют, что это Рембрандт.

— А как его узнаешь? Мало ли их, стариков, — сказал Митря.

— Спокойствие! Есть репродукция. Ее сделали еще до революции, с княжеского разрешения, а вот снимок с нее.

При этих словах Валентин опять заглянул в конверт и вынул из него уже знакомую Адриану фотографию. Он показал ее мальчикам.

— На Марселькиного деда смахивает, — заявил Митря.

Адриан заглянул через Лёнино плечо. Действительно! Как это он раньше не заметил?

— Большая картина? — спросил Леня.

На стене баньки студент показал размеры пропавшего полотна — с развернутую газету, не больше.

— Сколько же такая штука стоит? — поинтересовался Митря.

— Цены ей вообще нет. Ведь это великое творение... — Тут Валентин осекся. — Я думаю, тысячу червонцев, — наугад сказал он.

— Тысячу?! Ого!.. — Митря вытаращил глаза. Неужели тысячу? Митрина мать работала уборщицей в кино «Прогресс» и получала всего два червонца в месяц. На эти деньги они с Митрей и жили.

— Сколько людей в Крутове может начинаться на букву «С»? — задумчиво задал себе вопрос Леня.

— Как ты узнаешь? Может, тысяча.

Слово опять взял Валентин.

— Нужно действовать по методу исключения. Сперва взять телефонный справочник, затем смотреть на номера домов. Ведь на каждом доме написано, чей он. Но главное — не вызывать подозрений. Дело трудное и требует выдержки.

— Собакины на «С», — сказал Митря.

— Кто это Собакины?

— Он пьяница всем известный. Ломовой извозчик. Мерин его каждый день сам домой привозит. А баба ему как даст, как даст!..

— Нет, этот навряд ли, — помотал головой Валентин. — Сообщника скорее всего нужно искать среди буржуазно-отсталого элемента. С чего бы этому княжескому управляющему иметь дело с ломовиком?

— Он бы какую хочешь картину пропил, — сказал Адриан.

— У Сильдереевых на рынке ларек. Они тоже на букву «С» начинаются, — не унимался Митря.

— Какая лавка?

— Селедкой торгует. И воблой...

— Понятно. Нет, не похоже. — Студент задумался. — Тут должен быть замешан человек, понимающий толк в ценных вещах. Возможно, и образованный.

— У Сомова булочная. Он в шляпе ходит.

— Свинблат образованный! — ударил себя по лбу Адриан. — Он жуликов от суда защищает.

— Адвокат? Сомнительно...

Фамилии на букву «С» сыпались градом. Оказалось, фамилий на эту букву в Крутове так много, что поди угадай!

Кто из них подозрительный? Валентин Курчо вздохнул.

— Вот что, друзья. Я поеду домой и подумаю, что нам дальше делать. Завтра буду у Адриана, и все получите задания. Встретаться станем здесь. Главное, не болтать лишнего, ни дома, никому! Молчок, понятно?

С этими словами Валечка-Козлик пожал руки добровольным помощникам, вышел из бани и повел свой велосипед к несуществующей калитке.

Приятеля снова прикрыли дверь.

— Во жулики! А? — после некоторого молчания почти восторженно произнес Митря.

— Опасные преступники, — согласился Леня.

— Оружия бы нам, да?

Адриан был настроен воинственно.

— Зачем тебе? В кого стрелять? — удивился Леня.

— На всякий случай. У чекистов всегда оружие.

— Они с бандами борются.

— Тут тоже банда, — настаивал Адриан. — Только тайная.

— Мы не чекисты, а разведчики, — потянув носом, пояснил Леня. В баньке было душно, и ему стало жарко. Всегда, когда Лене становилось жарко, у него неизвестно откуда брался насморк.

— Давайте поклянемся хранить тайну, — предложил Адриан, — чтобы никто и никому ни слова...

И вдруг в дверь баньки постучали. Стук был знакомым: раз-два-три... раз-два-три-четыре... И еще раз-два. Мальчишки замерли. Неужели студент вернулся с новостями?!

Митря распахнул дверь. В ней на фоне ослепительной зелени стоял Ромчик.

— Все тут! Вот здорово! — обрадовался он.

— Э! Глядите, откуда такой?

— Из Ванино. У меня зубы болели, вот меня и привезли к врачу. А приехал, и перестали болеть.

— Наверно, со страху, — сказал Митря.

— Может быть. А вы что тут делаете?

Ромчик шагнул в тесное помещение. Его встретили странным молчанием.

— А тебя опять увезут? — спросил Адриан.

— Кто их знает, наверно... Разве от них отвертись?.. В городе нечего делать! Нечего делать... и все! А вы что тут?

— Ничего. «Тарзана» вслух читали. Во, книга! — нашелся Адриан.

— А где она?

Быстрые черные глаза Ромчика обежали помещение.

— Только кончили. Наверху читали.

— Все в голубятне сидели?

— А что? Она у меня крепкая, — пришел на выручку Митря.

— Врете вы все! — Ромчик надулся. Он всегда, когда обижался, надувал губы и сердито смотрел в сторону. — Врете вы, — повторил он. — Что-то придумали, а мне не говорите.

— Да ничего не придумали. Сидим и все, — фальшиво оправдывался Леня.

— Ну и ладно. Не хотите говорить, не надо. Идете на улицу?

— Неохота. Мне гулек гонять...

— А меня дома ждут. — Леня вздохнул.

— И мне пора идти.

Надо же было не вовремя притащиться этому Ромке! Конечно, у них был подозрительный вид. Он догадался.

— А тебя-то как отпустили? — спросил Ромчика Адриан.

— Очень просто. Тетя на даче. Мама в городе. Ей не до меня. К дядьке кто-то из Москвы приехал. В шахматной кепке. Трубку курит. Они все время секретничают.

— Коммерческие дела, — сказал Леня.

— Наверно. Ну их! Вот я и убежал. Ну, так скажете, что придумали?

Все молчали. Маленький нетерпеливый Ромчик рассердился еще сильнее. Стал совсем красным.

— Эх, а еще конники!

— Нет никаких конников. Это было раньше.

— А теперь?

— А теперь ничего нет. Сказано тебе?

Но от внимательного Ромчика не могло ускользнуть то, как все трое стыдливо отводили взгляд. Он разозлился. Все-таки это было с их стороны не по-товарищески.

— Раз, два, три!.. Не станете говорить?.. Ну и подавитесь своими секретами.

Ромчик выскочил из баньки и резко захлопнул за собой дверь. Когда Адриан выглянул, Ромчик уже приближался к воротам.

— Ромка!.. Ро-ома, погоди!.. — вяло прокричал вдогонку Адриан. Ему было жаль обиженного товарища.

— Виноваты мы, раз Валечка больше никому не велел? — оправдывался за всех Митря.

— Все равно он уедет.

— Мы же клятву дали. О чем говорить?!

И все же они чувствовали себя как-то не ловко. Скрыли такие события от своего же товарища, бывшего конника!

Несколько минут молчали, и вдруг Адриан как-то странно, почти шепотом, произнес:

— Слушайте, а как фамилия Ромкиного дяди?

— Сожич. Что, не знаешь? На вывеске магазина написано: «Ян Сожич»... — И тут Митря осекся. Он понял, что за мысль пришла в голову Адриану.

— Сожич! На «С»... — протянул Леня.

— Вот здорово, а? — От удивления Митря даже открыл рот.

— Вы что думаете?.. — Леня не был склонен к поспешным выводам.

— У них дома картины висят. Разные... — холодея от поразившей его догадки, продолжал Адриан.

— Он и есть элемент. Нэпманище... — добавил Митря.

— Слышали, кто-то приехал. Шепчутся... Это сам Ромка сказал. А если это и есть тот?! Очень даже может быть. Валечка говорит — за картиной должны охотиться.

— Они богатые, — продолжал свое Митря. — Сад-то какой!

— А ты еще чуть Ромке не проболтался.

— Я-а? — Леня с удивлением взглянул на Адриана. — Ты что!

— По глазам видел.

— Ну, знаешь...

— Довольно вам, — отмахнулся Митря. — Дело пахнет керосином, а вы тут...

— Я слышал, отец говорил — этот Сожич великий спекулянт, — сказал Леня.

— Как же узнать, что это за дядька?! Не удрал бы...

— Может быть, они и ни при чем? — Адриану вдруг стало обидно за Ромчика. Что за мысль им явилась? Конечно, его дядька нэпман, но все-таки они с Леной ходили к Ромке, он был их товарищем. Таскал для них из дядино дома конфеты... Сомнения терзали Адриана. Это он ведь навел мальчишек на подозрение.

— Узнать бы, о чем они там секретничают с этой кепкой.

Леня снова вздохнул и задумался.

— От кого узнаешь? Не Ромку же спрашивать!

— Во еще придумал! — ухмыльнулся Митря.

— Надо проверить, но так, чтобы никто не знал, — сказал Адриан.

— А как?!

— Действовать осторожно, чтобы не заметили.

— Ты только скажи, я спекулянтов ненавижу во как! Батьку на врангелевском фронте буржуи убили. Он против частников шел, а они вон опять в магазинах, черти толстые. А тут, гляди, тысячу червонцев хотят прикар-

манить... — немногословный Митря сделался вдруг разговорчивым.

— Может, все-таки не они? — осторожно сказал Ленья.

— Узнаем, — твердо проговорил Адриан. — Раз дали клятву — узнаем. Только Валечке-Козлику пока ничего не надо... Нападем на след, тогда уж... Слушайте! Я придумал план. Давайте, как красные дьяволята...

Адриан понизил голос до шепота.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сожича знают в Крутове почти все. Живет он в городе с двадцатого года. Перебрался сюда откуда-то с юга, открыл свой «Оборот» на улице Революции.

К магазину «Оборот» и направлялись сейчас Митря и Ленья. По догадке Адриана, там должны были происходить секретные переговоры хозяина с приехавшим из Москвы подозрительным типом. Митре нужно было проникнуть в магазин под видом покупателя и послушать, о чем они шепчутся. Лене в лавке было лучше не показываться: он иногда бывал у Ромки, и Ян Савельевич мог его узнать. Поэтому Ленья должен был ждать Митрю напротив, на рынке. На всякий случай Адриан отдал Митре единственный пятак из деревянной копилки.

Неподалеку от магазина они расстались. Митря, насвистывая, зашагал дальше, а Ленья перебежал дорогу и затерялся в базарной толпе.

Митря вошел в магазин.

После солнечной улицы здесь было сумрачно. За прилавком стоял сам Ян Савельевич.

— Что тебе, мальчик? — спросил он.

— Купить чего-нибудь, — сказал Митря.

— А что тебе нужно?

— Что?

Митря и сам не знал, что ему нужно в галантерейной лавке, и потому тянул время, задавая бессмысленные вопросы.

— Ножички почему?

— Этот семьдесят копеек. Этот, с двумя лезвиями — девяносто.

Ян Савельевич положил перед Митрей два поблескивающих ребрами перочинных ножичка. Митря принялся разглядывать ножички. Смотрел их долго.

— Ну, выбрал?

Разглядывая ножички, Митря понял, что никакого дядьки в шахматной кепке в магазине нет.

— Больно маленькие. Чего резать? — сказал Митря.

— Большие дороже. Сколько у тебя денег?

— Сколько? — Митря уклонялся от прямого ответа, но Ян Савельевич, наверно, уже сам догадался.

— Может, гребешок? — спросил он. — Вот этот семь копеек. Эта расчесочка — одиннадцать.

Гребешок Митре тоже был совершенно не нужен. Волосы ему чесала мать, да и то только перед праздниками.

— Ну так что же? Хочешь, возьми шнурки. Всего три копейки.

Если бы владелец галантерейного магазина взглянул на Митрины ноги, он бы легко понял, что и шнурков Митре не требуется. Все-таки что-то надо было купить. Просто так уйти было нельзя. Митря чуть было уже не согласился на шнурки, но в это время в соседней комнате затрещал телефон. Ян Савельевич кинулся к аппарату и закрутил ручку.

— У телефона! А-а... жду, Казимир Антонович! — Хозяин магазина обернулся в сторону Митри, но не стал затворять двери, а лишь слегка понизил голос.

— Да, да. Непременно нужно кончать. Дело не терпит. — Ян Савельевич помолчал. Прислушался, что ему говорили в телефон.

— Значит, вы собираетесь уезжать? Получили телеграмму?.. Хотите захватить с собой? Ну что же, если договоримся... Да, транспортировка требует осторожности.

Сожич повторял все, что говорил по телефону его знакомый. Такая была у него привычка. На Митрю он не обращал никакого внимания. А Митря тем временем весь превратился в слух и жадно ловил каждое слово. Сомнений не было. Конечно, Сожич говорил с тем самым... Ну и повезло же!

Митря выскочил из магазина и, не глядя по сторонам, кинулся напрямик через улицу. Навстречу ему уже спешил Леонид.

— Сейчас выйдет! — Митря схватил товарища за руку и потащил его назад к рынку. — Сей минут выкатится. Все я слышал. Через телефон сговорился с тем встретиться... Ждите, говорит, меня. Вмиг приеду... Очень, говорит, трудно эту штуку вывезти, чтобы никто не заметил... Я, говорит, согласен, только дешево не отдам...

— Это про картину? — Леня не верил такой удаче.

— А то про что же? Конечно, про нее. У меня уши знаешь какие? В лавке больше никого не было. Тот-то хочет сейчас же увезти...

— Вот еще! Не дадим! — Леня был готов к действиям. — Где же они встретятся?!

— Откуда мне знать... Мигом, говорит, прилечу, на извозчике... Во, гляди, уже!

Из магазина «Оборот» вышел Ян Савельевич. Он поднял большой железный крюк и вддел его в петлю. Потом повесил тяжелый замок, подергал, не откроется ли, и заспешил наискосок к углу, где у гостиницы «Центральные номера» сучали извозчики.

Ладная воронья лошадь, в черной тонкой дуге, взяла с места так, что Ян Савельевич едва удержался. Но накренившаяся пролетка

тут же выровнялась и покатила, удаляясь от центра.

И сейчас же вслед за нею бросились двое мальчишек.

В этот же час Адриан выполнял часть плана, выпавшую на его долю. Он должен был появиться в доме Сожичей и высмотреть, не висит ли где-нибудь «Старик со свечой»?

Попасть в дом владельца галантерейного магазина для Адриана не составляло труда. Он бывал там и прежде. Правда, не во всех комнатах: не был, например, в кабинете Яна Савельевича, а там-то, скорее всего, и могла находиться загадочная картина.

Мешало делу то, что Ромчик вчера рассердился и теперь, если не уехал в деревню, сидит, наверно, дома и, конечно, дуется. Следовало явиться и сделать вид, что пришел мириться. Еще нужно было убедить Ромку, что от него ничего не скрывали. Просто ничего не успели сказать.

А Ромчик в это время сидел дома, смотрел на пустынную улицу и сучал.

Вчера вечером его все-таки потащили к зубному врачу. Отвертеться не удалось, и Ромчик мужественно вытерпел все муки. Врач по-

ставил временную пломбу и велел явиться завтра. Таким образом, Ромчик задерживался в городе еще на два дня.

В деревне он тосковал. Мальчишки чуть свет уезжали в поле вместе со взрослыми. На улице оставались только голопузые малыши и старухи. Даже поговорить было не с кем. Ромчик погибал от скуки и ничегонеделания.

Но вот он дома и опять не знает, куда себя деть.

Еще вчера утром он так мечтал о встрече с товарищами!.. И нате вам. Они даже не захотели с ним разговаривать. Сидели в своей бане, как в рот воды набрали. Ясно, что придумали какую-то игру, а его не хотят брать.

На дворе было жарко. Ромчик сидел в комнате и смотрел в окно. Рядом с ним, встав на задние лапы и положив передние на подоконник, в окно смотрел бульдог Альберт. На улице совершенно ничего интересного. От жары куда-то попрятались даже кошки, и Альберт недоумевал, чем там мог заинтересоваться Ромчик.

Альберт был старый бульдог. У Сожичей он жил неизвестно сколько лет, никто не помнил этого. Во всяком случае, родился он еще в царское время. Тогда его и называли Король-Альберт. Но после революции, когда мода на королей кончилась, бульдога стали звать просто Альбертом.

У Альберта был очень страшный вид. Редкий прохожий не шарахался, заведя в окне бульдожьему морду.

Но на самом деле Альберт был добродушнейшим на свете псом и готов был дружить с каждым.

Выглянув в окно, Ромчик вдруг увидел, что к их дому идет Адриан. Вот он поравнялся с окном и остановился.

— Привет от старых штиблет!

Адриан был подчеркнуто беспечен. Дескать, ничего такого не произошло — пустяки. Но Ромчик не склонен был отвечать ему в тон.

— Здравствуй, — слегка кивнув, сухо сказал он. Обида еще не прошла. Так вот взять и сразу все забыть, да? Нет, он не из таких.

— Чего вчера убежал, чудик? — продолжал свою игру Адриан.

— А вы чего?

— А мы ничего.

— Рассказывай сказки. Что придумали?

— Мы-то? Что я тебе на всю улицу буду орать, да?

Ответ логичный. Ромчику захотелось выдержать свой характер. Помолчав, он сказал:

— Ну, иди тогда в дом.

Ромчик произнес эти слова с равнодушием, на какое был способен. Но стоило Адриану направиться к воротам, как он скатился с окна и с едва поспевающим бульдогом побегом навстречу приятелю.

Спели песенку несмазанные петли калитки, звякнул засов. Адриан был уже во дворе. На крылечко вышел Ромчик. Он был по-прежнему неприступен.

— Ну, о чем там сговорились?

— О чем?.. — вдруг Адриан понизил голос до таинственного шепота. — В поповский сад решили залезть. Яблоки у него, во!.. Видал? — он сам был поражен пришедшей в голову выдумкой.

— Что же молчали? Я что, по-вашему, попу побегу скажу, что ли? Ну, ладно, заходи. Я один тут, — смягчившись, проговорил Ромка и уступил товарищу дорогу. Адриан взбежал по ступенькам и на всякий случай обтер подошвы.

Мальчики и собака миновали темный коридор и оказались в столовой.

На столе стоял остывший самовар: граненое брюхо все в выдавленных медальях. Наверное, самовар серебряный. Какому еще быть в доме нэпмана? В хрустальной вазе яблоки.

— Хочешь? — спросил Ромчик, поймав взгляд приятеля.

— Не, не надо.

Адриану не до яблок. На стенах в столовой висели картины. Большие, в тяжелых толстых рамах, они были затянуты белыми простынями. Вот так история!..

— Зачем это позанавесили?

— Чехлы? Чтоб мухи не засидели. Лето же, не понимаешь?

— А а... Сохраняете, значит?

— Дядя бережет. Он говорит, картины — это вещь!

— Ценные, наверно?

— Откуда я знаю! Ясно, что денег стоят. На одни рамы сколько золота ушло.

— Настоящего?

— Может, и настоящего.

— А ты знаешь, что на этой нарисовано?

— На этой? Лес. Солнце заходит. Все елки красными стали... Да ты же видел.

— Запомнишь разве все? А тут чего? — Адриан сделал вид, что любопытствует от нечего делать.

— Тут море с корабликом.

— Красивая?

— Ничего. Дяде нравится. «Айвазовский» называется.

— А на этой?

— Сам не помню. Ах, да!.. Цветы всякие, розы...

— Эх, и много же у вас картин...

— Это не все. У дяди в кабинете еще.

— Вот бы посмотреть!

— Пошли! Он не скоро придет.

Ромчик потянул за скобу дверь в кабинет. Но дверь не подавалась.

— Заперта?

— Сейчас найдем ключ.

Ромчик подмигнул товарищу, встал на колени и вытащил из-под двери ключ. Потом вставил его в замочную скважину. Легкий щелчок, и дверь отворилась.

— Пожалуйста, входите...

В кабинете был полумрак. Прикрытые ставни на окна пропускали узкие солнечные полосы. Золотые ленты ложились на ковер. Постепенно глаза Адриана привыкли к темноте, и он стал различать вещи. У окна высился большой письменный стол с бронзовым прибором на мраморе и кожаные кресла.

— Ты смотри! — воскликнул Ромчик. — И тут все позанавесили! А я и не знал. Зачем? Здесь мух-то нету.

Картины, как и в других комнатах, были закрыты чехлами.

— Здорово бережет, — сказал Адриан. — А что на них?

— Тут вот голая тетка нарисована. В нее амурчик из лука целится, — пояснял Ромка, указывая на большую картину над диваном.

— А почему тетка голая?

— А я почему знаю? Голых, может, легче рисовать.

На стене, в дальнем углу комнаты, Адриан различил картину, которая по размеру как раз подходила к той, которую они разыскивали. Он подошел ближе.

— А тут что?

— Неинтересная. Ерунда.

— Какая ерунда?

— Обыкновенная. Тарелка нарисована. Бу-тылка. Селедка ни на что не похожая.

— Это называется натюрморт, — объяснил Адриан. Он уже кое в чем разбирался.

— Ну, пусть натюрморт. Все равно ерунда. Дядя у нашего крутовского купил. Знаешь, такой, в шляпе, как у разбойника, и волосы во все стороны.

— Чикильдеев? Валечка говорил, он художник. Только пьяница.

— Пьяный, наверно, и рисовал. Ерунда. Сейчас я тебе покажу.

Адриан не протестовал. Хотя особого интереса к творению Чикильдеева не испытывал. Нет, совсем не то искал он в доме нэпмана Сожича.

Тем временем Ромчик встал на кресло, оттянул простыню в сторону. Перед ними от-

крылся угол живописного полотна, вставленного в деревянную раму. Адриан увидел край тарелки, с которой синим, похожим на пуговицу, глазом смотрела селедка. Рядом стоял, будто сломанный пополам, стакан.

— Видел?

— Да-а, — разочарованно протянул Адриан. — И верно, ни черта не разобрать.

Ромчик рассмеялся.

— Дядя называет эту штуку шедевром нашего футуриста. Не знаю, зачем он и купил ее.

В это время во дворе послышались чьи-то шаги.

— Идут!..

Ромчик торопливо затолкал край простыни за раму, и мальчик выбежал из кабинета.

На крыльце стоял человек в кепке как шахматная доска. Он был шикарно одет. Пиджак в талию, внизу раструбом. Брюки, наподобие кавалерийских, заправлены в ботинки, зашнурованные до самых колен. На шее бантик в горошек. В Крутове таких пижонов еще не видели. Видно, человек в кепке уже бывал в доме, потому что нисколько не испугался Альберта, который старательно нюхал желтую кожу его ботинок.

— Мой привет, — наклонилась кепка снопчой. — Ян Савельевич?..

— Его нет. Еще из магазина не приходил.

— Знаю. Сейчас должен быть.

— Идите к нему в кабинет, — предложил Ромчик.

Гость вошел, снял кепку, ловко накиннул ее на крюк вешалки и последовал за Ромкой.

В кабинете Ромкиного дяди он расселся в кожаном кресле и вынул из кармана трубку и железную коробочку. Вкусно запахло табаком. Щелкнула зажигалка. Гость пустил струйку сизого дыма.

— Что это за картины? — кивнув на чехлы, спросил он таким тоном, словно картины его нисколько не интересовали. Но Ромчику не пришлось отвечать. На крыльце кто-то опять застучал каблуками.

— Дядя! — Ромчик пошел навстречу.

Ян Савельевич, как всегда, почти вбежал в дом.

— Меня спрашивали?... — Но завидев на вешалке кепку, понятиливо закивал: — Ага, здесь...

На Адриана он, кажется, не обратил и внимания. В дверях уже стоял гость с трубкой.

— Я тут надымил, Ян Савельевич. Ничего?

— Да, — чуть вздохнул Сожич, — у меня, знаете, астма...

— Ах, извините, извините... — засуетился гость и стал поплевывать на трубочку, но Ян Савельевич остановил его:

— Может быть, пойдём в сад?

— С превеликим удовольствием. Здесь не-сколько душно.

Они направились к выходу. Ян Савельевич пропустил гостя вперед, потом обернулся к племяннику:

— Скажешь твоей маме, чтобы нам с Казимиром Антоновичем что-нибудь пригото-вила...

— Чем-то недоволен. Уж я его знаю, — ска-зал Ромчик, когда они с Адрианом остались одни.

Адриану было не по себе. Гость Сожича крайне подозрителен. Как он тут все внима-тельно оглядывал! Глазки так и бегали. Нет, Адриана не прове-дешь. Конечно, хотел узнать у Ромки, где его дядя прячет картину. Адриан явился сюда не напрасно.

Вернулся Ромчик.

— Давай в военно-морскую... — предложил он.

Адриану было не до игры. Ему до чертиков хотелось послушать, о чем будут говорить там в саду, но не мог же он выдать себя?

На листках от тетради в клеточку каждый, как мог хитрее, расположил корабли. Ребята уселись подалеже друг от друга.

— Начали! «Е» пять... — объявил Ромка.

— Мимочка!.. «Женя» девять.

— Тоже мимочка... Я — «Ка» семь!

— Перелетик!.. Сейчас мы...

— Ромчик, — ни с того ни с сего вдруг спро-сил Адриан, — у тебя был отец?

Ромчик удивился и посмотрел в сторону то-варища.

— Давно был, — сказал он, положив огры-зок карандаша. — Мой папа от черной оспы умер. Он в Ташкенте людей лечил, а сам за-

разился и умер. Воен-врач был. Иди сюда...

Они оставили листки, и Ромчик повел прияте-ля в комнату, где жил с мамой. Там на столе возле кровати стояла фотография в медной рамочке. С нее смотрел худошавый человек в буденовке.

— Вот он. Я его и не помню, — сказал Ром-чик. — Он еще на скрип-ке играл... Скрипку нам красноармейцы привез-ли. Потом нас с мамой дядя Ян забрал и при-вез сюда.

Адриану стало как-то неловко; зачем он зате-ял этот разговор? И все же он позавидовал Ром-ке, что у того была фо-тография отца в буде-новке.

— Теперь таких звезд на буденовках не носят. Теперь маленькие... — зачем-то сказал Адри-ан и поровнее поставил фотографию. — Пошли, Ром, на улицу, чего тут сидеть...

Двинулись к выходу. Из-под стола вылез Альберт и затрусил сзади. Но стоило отво-

рнуть дверь во двор, как бульдог забеспокоил-ся и зарычал. В следующий миг он уже со страшным лаем кинулся к заборчику, отде-ляющему сад от двора и в яростном нетерпе-нии запрыгал у затворенной калитки.

— В саду кто-то есть! — крикнул Ромка.

— Там же твой дядя с этим...

— Нет, на дядю он лаять не станет. Гово-рю, кто-то есть... Понеслись!

Пока Адриан вел безуспешные розыски в квартире Яна Савельевича, Митря и Леня не-уклонно приближались к дому Сожича об-ходным путем.

— С улицы они нас увидят. А мы через за-бор и в сад. Я там дырку знаю. Из сада и по-глядим — если картину потащат...

Но знакомый лаз из соседнего сада оказал-ся забитым.

— Перелезем? — спросил Митря тоном полководца, который принимал решение.

Леня запрокинул голову. Не очень-то он умел лазить через заборы.

— Давай по мне! С той стороны столбы. Как по лестнице спустишься...

Митря уперся руками в доски, и Лене ничего не оставалось, как взбираться.

— Давай, давай, — подбадривал его Митря.

И вот Леня, стоя на спине товарища, уже держался за верхнюю доску забора.

— Ну, чего там? Никого не видать? — спрашивал снизу Митря.

— Тихо.

— Валяй, перекидывайся.

С трудом удерживаясь, Леня стал перелезать через забор. Мгновение — и Митря был уже рядом.

— Сигаем вниз... — Он спрыгнул легко и бесшумно. Зато Леня плюхнулся в кусты шиповника.

— Понасадили тут... Колются, черти, — ворчал он, потирая шею.

— Иди за мной! Тихо!.. — скомандовал Митря.

Двинулись в глубь сада. Митря шел сквозь заросли, как умелый следопыт. Он осторожно раздвигал ветви и бесшумно ступал босыми ногами по земле. Кусты послушно пропускали Митрю. А Леню все, что попадалось по пути, кололо, царапало и нещадно хлестало по лицу. Он строил отчаянные рожи, но упорно шел за товарищем.

И вдруг идущий впереди сделал знак — это значило: «Замри!»

Леня замер.

— Слышишь? — тихо зашипел Митря.

Леня ничего не услышал, но на всякий случай закивал головой. Митря сделал еще несколько осторожных шагов и жестом подозвал напарника. Проклиная ветки, которые сухо потрескивали у него под ногами, Леня подошел ближе.

— Гляди туда!..

Митря раздвинул кусты малины. Вот это была удача! Прямо перед ними в соломенных креслах сидели Ромкин дядя и человек с трубкой в зубах. Они расположились в тени широколапного дуба.

— Это тот. Ясно! — шепнул Митря. — Только кепку куда-то дел.

Теплый летний ветерок дул в сторону мальчишек, и слова сидящих были отчетливо слышны.

— Вы же сами убедились, что это за престель. Такого нынче уже нигде нет, — доказывал Ян Савельевич.

— Согласен. Но дорого, дорого...

— Ах, какая красота, — причмокивая, продолжал Сожич. — Вы заметили, что за блеск! А окраска? Ну, о чем говорить?

От напряжения Лене стало жарко. Он засопел носом.

— Кто спорит, Ян Савельевич? — пустив дым, продолжал человек в желтых ботинках. — Но ведь я всего-навсего посредник. Что я заработаю, если заплачу вам такие деньги?

Нэпман погрозил гостю пальцем.

— Не смешите меня. Заработаете, и еще как! Те, кому вы продадите, знают, за что платить. Здесь такая роскошь никому не нужна. Разве здесь способны оценить красивую вещь? Но в Москве!.. О, в Москве еще имеются люди с размахом... Вы коммерсант и, надеюсь, найдете путь туда, где это ценится по настоящему.

— Хо! Это не так-то просто, дорогой...

— Не сомневаюсь.

— А какой риск! Всякие могут быть осложнения...

— Ну, дорогой!.. — Сожич заерзал в кресле. — А мне легко было хранить все это время? И заметьте, ни одного процента порчи!

Митря не выдержал и ткнул в бок Леню, да так, что тот едва не вскрикнул. «Вот это да! Попались, мошенники! Так-то вам и удастся сплавить! Ждите!»

Мальчишки старались не пропустить ни слова.

— Хорошо! — вдруг согласился приезжий. — Только условие: паковать будем вместе. Еще раз просмотрим...

— Сделайте одолжение! — Ян Савельевич чуть ли не запрыгал в кресле. — О чем говорить? Каждую полосу проглядим, каждую шкурку...

Митря и Леня переглянулись. Что еще такое? О чем они?

— Дело прошлое. Где же вы приобрели такую пушнину, Ян Савельевич? — спросил гость, поднимаясь.

Сожич печально вздохнул.

— Где? Вы спрашиваете... Были люди — бывшие промышленники... Я тогда надеялся начать большое дело... Все кончилось «Оборотом». Жмет госторговля. Пока не поздно, приходится вкладывать деньги в вещи. А кому здесь нужны меха? Они будут носить овчинные полушубки и городить эту индустриализацию! Читали? Кому тут нужна норка, горностай, серебристая лисица?..

Это был удар страшной силы. Со злости Митря чуть не поломал куст. Оказывается, речь шла о каких-то никому не нужных шкурках.

Леня так расстроился, что неожиданно осту-
пился и попал ногой в какую-то ямку. Кач-
нувшись, он успел схватиться за куст, но вет-
ка оказалась сухой, затрещала. И сейчас же
послышался собачий лай. Леня опрометью ки-
нулся к забору. Но собака была уже в саду
и, конечно, догнала бы его, если бы... Если
бы Митря не прикрыл отступление товарища.
По опыту Митря знал, что от собак лучше не
бегать. Митря остался на месте. Из-за кустов
выскочил Альберт. Вид у бульдога сейчас
был такой зверский, что у Митри затряслись
поджилки. Но тут, вслед за собакой, из-за
кустов выбежали Ромка и Адриан.

— Тубо! Тубо, Альберт, свой! — кричал за-
пыхавшийся Ромчик.

— Митря? — Адриан опешил, увидев това-
рища. — Вот еще!.. Как ты сюда попал?

Страх перед грозным бульдогом заставил
Леню с невиданной для него ловкостью взле-
теть на забор. Несколько секунд, и он уже
повис с другой стороны, как маятник, мотая
ногами и ища какой-нибудь опоры. Но точки
опоры не нашлось. Леня разжал руки и, за-
жмурив глаза, полетел вниз. Он свалился в
разросший вдоль забора репейник и замер,
прислушиваясь к тому, что происходило в са-
ду Сожича.

А в саду за забором перед Митрей уже
возникли хозяин дома и его гость.

— Тубо, Альберт! Что тут такое случилось?
А-а!.. — Ян Савельевич быстро оглядел не-
презентабельный костюм Митри. — Через за-
бор, конечно?.. Тубо, Альберт!

Но Альберт уже и без команды перестал
лаять. Однако он не спускал красных подсле-
поватых глаз с нарушителя.

— Это Митря, — смело выступил вперед
раскрасневшийся Ромчик. — Он ко мне при-
шел, дядя...

— К тебе?! Очень интересно... А почему
через забор? Разве так удобнее? Постойте,
постойте!.. По-моему, мы сегодня уже виде-
лись... А что это у твоего товарища за пазу-
хой?

Митря вытащил из-под рубахи единствен-

ное яблоко, которое он поднял с земли по пу-
ти. Он бросил яблоко.

— Хорошие у тебя гости, Рома, нечего ска-
зывать, подобрал приятелей...

— Никакой я не гость. Зря это он... Яблоко
я хотел набрать. Только и начал... — потупясь,
выпалил Митря.

— Неправда! Он не за тем... — вырвалось
у Адриана.

— За тем! — твердо сказал Митря. Адриан
осекся, поняв, что, выручая товарища, чуть не
выдал тайны.

— В милицию сдать надо, — спокойно про-
изнес человек с трубкой. — Отправят в коло-
нию малолетних преступников. Там научат
уважать чужую собственность. Начинают вот
так, с яблок, а потом грабежи со взломом...

— Не надо в милицию, дядя Ян! Он боль-
ше не будет! — просил Ромчик.

Но Ян Савельевич не поддержал приезжего
коммерсанта. Он предпочитал иметь помень-
ше дела с милицией. Кроме того, Сожич, вид-
но, был так доволен удачно завершившейся
сделкой, что решил быть великодушным.

— Ну, вот что, — сказал он. — Ступай от-
сюда поскорей, разбойник. На этот раз я те-
бя отпускаю. Но попадешься еще раз, не по-
радуешься. Имей в виду, эта собака может
разорвать любого. И клочков не останется. —
Сожич мотнул головой в сторону уже совер-
шенно по-домашнему улегшегося на землю
Альберта и продолжал, наступая на маль-
чишку: — И чтобы духу твоего тут не было!

Митря покорно последовал в указанном ему
направлении. Ян Савельевич и его гость по-
шли за нарушителем. За ними Ромчик и Ад-
риан. Позади всех, тяжело дыша, плелся
бульдогом.

Во дворе Сожич остановился, чтобы про-
следить, как нарушитель покинет его дом.
Ромчик воспользовался моментом и догнал
Митрю.

— Ну, чего ты залез? Я бы тебе сам на-
рвал яблок. Каких хочешь... Эх ты!..

Митря ничего не ответил. Он уже взялся
за железную скобу калитки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Все утро Валентин Курчо посвятил обду-
мыванию плана действий. Оставив велосипед
дома — когда ходишь пешком, думается луч-
ше — Валентин бродил по тихим окраинным
улицам Крутова. Но сколько он ни думал, а
ничего, кроме идеи проверить всех подозри-
тельных хозяев на букву «С», в голову не
пришло.

В середине дня, проголодавшись, он при-
был на станцию Крутов-I. Валентин любил
бывать на вокзале, прогуливаться по перрону,
встречать и провожать поездов. Станция Кру-
тов-I связывала его с оставленным на севере
Ленинградом. Здесь он мечтал о том, когда
снова взбежит по вагонным ступеням и под
удары медного колокола укатит на запад.

В кармане Валентина Курчо был рубль. Один из тех рублей, которые он заработал, обучая Адриана премудростям основ перспективы. Этот рубль Валентин полагал сейчас потратить с толком и вкусом.

Ах, как нравилось ему сидеть за столиком в вокзальном ресторане, просматривать позавчерашний номер московской газеты, ожидать, пока принесут заказ, и воображать себя человеком вполне независимым. Ведь известно, что куда интереснее есть невкусную котлету в ресторане, чем самое вкусное блюдо дома.

Валентин зашел в ресторан и удобно расположился за столом под старой пальмой. Он дважды перечитал карточку и заказал полпорции отбивной и бутылку лимонада.

Проворный старичок с потертым бантиком на шее сбежал к буфету, принес толстенькую бутылочку, откупорил и налил шипящего лимонада в высокую стопку, поставленную перед Валентином. Затем старичок учтиво, но с достоинством поклонился и исчез за перегородкой.

Довольный таким обхождением Валечка

взял в руки «Известия». Но не успел он прочитать сообщение из Лондона об антисоветской речи английского премьера Чемберлена, как внезапно над его ухом послышалось хрипловатое:

— Здравствуйте, коллега!

Валентин оторвался от газеты. Перед ним было худощавое усатое лицо с печально опущенным носом.

— Не протестуете, коллега? — продолжал подошедший и, не ожидая ответа Валентина, сел напротив. Сняв большую помятую шляпу, он бросил ее на свободный стул и, тряхнув длинными нечесаными волосами, представился:

— Чикильдеев Эраст Игнатьевич. По-старому внеклассный художник.

— Валентин Курчо. Студент академии, — несколько смутившись, проговорил в ответ Валентин.

— По классу живописи?

— По живописи. У профессора Савина...

— Не слышал такого, — помотал головой усач. — Русь изучать приехали?

— Да нет, не совсем. К тете, — объяснил студент. — Я тут давно. И про вас слышал.

— Про Чикильдеева кто не знает! Самый большой талант в Крутове, — сказал художник и поднял палец.

Валентин чувствовал себя не особенно удобно. Он не знал, следует ли что-нибудь предложить крутовскому художнику. Но тот сам пришел на помощь.

— Разрешите заказать пивка, коллега? Хочется охладиться, жара, а деньги дома позабыл.

Валечка согласно закивал головой и нащупал в кармане единственный рубль.

— Гарсон!.. Гарсон!.. — крикнул усач за перегородку, куда исчез старичок. И как только тот появился, скомандовал:

— Бутылку холодного пива и пару раков... Лучших. Понятно?

Заказывал он это таким образом, будто обладал несметным количеством денег. Но Валентин уже знал: платить придется ему. Правда, он рассчитывал, что после посещения вокзального ресторана у него еще что-то останется от рубля, но что было делать.

— Значит, в академии изволите обучаться, — продолжал Чикильдеев. — А в каком стиле пишете?

— В обыкновенном, современном. Ищу новые формы, — несмело произнес Валентин.

— Урбанист или экспрессионист?

— Да нет же... — студент несколько растерялся.

Валентин уже был готов раскрыть этюдник и показать художнику, в каком стиле он пишет картины, но тот, видно, не особенно интересовался его творчеством.

— А я все школы живописи прошел, — сказал он. — В товариществе «Бубновый валет» состоял. Слыхали? Не сошелся. Выставили... Кубистом и то был. А на черта? Никто тут в этом ничего не соображает. Ну, и бросил. Теперь пишу вывески. В самом понятном духе, — Чикильдеев чуть помолчал и продолжал уже более миролюбиво: — Вот вокзалы люблю... Поезда приходят и уходят, а я все тут... Если б я жил в Париже или в Москве, давно бы уже был знаменитым... А как вы думаете, коллега? Согласны?

Валентин слегка пожал плечами. Крутовский живописец был изрядно пьян.

Старичок с бантиком притащил бутылку пива и тарелочку, на которой лежали два красных, как свежеекрашенная крыша, разлапистых рака. Открывая бутылку, он выразительно взглянул на молодого человека и учтиво сказал:

— Котлетка готовится. Сей минут...

— Новый. Приехал откуда-то. Не было его тут раньше, — мрачно сказал Чикильдеев вслед старичку, как только тот отошел от столика. — Тоже, знаете, туда же, живописью интересуется. Два дня назад спрашивал меня, кто тут в Крутове держит картины. Слово-то какое: «держит»! Серость!.. Тут, говорит, был у вас какой-то любитель. Не то Сидоров, не то Савельев... Очень, говорит, хотелось бы мне его картины посмотреть... Чудак-рыбак!.. Какие здесь картины?! Разве живопись им нужна? — И Чикильдеев хрипло засмеялся.

А Валентин Курчо от этого известия чуть не поперхнулся лимонадом и замер за стопкой. Нет, не послышалось ему! Старичок с бантиком искал какого-то владельца картин и именно с фамилией, начинавшейся на букву «С». И был он человеком, откуда-то недавно приехавшим.

— Вы говорите, ценителей живописи здесь нет? — с трудом, стараясь казаться безразличным, проговорил студент.

— Какие тут ценители, молодой человек?! Жулики тут те, кто деньги имеет. Вот и все! — пробурчал Чикильдеев, одним глотком опустошая стопку. — Кончились меценаты, фю-и-и!.. Вот раков здесь варят, это да! Умеют, собаки.

С раками он расправлялся с поразительной ловкостью. Не успел Валентин, что называется, и оглянуться, как от одного рака на тарелке остались только старательно высосанные ошметки. И бутылка пива была уже почти пуста.

стой. Чикильдеев, вероятно, догадался о финансовых возможностях студента, потому что вдруг как-то потерял к нему интерес и умолк, начав клевать носом. Но тут он увидел, как за столик у противоположной стены уселся высокий человек с гладко выбритым лицом. Усаживаясь, он отставил в сторону тяжелую трость и повесил на нее соломенную панаму с полосатой, как флаг, лентой.

— Иван Саввич, вот это компания!.. Когда прибыли?

Чикильдеев взял тарелку с недоеденным раком и направился через весь ресторан, позабыв даже поблагодарить студента. Человек в светлом костюме привстал и подал руку крутовскому художнику.

Юркий старичок принес пахнущий жареным луком кусок мяса на продолговатом металлическом блюде и поставил перед Валентином.

— Кушайте, сделайте одолжение...

Краем салфетки он стряхнул со скатерти шелуху и осуждающе покачал головой.

— Несамостоятельная личность. Теперь, видите, к ним пристраивается. А это, знаете, кто будут?.. — Старичок приглушил голос. — Известный артист драматический Днепров-Марлинский. Я их знаю. Они во многих местах, где я служил, выступали. Выходит, и здесь станут гастролить.

Старичок брезгливо взял шляпу Чикильдеева и понес ее художнику, который уже уселся напротив Днепров-Марлинского. И сейчас же до Валентина донесся приятный голос:

— Да, да, буду здесь... «Акосту» станем давать и «Кина»... Недели через две-три, дорогой...

Расправиться с полупорцией отбивной Валентину было недолго. Он уже приканчивал соус, когда снова появился услужливый старичок.

— Может быть, чаю и пирожного? — спросил он.

Валентин готов был пить чай и без пирожного, чтобы продолжить знакомство со стариком и выведать, с какой это стати он интересуется картинами, но рубля хватало только расплатиться.

— Нет, — сказал он. — Чаю не хочется. Сколько с меня?

Но старичок явно не торопился рассчитываться. Он не спеша складывал посуду, потом опять принялся стряхивать крошки со скатерти и собирать их в руку.

— Да что тут... Всего-ничего. Сейчас, минуточку... — он чуть помолчал и заискивающе добавил: — Если не побеспокою, позвольте спросить, художник будете?

— Пишу, — кивнул Валентин.

— Оно сразу видно человека... И в Крутове тут, поди, с малых лет живете?.. В музее я здешнем был, — продолжал словоохотливый старик. — Знаменитые картины висят. А все же одного портрета не видать.

Еще какой-нибудь час назад Валентин Курчо мучился, раздумывая над тем, как ему напасть хотя бы на слабые следы тех, кто прятал картину великого художника, и вот...

— Какого такого портрета? — тихо спросил Валечка, пряча охватившее его волнение.

— Старичка одного почтенного. Я, видите, у князя служил. Там все на эту картину глядели. Уж такой портрет. Поглядишь, и на душе хорошо...

— Что же это за портрет, чьей кисти?

— Да разве мы в этом понимаем... Художник старинный писал. А уж такая картина, что непременно мне на нее еще поглядеть хочется... Сердце бы успокоилось. Вот и думаю, раз занесла меня судьба сюда в Крутов служить, нагляжусь хоть... Да нету ее на стенах музейных, не видать... Может, в подвалах где? Да разве нашему брату покажут? — Старик вздохнул. — Восемьдесят восемь копеечек с вас.

— Сдачи не надо, — краснея, сказал Валентин и положил на стол единственный рубль. — А откуда вы взяли, что картина такая в Крутове должна быть?

— Да кто его знает... Покорно благодарю, — поклонился старичок, пряча рубль в кошелек с застешкой шариками. — Люди говорили, вроде как княжий дом ликвидировали, портрет этот в Крутове оказался. Да, может, зря болтали... А может, и не в музее, а так у кого висит. Вот я и думал, поскольку вы по живописной части, может, где и видели...

— Что же там нарисовано-то, хоть объясните, что за портрет, чей?

Валентину хотелось убедиться в том, что речь действительно шла о рембрандтовском шедевре.

— Да чего же там... Человек почтенный, борода клином и свечку в руках держит, будто посветить кому собрался.

— Нет, — сказал Валентин, чувствуя холод, который охватил его. — Такого нигде не видел.

— Может, и нет, конечно... Может, и нет... врут... — торопливо закивал старик, внезапно потеряв всякий интерес к молодому человеку. — Заходите, будете гостем...

Валентин поднялся и повесил на плечо этюдный ящик. Потом он, как мог снисходительнее, кивнул старичку и нарочито медленно пошел к выходу.

Но только закрылись за Валентином Курчо ресторанные двери, как он прибавил шагу, а выйдя на улицу, побежал.

Студент был взволнован до крайности. Хитрющий старик прикидывался профаном. А очень возможно, что это был сообщник того самого управляющего. Или, чего доброго, сам управляющий князя! Хотя тогда бы он не стал спрашивать про картину. Управляющий знал, кому он ее оставил. А вдруг этот старик откуда-то узнал о похищенном Рембрандте и хочет перехватить картину? Или, очень может быть, это и есть посланец тех дельцов, которые должны появиться в Крутове?

В рекордно короткий срок Валентин достиг дверей своего дома, хотя для этой цели ему пришлось пересечь весь город. Не теряя и минуты, он сел на дамский велосипед и, как мог быстрее, закрутил педалями в направлении улицы Профсоюзов.

Юные помощники студента открыли рты от удивления и замерли, когда Валентин рассказал им об услышанном. Пока они втроем вертелись вокруг никому не нужного Ромкиного дяди и московского спекулянта, Валентин набрел на опасного человека, который, если все подтверждалось, явился в город, чтобы вывезти картину.

Как и условились, про неудачный самовольный поход к нэпману никто не обмолвился и словом. В старой баньке, где происходил этот разговор, наступила строжайшая тишина. Ее нарушали только цокающие лапками по полу голуби, которым и дела было мало до нешуточных событий.

— Это обязательно от того управляющего, — сказал наконец Адриан.

— А то от кого же? — подтвердил Митря.

Леня старательно тер рукой лоб. Этим он хотел показать, что напряженно думает. Но на самом деле он уже успел стукнуться о перекладину лесенки и теперь нащупывал, будет у него шишка или на этот раз обойдется так.

— За стариком нужно следить, — сказал Валентин. — И следить незаметно. Работает он на вокзале через день, так что сегодня от нас никуда не уйдет. А завтра нельзя глаз с него спускать...

— Ага, еще найдет и дунет отсюда. Только его и видели!.. — согласился Митря.

— А где он живет, этот хитрый старикашка?

Валентин кинул взгляд на Леню и тут только сообразил, какую непростительную оплошность он сотворил. Ведь, уйдя из ресторана,

он не узнал, где остановился старик. Теперь получалось, что завтра тот может действовать без всякого наблюдения и делать, что ему вздумается. Как же теперь быть? Ведь не дежурить же до полуночи у ресторана...

— Вот что, друзья! — Валентин принял решение. — Мы должны его опередить. Первыми побывать в доме, где он собирается искать картину. Если мы будем знать, что она там, старик нам не страшен.

— А что это за дом, как узнать?

— На какой улице?

— Если бы знать...

— Как его найдешь?

Недоуменные вопросы обрушивались на бедного Валентина. Он усиленно напрягал память, вспоминая все, что сегодня слышал. Чикильдеев бурчал, что старик интересовался каким-то бывшим богачом с фамилией на «С».

— Мы должны разузнать, что это за человек. Кто в Крутове знает старых богачей, которые никуда не сбежали?

Леня пожал плечами. Митря молчал. Богачей он знал плохо. Ему не приходилось с ними близко сталкиваться.

И вдруг молчание нарушил Адриан.

— Агафоновна! — Он ударил себя по лбу. — Она в Крутове всех старух и стариков знает. У кого какой дом и даже лошади какие у кого были, помнит. Как фамилия — Сидоров или Савельев, да?

— Что-то в этом роде, — оживился Валентин. На горизонте, кажется, опять появился просвет.

— Агафоновна. Она всех до одного знает, — повторил Адриан.

— Расспросить!..

— Разведать...

Друзьям уже не сиделось на месте.

— Хорошо, — Адриан вскочил на ноги. — Будьте тут. Она сейчас, наверно, дома... Я — одна нога здесь, другая...

И он выскочил из бани.

Агафоновна действительно оказалась дома. Адриан прибежал на кухню и с места атаковал старуху.

— Агафоновна, ты какого-нибудь Сидорова или Савельева знала, который в Крутове богачом был?

— Да мало ли их было, Сидоровых всяких! Вон лавок-то сколько. А самый богач Клобуков был. И кобель у него такой черный. Боксом звали. Да к чему тебе?

— Надо. Нет, не такой богатый, но все-таки... На букву «С» начинался. Салазкин, может быть... Дом у него свой был и добра всякого.

— Салазкина не знаю. У всех свои дома были. В чужих-то никто не жил. — Старуха задумалась. Адриан ждал. — Вот, еще, — сказала Агафоновна, помолчав, — может, Сахаровы тебе нужны. Сахаров церковной утварью, иконами торговал... И дом каменный имел. Еще и с флигелем... И выезд у него был. Лошади все как одна! Третью жену, молодую, взял. Потом его в кутузку таскали, а все говорили: денег и добра напиртал... никто не найдет.

— Сахаров, говоришь? Не путаешь?

— Да кто же его спутает! Я в молодых у дохтура жила. Он все к ним ездил.

— А где сейчас этот Сахаров?

— Где? На том свете. Все хотел большевиков перехитрить. Так не вышло. А хозяйка его и теперь, что осталось, продает.

— На какой же улице жил этот Сахаров? — Адриан проявлял явное нетерпение.

— Тебе-то зачем? Когда это было-то!.. Комсомолия потом все песни пела в ихнем доме. На Владимирской дом, против церкви.

— Владимирская... Это Карла Маркса теперь?

— Там и есть, против церкви. В аккурат вдова его и сейчас там во флигеле. Я, как в город пойду, частенько ее замечаю. Рыхлая женщина, а лицом белая... Куда же ты? Мать придет, обедать станем!..

Но Адриан ничего больше не слышал. Он вихрем пронесся через двор и через минуту уже влетел в Митрину баню с победным криком:

— Есть, выведаль, узнал!.. Сахаров фамилия...

Решение было принято немедленно.

Валентин задумал посетить бывший дом Сахарова. С собой он брал одного — самого строго — Митрю. Вчетвером они могли бы вызвать ненужные подозрения.

Через десять минут студент и Митря уже покинули баньку. Под завистливые взгляды оставшихся дома конников они торопливо зашагали вверх по улице Профсоюзов.

Что было дальше

Поход к вдове Сахарова дал неожиданные результаты.

В старом дворе флигеле, где, втиснутая между пазатыми комодами и кипарисовыми сундуками, жила вдова бывшего крутовского кожевеннозаводчика, никакого «Рембрандта» не оказалось. Но зато Валентин узнал, что за два дня до него тут побывал какой-то старичок с бантиком, который назвался работником местного музея и интересовался, нет ли среди оставшихся от хозяина картин портрета почтенного человека со свечой в руках.

Не было никаких сомнений. Представитель «музея» — не кто иной, как проворный старичок-официант из вокзального ресторана. Это было чрезвычайно важное обстоятельство. Выходило, что за картиной уже охотятся. Промедление в поисках могло кончиться тем, что полотно попадет в руки авантюристов и навсегда исчезнет из Крутова.

Поразмыслив, Валентин решил — необходимо принимать серьезные меры.

С утра студент отправился в губисполком, отыскал там «Отдел борьбы с вредным элементом» и обратился к его начальнику — человеку в очках и потертой кожанке, который в единственном числе и составлял весь отдел. Оказалось, что товарищ Залесский — так звали начальника — знал о пропавшем полотне,

знал и о том, что у вдовы Сахарова его нет. Но о вокзальном старичке начальнику было неизвестно. Он поблагодарил студента и вместе с ним отправился на станцию Крутов-1.

Петр Наумович Залесский велел Валентину ждать его в садике у вокзала, а сам отправился в ресторан. Вернулся он очень задумчивым и показал студенту письмо, которое ему отдал официант.

Оказалось, что старичок с бантиком, бывший лакей князя Мещерского, совсем недавно получил это письмо без подписи от неизвестного человека. Автор письма советовал старичку проехать в город Крутов, отыскать там дом бывшего богача с фамилией, которая начиналась на букву «С», и постараться приобрести картину, на которой изображался старик со свечой. Лакею было обещано, что если он вывезет картину из Крутова к себе на Волгу, к нему затем приедут и выкупят ее втридорога.

Хитрый старичок уже раскаивался в том, что ввязался в нечестное дело, тем более теперь, когда убедился, что никакой картины в городе нет и его просто провели. Он отдал злополучное письмо исполкомовскому начальнику и собирался немедленно по добру-поздорову убраться восвояси.

И все же товарищ Залесский именно теперь предполагал, что картина находится в Крутове.

Продолжение следует

ЗАПОЛУЧНЫЙ ЭКСПРОМТ

РАССКАЗ

Сергей Новиков

Рисунки Г. Праксейна

Эконом кадетского корпуса Андрей Петрович, маленький толстый человек в засаленном сюртуке, сидел, сгорбившись, у стола в своей служебной каморке с самым удрученным видом.

За окном моросил мелкий сентябрьский дождь. Покрасневшие веки эконома говорили о проведенной бессонной ночи. На столе лежала четвертушка бумаги, исписанная мелким убористым почерком. Это был рапорт эконома на имя директора корпуса.

Андрей Петрович только что вернулся с похорон. Он все еще не мог поверить тому, что лишился лучшего повара Евдокимыча, с которым работал в экономии много лет.

Рассеянный взгляд Андрея Петровича упал на рапорт. Он машинально свернул его вчетверо и положил на край своей треуголки. От пережитого волнения и ощущения какой-то пустоты он весь обмяк. Голова его свесилась, очки сползли с носа. Он грузно привалился к спинке стула и задремал.

Дверь позади тихо скрипнула.

Послышался шепот:

— Он спит, Котька... честное слово, спит!

— Подождите, братцы, я с ним сыграю маленькую шутку, — объяснил толпившимся в дверях воспитанникам черноволосый мальчуган. Большие темные глаза его искрились неистощимым озорством.

— Да говори же скорей, Рылеев, что ты задумал?

— Пока секрет. Глядите в оба и не мешайте мне! — повелительно приказал мальчуган, скользнув в комнату эконома.

Старик спал. Рылеев неслышно подкрался к креслу. На столе лежала старенькая засаленная треуголка, из обшлага которой выглядывал уголок вчетверо сложенного рапорта эконома.

Андрей Петрович грузно пошевелинулся во сне и вдруг обвел воспитанника мутными невидящими глазами. Мальчуган замер на месте, но старик уже снова спал, уронив голову на грудь.

Несколько пар глаз с любопытством следило за каждым движением воспитанника Рылеева. Что же будет дальше? Рылеев за спиной старика не спеша развернул чистый лист бумаги, прислонился к подоконнику. Казалось, он совсем забыл о старике-экономе и своих товарищах. Лицо его преобразилось, задумчивый взгляд рассеянно был устремлен в окно.

— Чего же он тянет? — недоумевающе спрашивали друг у друга воспитанники.

Но Рылеев уже выхватил из кармана карандаш. На бумаге появился один столбик четверостишия, другой...

— Господа, я угадал! — воскликнул высокий мальчик с рыхлым угреватым лицом, князь Волчанинов. — Бьюсь об заклад, Рылеев хочет состряпать экспромт на смерть повара...

— И засунуть его за обшлаг треуголки... — подхватил кто-то.

— А отчет забрать... Браво, Котька, вот будет потеха!

Рылеев вскинул голову, приложил палец к губам. Потом подкрался совсем близко к старику, так, что слышал рядом его прерывистое дыхание. Еще секунда — и отчет эконома очутился в руках мальчугана, а свой экспромт он осторожно вложил за обшлаг треуголки.

Все было делом одной минуты. Но вдруг воспитанники отпрянули от двери. Послышался короткий сигнал тревоги. Рылеев в два прыжка очутился у порога и под носом воспитателя прошмыгнул в коридор.

...В третьем часу дня директор корпуса генерал-майор Клиггер вызвал к себе старшего эконома Боброва для представления отчета о состоянии экономии.

Андрей Петрович, как ужаленный, вскочил с кресла, бросился к умывальнику. Поспешно вылил на голову кушвин воды, пристегнул белый воротничок.

Каждый раз, собираясь к генералу, он испытывал непреодолимый страх. Андрей Петрович был человек мягкого, кроткого нрава,

он трепетал перед крутым директором, которого воспитанники недаром прозвали «Белым медведем».

Старик потянулся было к шкафчику, чтобы пропустить для храбрости стопку кизиловой настойки, но, махнув рукой, засеменял к выходу, нащупывая за обшлагом треуголки листок отчета.

— Ах ты, господи, вся жизнь суета сует, — вздыхал Андрей Петрович, торопливо пробираясь среди воспитанников в кабинет директора. Затаенные усмешки на лицах ребят встревожили эконома. «Разрази меня гром, если эти разбойники чего-нибудь не подстроили!» — мелькнуло у него в голове.

Директор корпуса сидел за письменным столом. Длинные пальцы его перебирали листы какой-то рукописи. Это был высокий человек с пронизывающим взглядом глубоко посаженных глаз на узком желчном лице... Не обращая внимания на почтительно стоявшего эконома, генерал продолжал разбирать бумаги. Наконец он откинулся в кресле. Гладко выбритое лицо и блеснувшие из-под стекол очков глаза обратились на Андрея Петровича с холодным вниманием.

— Ну-с, что у вас там такое?..

— С отчетом-с, ваше превосходительство...

Генерал долго и молча смотрел на приземистую фигуру эконома, засаленный потертый сюртук, помятые брюки, по его лицу пробежала гримаса брезгливости.

— Опять вы явились ко мне в таком виде...

Андрей Петрович виновато замигал белесыми ресницами и торопливо зачастил хриплым простуженным голосом:

— Ваше превосходительство, извольте видеть... сбился с ног, потому похороны. Один остался...

— Ну ладно, ладно! — нетерпеливо прервал его директор. — Давайте же!...

Андрей Петрович с суетливой поспешностью вытащил листок из обшлага треуголки, подал директору.

Генерал с тем же брезгливым выражением на лице протянул холеную руку, поднес лист к глазам.

За дверью директорского кабинета толпились воспитанники. Они становились на цыпочки, расталкивая друг друга, стремясь заглянуть в просвет неплотно прикрытой двери.

Эконом стоял перед столом, вытянувшись по-солдатски, и напряженно следил за выражением лица генерала, стараясь отгадать, какое впечатление произвел на него отчет.

Внезапно лицо директора медленно начало багроветь, губы его дернулись и лохматые брови грозно сдвинулись.

— Послушайте! — загремел вдруг генерал, с шумом отбрасывая кресло. — Что это значит? Что вы такое дали мне, милостивый государь?!

— Отчет-с, ваше превосходительство! — проговорил Андрей Петрович, чувствуя, как у него задрожали колени.

— Я вас спрашиваю, что вы мне дали? — грозно надвигаясь на него, закричал генерал, теряя всякое приличие.

— Отчет-с... — прошептал эконом, отступая в ужасе от генерала, ничего не понимая, но сознавая, что случилось что-то непостижимо страшное.

Разъяренный генерал вплотную подступил к эконому, и Андрей Петрович, немея от страха, зажмурил глаза.

— Ну-те-с, милостивый государь, — яростно выдохнул Клиnger, — извольте сейчас же прочесть свой отчет. Ну-с! Я жду!

Андрей Петрович судорожным движением подхватил брошенный листок отчета. Его была лихорадка. Второпях он никак не мог надеть очки. Они цеплялись за волосы, спадали на нос.

Наконец он взглянул на отчет и похолодел. На том месте, где должно было быть написано: «Его превосходительству директору кадетского корпуса», стояло: «Кулакиада».

Голова у него пошла кругом. Он почувствовал, что летит в пропасть.

— Не могу-с! — прохрипел он с усилием.

— Читай! — страшным голосом закричал генерал.

— *Шуми, греми, незвучна лира
Еще не опытна певца,
Да возглашу в пределах мира
Кончину пирогов творца...*

Андрей Петрович захлебнулся, но свирепый взгляд генерала заставил его продолжить:

— *А ты, о мудрый, знаменитый
Царь кухни, мрачных погребов,
Топленным жиром весь облитый
Единственный герой Бобров...*

Дружный хохот воспитанников за дверьми директорского кабинета оборвал жалкий лепет старика.

— Вон!!! — затопал ногами генерал.

На мгновение все стихло. Проделка воспитанников приняла для бедного эконома серьезный оборот. Молча расступились они, когда Андрей Петрович появился перед ними, выйдя из кабинета директора.

Он шел спотыкаясь, втянув голову в плечи. Лица воспитанников слились перед ним

в сплошную массу, в ушах неумолчно гремел страшный крик генерала.

Старик не помнил, как очутился в своей комнате, как опустился на стул, закрыв лицо руками. Неожиданно он услышал рядом с собой глубокий вздох и какой-то шорох. В испуге он оглянулся.

Перед ним стоял воспитанник кадетского корпуса Кондратий Рылеев. Темными расширенными глазами он смотрел на эконома, и в этом взгляде было столько немой мольбы, что Андрей Петрович оторопел.

— Простите меня, Андрей Петрович, — прошептал мальчик.

Что-то дрогнуло в лице старика. Губы его затряслись.

— Так это ты? — сорвалось с его губ. — Ты?

— Это сделал я! — поспешно выпалил мальчик, опуская голову.

Андрей Петрович отвернулся. Из его глаз вдруг хлынули слезы... Ему не хватало воздуха.

— Простите меня, Андрей Петрович! — повторил Рылеев. — Я исправлю это зло...

— Бог простит, чего уж там... — глухо проворкотал старик, все ниже и ниже роняя седую голову, но последние слова воспитанника заставили его встрепенуться.

— Как вы сказали?

— Я пойду к директору корпуса генералу Клингеру! — решительно вскинул голову мальчик. — Я объясню ему все...

Лицо эконома омрачилось. Он медленно поднялся с места.

— Нет, вы это не сделаете!.. Семь бед — один ответ. Послушайте меня, заклинаю вас...

Подбородок его прыгал. Он вдруг притянул мальчугана к себе, и Кондратий скорее понял, чем услышал слова, сорвавшиеся с его губ:

— Вас засекут!..

Взгляды их встретились, и старик отпрянул в изумлении. Такой неистовый огонь решимости сиял в глазах мальчугана.

— Спасибо тебе, милый, добрый наш Андрей Петрович! — звонким, сорвавшимся голосом воскликнул Рылеев. — А все-таки зло будет исправлено и наказано.

Кондратий порывисто стиснул руку эконома и выбежал в коридор. У кабинета директора он остановился, чтобы собраться с мыслями. В глазах его неотступно, словно за туманным окном, застыло искривленное болюю лицо старого эконома.

Но в эту минуту Рылеева окружили товарищи, и князь Волчанинов, тревожно заглядывая в глаза, участливо спрашивал:

— Что ты хочешь делать? Опомнись! Ты подвергаешь себя и нас опасности. К чему эта игра в благородство?

Рылеев резко, в упор взглянул на князя. Кровь бросилась ему в голову.

— Можете быть спокойны, я вас не выдам.

А сейчас отстаньте все от меня! — оборвал он товарищей и, уже не задумываясь, распахнул дверь кабинета.

Генерал Клиnger, мрачно насупившись, сидел за столом. Он был раздражен и нервно барабанил пальцами по столу. Что за нелепость эта история с экономом?..

Скрип двери заставил его очнуться. Он поднял голову. Перед ним стоял юный воспитанник. Генерала поразил ясный, твердо устремленный на него взгляд мальчугана...

— Что вам угодно? — строго спросил он.

— Я пришел вам сказать, что Андрей Петрович ни в чем не виноват. — Отчеканил воспитанник.

— Что такое? — поднялся с места директор.

Но мальчик, невзирая на грозный тон генерала, упрямо тряхнул головой.

— Это я написал злополучный экспромт и подсунул ему за обшлаг треуголки...

Лицо Кондратия внезапно покрылось бледностью. Сколько воли потребовалось, чтобы во время этого признания сохранить спокойствие. Только глаза его по-прежнему смело глядели на генерала. В обширном кабинете голос звенел вызывающе резко:

— Я вытащил его отчет и заменил своим стихом... Все это сделал я... один...

— Ваша фамилия? — пророкотал генерал.

— Воспитанник Рылеев, ваше превосходительство!

— Воспитанник Рылеев... — голос генерала осекся. Гнев и изумление отразились на его сухощавом лице. — Вы сознаете всю дерзость вашего поступка?

— Да, ваше превосходительство! — с печальной серьезностью подтвердил мальчик. —

Своей глупой шуткой я принес много горя старому эконому. Я пришел к вам, чтобы вы наказали меня.

Генерал поспешно вскинул к глазам очки. Этот воспитанник с упрямым взглядом удивительных бархатных глаз и непоколебимой решимостью разбудил в нем воспоминания собственной юности.

Но долг закоренелого служаки взял верх над чувством. Лицо генерала снова стало непроницаемо холодным.

— Да-с, молодой человек, — со скрипучей назидательностью медленно заговорил он. — Каждый воспитанник должен знать, что стены кадетского корпуса освящены в духе воинской дисциплины, и они не потерпят такой дерзости. Разумеется, вы будете строго наказаны.

Он протянул руку к столу и позвонил. В дверях появился попечитель, сухощавый пожилой человек с военной выправкой.

— Экзекутора ко мне! — коротко приказал генерал.

Через минуту в дверь протиснулась бесформенная фигура экзекутора, с бабьим лицом и обвисшими щеками. Маленькие свиные глазки экзекутора с каким-то затаенным злорадством пытливо устремились на воспитанника.

Генерал, стуча по столу согнутым пальцем, с нарочитой значительностью отрубил:

— Воспитаннику Рылееву пятьдесят розг! Уведите к исполнению...

Тяжелая рука экзекутора легла на плечо мальчугана. Рылеев с отвращением стряхнул со своих плеч цепкую потную руку и решительно направился в экзекуторскую.

КТО ОНИ?

Что за книги они читают! Так зачитались, что грозы не заметили! Наверняка это — увлекательные рассказы о подвигах героев, или приключения, или фантастика.

Но нельзя же сидеть с утра до вечера над книжкой. Так и здоровье испортить недолго...

Смотри страницу 45

БЕЗ ХИМИИ НИ НА ШАГ

А. Бутовский, киноинженер

Резиновая улица

В советско-французском фильме «Третья молодость» есть декорация — зал Марининского театра. Зрители видят на экране сияющий огнями зал театра, но это не настоящий театр, а грандиозное сооружение из дерева и пластмассы.

Лепные украшения лож, резные детали дверей, старинные канделябры сделаны из пластмассы.

Раньше на киноархитектуру шли папье-маше и гипс. Изделия из папье-маше легкие, но непрочные. Гипсовые тяжелы и после съемки их трудно разбирать: они крошатся и ломаются.

Годами искали бутафоры и декораторы замену гипсу и папье-маше, много материалов перепробовали... Наконец обратились к химикам.

И химики помогли. Сейчас на киностудиях почти все архитектурные детали — лепные украшения, балюстрады, решетки, даже колонны изготавливают из пластмасс — винипласта — легкой и прочной разновидности пластмассы. На вакуумной машине из винипластовой пленки выдавливают изделия любой формы. На винипластовых листах можно «отпечатать» рисунок кирпичной или каменной кладки. Получить «кирпичную стену», покрыв листами фанерные щиты, совсем легко.

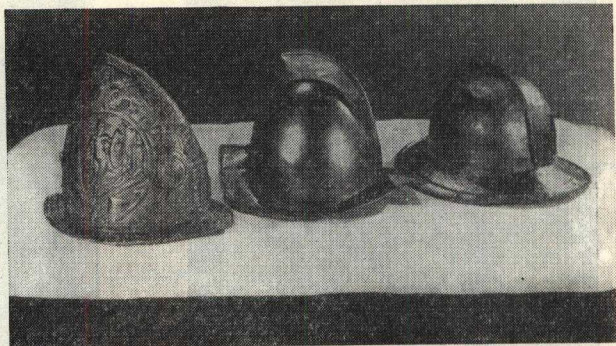
Не так давно химики предложили для изготовления мелких лепных украшений литью резину. Из нее получают тротуарные плиты, которые на экране совсем не отличить от настоящих каменных. Их легко укладывать, они скрадывают неровности почвы, хорошо крашатся. Их можно использовать на многих съемках.

Сражение без убитых

В кинофильме «Гамлет» участвует много военных — рыцари, офицеры и солдаты армии норвежцев, стража короля Дании. Одеть и вооружить всех «по моде» XV века — задача сложная. Кинематографисты обратились к замечательному собранию оружия в Эрмитаже. Но там можно было заимствовать только образцы шлемов, доспехов, мечей. А как вооружить всех солдат?

По образцу старинного металлического шлема химики и бутафоры «Ленфильма» изготовили двадцать шлемов. И специалисты по средневековому оружию признали, что почти не отличить настоящий шлем от пластмассового.

Шлемы сделали из стеклопластика, материала, полюбоившегося машиностроителям. Стеклопластик окрашивается в любой цвет и позволяет точно воспроизводить самые тонкие детали копируемого предмета. Раньше, в «эпоху папье-маше», на киностудиях об этом и не мечтали. Папье-маше боится сырости, шлемы и доспехи из папье-маше портились задолго до конца съемки только одного фильма. А доспехи из стеклопластика почти так же прочны, как металлические, и могут выдерживать съемку нескольких картин.

В историческом польском фильме «Крестоносцы» химия помогла конным рыцарям и пешим воинам успешно провести «Грюнвальдскую битву» без всяких жертв. У холодного оружия были безопасные лезвия из... особой мягкой резины.

Яблоко, которое нельзя съесть

Какими только кушаньями не приходится реквизитора обставлять столы! В фильме «Невские мелодии» праздничные столы занимают огромное фойе Дворца культуры — как напасть на такое количество гостей фруктов, пирожных, пломбиров и как хранить их? Прежде фрукты были восковые, иногда из папье-маше, и случалось, что кисть «киношного» винограда ободилась дорожке нескольких килограммов настоящего.

Чешские киноработники любят иметь дело с «продуктами» из латекса — синтетического каучука. С успехом латексные «закуски» снимались в фильме «Круг».

Лед и снег из смолы

Смотрели кинофильм «Завтрашние заботы»? Корабли, затертые во льдах, снимались на макетах. Макеты кораблей изготовили быстро. А вот как быть со льдом? Хотелось, чтобы он выглядел на экране совершенно естественно. Перепробовали много материалов и

остановились на белой синтетической смоле. «Лед» из смолы получился на славу, не хуже настоящего.

Понадобился снег, и химики «Мосфильма» превратили химический лед в снег: смолу вспенили при помощи нехитрого аппарата. Хорошо получилось — хоть снежки лепи. Вот что интересно. На снегу из смолы остаются заметные следы ног и даже слышится характерный скрип. На солнце такой снег блестит. От снега обычного химический отличается только тем, что не тает в тридцатиградусную жару.

Подводная химия

Когда студия «Ленфильм» готовилась к съемкам «Человека-амфибии», возник вопрос — где снимать под-

водные сцены? В тропическом море Латинской Америки, где обитал Икhtiандр, дно океана богато яркими раковинами, актиниями, кораллами, гигантскими водорослями.

В Черном море — самом теплом из наших морей и наиболее подходящем для киносъемок — на гладком и однообразном песчаном дне растут лишь небольшие водоросли. При таком подводном пейзаже о съемках «Человека-амфибии» не могло быть и речи. Послать же киноэкспедицию в Красное море — дорого.

Опять пригодилась пластмасса. Для каждого вида морских растений и животных подбирали наиболее подходящий материал, водостойкие краски, способ крепления ко дну. Выяснилось, что кораллы лучше всего получаются из стеклопластика, длинные листья водорослей из окрашенного поролона. Так было смонтировано «подводное царство» на дне Черного моря.

Миллионы зрителей посмотрели фильм «Человек-амфибия».

В газетах и журналах всего мира расхваливали подводные сцены, яркие подводные пейзажи. Изобретательность инженеров и художников, золотые руки ленфильмовских макетчиков создали такое «тропическое дно», что ни у кого не возникло сомнения в его подлинности.

А дальше что?

Химический «мороз» на окнах есть.

Стакан, бутылки, вазы, словом, все, что должно быть разбито по ходу фильма, не из стекла, а из прозрачной пластмассы.

Корабли и самолеты из стеклопластика.

Этим список нельзя закончить. Все новые и новые чудеса делает в кино химия.

КОРОТКОЕ ДЕТСТВО

ПОВЕСТЬ

Виктор Еурочкин

Рисунки Н. Кустова

Глава IX

Ребята входят в доверие. Накануне побега

Прошел февраль, за ним март... Все это время Коршун с Митькой готовились к побегу на фронт. Готовились тайно: входили в доверие и потихоньку сушили сухари.

Доверие они завоевали быстро. В Ромашках теперь о них говорили, как о самых послушных и трудолюбивых молодых колхозниках. Степка все время пропадал в кузнице. С глухим Тимофеем он ремонтировал плуги, бороны, делал мотыги с лопатами, словом, все, что нужно для обработки земли.

Митьку бросали с одной работы на другую. После сортировки семян он с Лаптем весь февраль проработал на заготовке корма для скота. Сена за прошедшее лето было накошено мало, и оно быстро кончилось. Кормили скот чем попало. Ездили на озеро косить прошлогодний камыш, в лесу резали молодые побеги берез, ивы, осины, заготавливали сосновую хвою. Скот к весне отошал, обессилел, едва держался на ногах. Первая военная зима была самой тяжелой из всех зим в деревне Ромашки.

Локоть подрост, похудел, а на солнце так изжарился, что походил на обугленную головешку. С работы приходил усталый и, поужинав, засыпал как убитый. Елизавета Максимовна уговаривала сына хотя бы два дня посидеть дома и отдохнуть. Но он отказывался, говоря, что некогда отдыхать, надо ковать победу.

Однако Локоть ни на одну минуту не забывал о побеге на фронт. Ежедневно тайком тягал со стола ломоть хлеба и сушил его на

печке в голенище валенка. А потом складывал в мешок.

Когда сухарей накопилось порядочно, он показал их Коршуну. Степка взвесил на руке и сказал:

— Мало. Суши еще.

Митька сушил сухари и, не щадя сил, работал. А Коршун откладывал побег со дня на день. Наконец все было готово. Еще с утра они условились в эту ночь бежать на станцию. А в обед Коршаткиным почтальон принес извещение из воинской части: рядовой Андрей Коршаткин под Ржевом в бою с фашистами пал смертью храбрых.

Степкина мать схватилась за сердце и упала. Ее подняли, положили на постель. Степка упрашивал ее не умирать, а потом горько расплакался. И ромашкинские ребята своими глазами увидели, что их атаман Коршун тоже умеет плакать.

Неделю Серафима пластом пролежала в постели, а когда смогла вставать и ходить по избе, Степка опять отправился работать в кузницу. В тот же день Митька пришел к нему и прямо спросил:

— Собираешься на фронт?

Степка опустил голову и, не поднимая глаз, ответил:

— Мамка очень слабая. А потом еще и холодно.

Они условились, что как только поправится Степкина мать и потеплеет, не медля ни одной минуты, утекут на фронт.

Глава X

1-е Мая. Откровенный разговор в кузнице.

Письмо ленинградских ребят

Вечером, когда солнце раскаленным шаром осторожно садилось на остропикие верхушки елок, ребята возвращались с работы. Они весь день выгребали из буртов картошку. Шли

усталые, голодные и злые. Еще издали они увидели на крыше правления Витьку Вывокырренного. Он прибавал к коньку красный флаг.

— Глянь, братва, счетовод с ума сошел, — сказал Лапоть.

Окончание. См. «Костер» №№ 8—9, 1966 г.

— Верно, зачем это он?— спросил Митька и посмотрел на Лильку.

Лилька пожала плечами, скорчила гримасу, как бы говоря «Ничего не понимаю...» Ребята свернули к правлению.

Локоть приставил ко рту руки трубой.

— Витька, зачем флаг ставишь?

— Завтра праздник,— ответил Витька.

— Какой?

— Первое мая!

— Первое мая!— воскликнул Локоть.

— А мы и забыли,— укоризненно сказала Лилька.

— За этой работой все на свете забудешь,— пожаловался Лапоть.— Я даже не знаю, какой сегодня день. Не то понедельник, не то вторник.

— Среда,— заявил Колька Врун.

Лапоть с Вруном заспорили, разругались. Витька слез с крыши, подошел к ребятам и унял их, сказав, что сегодня пятница, тридцатое апреля.

Локоть спросил у него, как будут справлять праздник.

— Никак. Выходной день, да и все,— ответил Витька и, помолчав, добавил:— На каждого трудоспособного выдадут из колхозной кладовой по сто граммов меда, остальным — по пятьдесят.

— А еще что?— спросила Лилька.

Витька широко развел руки:

— Больше ничего нет.

Обычно Первого мая ромашкинцы чуть свет уезжали на демонстрацию в село Раменье и забирали с собой ребятшек. Витька сообщил, что в этом году демонстрация отменена.

— Ну, какой это праздник,— мрачно сказал Лапоть, плюнул, растер резиновым сапогом плевки и, не прощаясь, пошел домой.

Всю дорогу от правления до дома Митька проклинал войну. Он был так зол, что, не ужимая, завалился спать. Проснулся рано, мать еще не затопила печь. Вспомнив, что сегодня праздник и на работу бежать не надо, Митька блаженно потянулся и сказал сам себе: «Посплю еще часок». Он перевернулся на другой бок и увидел удивительный сон.

Огромное село, в два раза больше Раменья. Длиннющая демонстрация. А кругом знамена, флаги, и такие яркие, что глазам больно. Они с отцом идут по улице. Подходят к трибуне. Трибуна, затянутая кумачом, полыхает, как огромный костер. Отец поднимается на трибуну, выбрасывает вперед руку и говорит: «Товарищи!..» — и сон оборвался.

Локоть открыл глаза и увидел перед собой Витьку Выковыренного, Коршуна, Лаптя, двух Врунов и Самовара.

— Товарищ Локотков, поздравляем тебя с революционным праздником Первое мая,— провозгласил Витька.

Подошел Степка, пожал руку и сказал:

— Смотри не опухни.

Вид у ребят был торжественный. У Коршуна новая синяя рубашка с белыми пуговицами, штаны, которые он надевал только по большим праздникам, волосы слегка подмаслены и расчесаны на две стороны. Лапоть вырядился в зеленый свитер, выменянный у ленинградцев на картошку, и в огромные сапоги, от которых крепко воняло дегтем. Вруны тоже приоделись в чистые рубахи и жирно смазали волосы коровьим маслом. У Самовара на голове сидела батькина фуражка с лакированным козырьком. Витька Выковыренный своими нарядами перешеголял всех. На нем, как на палке, болтался батькин костюм, белая рубаха с галстуком и шляпа. Чтобы брюки не волочились, он подвернул их и сверху и снизу. Рукава на пиджаке тоже были подвернуты. А воротник рубахи сзади заколот булавкой. Не снимая шляпы, Витька важно расхаживал по избе и поддергивал штаны.

— Витька, ты очень похож на сыроежку,— сказал Локоть.

Ребята засмеялись. Витька сконфузился, поспешно стащил шляпу, повертел в руках и опять нахлобучил на голову.

В праздничном шерстяном платье из кухни вышла Елизавета Максимовна.

— И не стыдно. Пришли гости, а ты валяешься, как поросенок,— укоризненно сказала она.

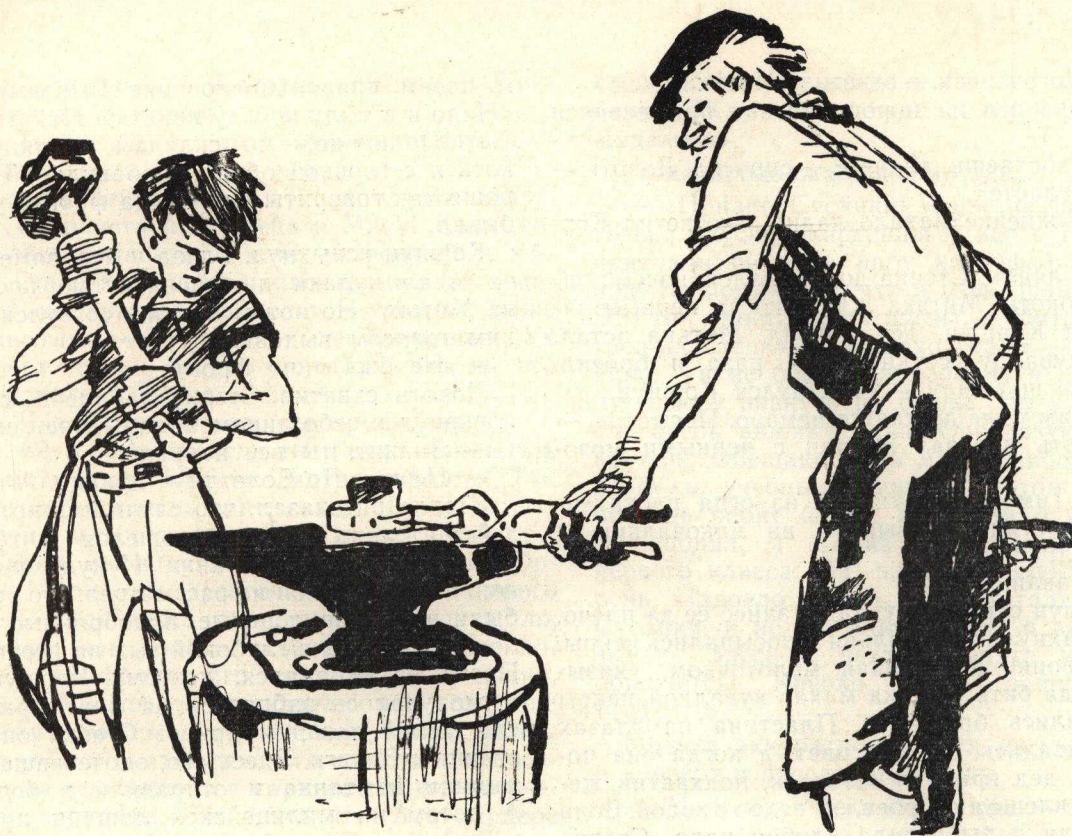
В честь праздника Митька вымыл не только лицо, но и шею. Мать вынула из сундука вельветовый костюм и сандалии, купленные в городе за неделю до войны. Митька натянул костюм, и мать ахнула. Когда покупали, он был в самый раз, а теперь руки высунулись из рукавов чуть ли не до локтей, а штаны походили на трусики.

Митька, как хозяин, пригласил гостей к столу. Гости чинно расселись, положили на колени руки и приняли серьезный вид. Пока Елизавета Максимовна накрывала стол, они сидели не шевелясь, с постными вытянутыми физиономиями, словно перед фотографом. Елизавета Максимовна поставила перед ребятами две больших миски с холодцом, горшок тушеной картошки с мясом и жбан домашнего пива, сваренного из свеклы. Наполнив стаканы черным, как деготь, пивом, она сказала:

— С праздничком, дети.

Витька Выковыренный встал, кашлянул в кулак и закричал:

— Смерть немецким оккупантам!

Как взрослые, чокнулись, выпили, набрались на студень и в три минуты очистили обе миски. В пять минут опорожнили горшок с картошкой, и Степка сказал:

— Теперь пошли ко мне угощаться.

Такой уж был обычай в Ромашках. По праздникам ходить угощаться из дома в дом. У Степки поели точно такого же студня и попробовали точно такой же, как у Митьки, картошки. От Степки потащились к Лаптю. Попробовали пива, по разу ткнули вилкой в студень и наотрез отказались от картошки.

Идти угощаться к Врунам не хотелось, но, чтоб не обидеть их, пошли.

Посидели за столом и отправились гулять. Гуляли дотемна.

Потом Митька проводил Коршуна до дома и, когда Степка подал ему руку, шепотом спросил:

— Ну, когда же?

— Скоро, — буркнул Степка и, вырвав руку, не оглядываясь, вбежал на крыльцо и хлопнул дверью.

В домах кое-где светились окна. А прошлый год в этот вечер в каждом доме пели песни, и на улице ребята с девушками плясали под гармонь. Вот так прошел этот Первомай в деревне Ромашки. Невесело он начался и

быстро кончился. Завтра с утра опять на работу.

На четвертый день после праздника колхоз «Красный самолет» приступил к весенней пахоте и севу. Пахали плугом на оставшихся двух лошадях. В основном поля вскапывали лопатами. Работали все: женщины, старики, старухи, ребята. Митькина бригада: Лапоть, братья Вруны, Самовар, Лилька и еще две девчонки работали отдельно.

Митька решил окончательно выяснить вопрос о побеге на фронт.

«Степка что-то нарочно тянет, — думал он. — Говорил, как потеплеет и поправится мать, так и рванем. Мать давно поправилась, на улице жара, а Коршун ни мычит, ни телится. Сегодня же побегу к нему...»

В обеденный перерыв Локоть объявил бригаде, что ему надо сходить домой, а сам направился к кузнице. Еще издали он услышал звонкий крик наковальни.

Степка махал кувалдой, дед Тимофей постукивал молоточком.

— Стоп, — сказал кузнец и, подхватив клещами железную пластинку, сунул ее в горн.

Степка швырнул кувалду, вытер рукавом взмокший лоб и оглянулся. У входа стоял Локоть с лопатой на плече.

— Здорово. Чего прибег?..

— Поговорить, — ответил Митька.

Степка сел на порог, Митька примостился рядом.

— Работаешь, значит? — спросил Локоть. — Чего делаете?

— К жнейке махало ладим, — ответил Коршун.

Помолчали. Степка догадывался, зачем пришел Локоть. Митька ждал, когда первым заговорит Коршун. Тот молчал. Митька встал, взял кувалду, стукнул два раза и бросил.

— Не под силу, — усмехнулся Коршун.

— Нам тоже достается немало. Посмотри, — и Локоть показал ладони с черными мозолями.

Дед Тимофей выхватил из огня раскаленную пластинку, швырнул на наковальню и крикнул:

— Давай, паря!

Коршун схватил кувалду, занес ее за плечо. Глухо ахнула наковальня и посыпались искры. Дед, звонко постукивая молоточком, указывал, куда бить. Степка махал кувалдой, искры разлетались брызгами. Пластина на глазах растягивалась, меняла цвет, а когда она посинела, дед крикнул «стоп» и, подхватив железяку клещами, бросил в ведро с водой. Вода зашипела и выбросила клубок пара. Степка размазал по лицу копоть, подсел к Митьке. Дед Тимофей вышел из кузницы, опустился на чурбан, вытащил из кармана кисет с махоркой.

Степка толкнул Митьку локтем.

— Зачем прибег?

— Как будто сам не знаешь, — буркнул Митька. — Когда же, наконец? Так и лето пройдет.

Степка поднял ржавый гвоздь и нацарапал на земле: «Ни когда».

— Что же ты молчишь? — прошипел Митька.

Коршун кивнул головой:

— Читай.

— Ни когда, — прочел Митька и усмехнулся. — Грамотей. «Никогда» пишется вместе.

Степка нахмурился, сдвинул брови к переносице.

— А мне наплевать, как пишется. Только на фронт я теперь не побегу.

Митька опешил. Ему показалось, что он ослышался.

— Чего ты вылупил глазища? — грубо спросил Коршун. — Сказал нет, и все.

— Почему?

Степка не ответил и стал чертить гвоздем треугольники. Митька схватил его за руку.

— Почему ты не хочешь? Я столько сухарей засушил...

— Потому что все равно поймают и вернут.

А потом правильно говорит Выковыренный: «Надо и в тылу победу ковать». Понятно?

— По-нят-но, — по складам протянул Локоть и с горькой обидой добавил: — Тебе хорошо так говорить. Сам-то на фронте уже побывал.

Коршун вспыхнул. Глаза у него заметались, он сжал кулаки и с ненавистью посмотрел на Митьку. Но потом притих, согнулся и глухим голосом выдал:

— Не был я на фронте.

Локоть схватил Степку за плечи, с силой повернул к себе лицом и, задыхаясь, спросил:

— Значит, ты все наврал?

— Не все. До Вологды — правда. А потом...

Степка рассказал, что случилось потом. Он действительно попал в эшелон с танками. Но что это были за танки! И куда шел эшелон?! В темноте он не рассматрел, что танки-то были немецкие, горелые, подобранные с поля боя, и везли их в глубокий тыл на переправку. Поезд не охранялся, поэтому Коршуну так легко удалось забраться на платформу. Поезд пошел назад и привез Степку опять на станцию Вериги. Здесь его, окоченевшего, вытащили из танка и отправили в больницу. А потом на милицейской лошади привезли в Ромашки.

— А где же ты пистолет, патроны взял? — спросил Локоть.

— В танке. Там можно было много чего набрать. Даже пулемет вытащить. А патронов этих хоть лопатой гребь. Теперь ты обо мне, наверное, всем расскажешь. Да?

Локоть не ответил. Он взял гвоздь и стал чертить на земле крестики. Дед Тимофей, попыхивая сигаркой, смотрел на согбенные фигурки ребят, часто мигал и неизвестно кому говорил:

— Эх, голуби вы мои, голуби. Вам бы только и бегать взапуски да на рыбалке с удочкой сидеть. А вон ведь как получилось-то. В их-то годы такой кувалдой махать. Коротко у нынешних ребят детство. Ох, как коротко! — Он раскрошил в пальцах окурочку и опять полез в карман за кисетом.

Степка вдруг встрепенулся, стукнул себя по лбу кулаком:

— Вот дурак! Баранья голова! Ведь нам письмо!

— Какое еще письмо? — равнодушно спросил Митька.

— Сто лет будешь гадать и не догадаешься! — воскликнул Коршун. — Специально захватил, чтоб тебе показать. Читай...

Митька нехотя взял конверт и прочитал обратный адрес: «... Кудымарский район, п/о Болохонь. Детдом № 3, Дудаковым».

— Дудаковым, — повторил Митька. — Придумают же фамилию.

— Ты читай, а потом будешь смеяться. — сказал Степка. — Вслух читай.

Митька откашлялся и стал читать вслух.

— «Здравствуйте, Степа и Митя! Давно собирались написать, как мы устроились и живем. Генка хотел сам написать, да у него никогда не хватает времени», — Митька даже подпрыгнул. — Это же от ленинградцев! Ух ты, черт подери, письмо прислали! Как же это они узнали, где мы живем?

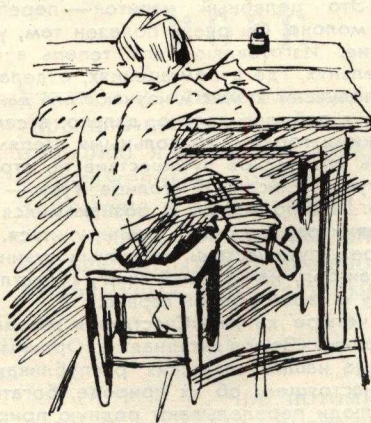
— Читай, читай, там все прописано.

— «Я говорю: «Когда ты, Генка, напишешь письмо?» А он: «Ладно, завтра напишу». Так все и кормил меня завтраками. Тогда я махнула на него рукой и стала писать сама.

Живем мы в детдоме, на берегу реки Орданки. Природа здесь очень красивая: много берез, сосен тоже порядочно, а елок мало.

Генка, как только отъелся, сразу же побежал на фронт. Его поймали на станции, привезли в детдом и сказали, что если еще побежит, то посадят в карцер. Генка не послушался и опять утек. Его схватили и посадили на всю неделю в карцер. Мы его по очереди караулили, как арестанта. А в карцере ничего нет: пустая комната, железная койка и табуретка. Генка просидел два дня и занял: «Выпустите, больше не побегу...» Теперь он исправился, ходит как шелковый. Генку назначили бригадиром нашей рыболовецкой бригады. Он рыбу ловит для столовой. Потому что с продуктами у нас пока не все налажено.

А осенью будет много продуктов. Организуем свое подсобное хозяйство. Сейчас пашем землю, сажаем картошку с капустой и морковку. Плотники рубят свинарник для поросят. За поросятами мы сами будем ухаживать. Еще строят мастерскую. Будем шить рукавицы для фронта. Адрес ваш дал нам тот музыкант. Помните, вы его называли «дяденька череп». Он тогда продал вам за картошку свою скрипку. А вы скрипку оставили. Он, как увидел ее, обрадовался и сказал, что вы настоящие ребята. Музыкант остался жив. Наверное, помогла ваша картошка. Мы тоже с Генкой пекли картошку и все вспоминали вас и сейчас вспоминаем. Писать кончаю. Допишет Генка. А меня девочки торопят идти в деревню на пекарню за

хлебом. Мы каждый день ходим туда. До свидания. Жду ответа, как соловей лета. Ира Дудакова».

Генка продолжал письмо так:

— «Привет, Суслики! Я вас не забыл. Чертовски вкусная картошка у вас в Ромашках: прислали бы хоть пару картофелин на развод. Не подумайте, что я и взаправду прошу. Это так просто, дядя шутит. — Митька посмотрел на Степку, и они захохотали. — Не верьте Ирке — я не боюсь карцера. И в любую минуту могу рвануть на фронт. Но у меня сейчас очень важные дела. Организирую военный кружок. Обещают дать малокалиберную винтовку и учебные гранаты. Потом я решил обучать ребят боксу. Вот если б Степка ко мне попал, я бы из него сделал боксера первого класса. Он, по-моему, способный парень. Надоело писать, рука устала. Пишите, Суслики, и не обижайтесь, что я вас так называю. Здесь в детдоме никто на это не обижается. Крепко жмем ваши лапы — Г. Дуд...»

Митька аккуратно свернул письмо, вложил в конверт и передал Коршуну.

— Молодцы. Не забыли нас, — сказал он.

Степка повертел в руках конверт и вернул Локтю.

— Возьми и сегодня же напиши ответ. Я и сам бы мог написать, но у меня работы по горло, а потом у тебя лучше получится. Ты же мастак разные штучки-дрючки сочинять. Сочини им письмо длинное-предлинное. Опиши всю нашу жизнь. Ясно?

— Ясно.

— А как напишешь, дашь мне прочитать. Я проверю. А то еще наврешь разной чепухи. — Степка похлопал Локтя по спине. — Дуй домой, бери карандаш с бумагой и катай во все лопатки. А мне надо мотвило к вечеру сварганить... Глянь, дед-то мой уже носом клюет. Как сядет покурить, так и закладывает. Вот работничка мне навязали, — Коршун горестно вздохнул и сокрушенно покачал головой.

Придя домой, Митька вымыл руки, вынул из сундука толстую в клеенчатом переплете тетрадку, ту самую, которую ему подарила Ирка, раскрыл ее, взял карандаш и глубоко задумался...

Конец

КОСтя ТЕРкин путешествует.

Мало кто знает, что я — завзятый путешественник. А я очень люблю знакомиться с разными странами, их природой и народами. Но... путешествую я пока что чаще всего в четырех стенах.

Захочется мне побродить в Дагестане по крутым склонам Гимарского хребта — это как бы первая окаменевшая волна, некогда вздыбленная чудовищным ураганом, — и я открываю книгу Д. Трунова «Орлиный край».

Почему орлиный? Да потому, что в стране гор — Дагестане в скалах гнездится много орлов. А есть даже орлы-рыболовы. Высмотрит хищник себе добычу в прозрачных водах Каспия и ринется камнем вниз. Глядишь, а он уже снова высоко в воздухе, и в его когтях бьется, сверкая чешуей, зазевавшаяся рыба.

Забредешь в высокогорный аул и диву даешься. Живут здесь люди друг возле друга, а один говорит по-лакски, другой — по-даргински, а третий — по-аварски. Тут поневоле вспомнишь старую легенду про волшебника, который вез народам языки, но его мешок зацепился за выступ скалы и просыпалось над Дагестаном множество самых разных языков.

...Потом я попал в Латвию и мечтал уйти с рыбаками на лов рыбы. Или вместе с ребятами поискать в прибрежном влажном песке янтарь — застывшие прозрачные кусочки смолы доисторических деревьев. В Латвии так много янтара, что писатель Р. Блум назвал свою книгу «Земля янтарная».

Латвия — страна равнинная. И все же один ее район — Латгалию называют Швейцарией. Здесь множество озер, живописные невысокие горы (всего в несколько сот метров). И живут здесь искусные мастера. Они умеют превратить обычные материалы — глину и дерево, в чудесные вещи, которые ценятся далеко за пределами Латвии.

А какие замечательные праздники устраивают латыши. Прямо в лесу собираются тысячи певцов и поют свои старинные песни. Послушать же их приходят издалека десятки тысяч человек.

...Уж если говорить о праздниках, то замечательный праздник «сабантуй». О нем я узнал из книги башкирского писателя Р. Хакимова «Книга о Башкирии».

Это праздник-соревнование. Соревнуются певцы, плясуны, борцы и, главное, наездники. Ведь долгие годы Башкирия была главным образом страной скотоводов. Поэтому каждый башкир — прекрасный наездник.

В состязаниях участвуют и ребята. Немало у них и потешных состязаний. Попробуй пробежать как можно быстрее с ложкой во рту и не уронить яйцо, которое лежит в ложке.

Сабантуй — это и пиршество обязательно с кумысом. Это целебный напиток — перебродившее кобылье молоко. Он очень полезен тем, у кого слабые легкие. Изготавливают его теперь в колхозных кумысодельнях, где в помещениях, отделанных кафелем, царит идеальная чистота. Здесь и получают кумыс и изучают его данные свойства.

...Еще я побывал далеко, далеко, в самом сердце Азии. — В Туве. Полюбовался ее дикими горами, привольными степями, красивыми озерами и долинами рек. Это очень интересное путешествие по стране голубых рек, где в горах берет начало могучий Енисей. В столице Тувы — Кызыле я увидел огромный обелиск с надписью: «Центр Азии». И познакомился с чудесными ребятами, потомками диких кочевников, которые ехали учиться. И помог мне в моем путешествии известный тувинский поэт Олег Саган-оол, написавший книгу «Счастливая звезда», книгу о своей родной стране.

...Все четыре книги: «Счастливая звезда», «Книга о Башкирии», «Земля янтарная» и «Орлиный край» — рассказы о наших советских республиках, их прошлом и настоящем, об их природе, богатствах и о том, как люди переделывают родную природу.

Все эти книги вышли в одной серии «Ты по стране идешь», которую с 1964 года стало выпускать издательство «Детская литература». А скоро появятся и новые книги — о Таджикистане писателей Дж. Икрами и А. Одинцова, об Эстонии — В. Руссика.

Ребята спрашивают меня: где можно приобрести книги, о которых я рассказываю. Их продают в магазинах книготорга. Отдел «Книга почтой» высылает их наложенным платежом. А такие отделы есть в краевых, областных и республиканских книготоргах.

ЧИТАЙТЕ! ПИШИТЕ НАМ, ЧТО ВАМ ПОНРАВИЛОСЬ И ПОЧЕМУ ИМЕННО.

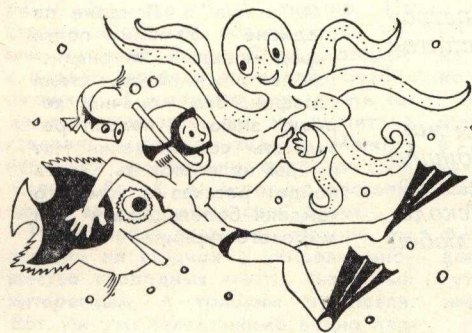
Леонид Агеев

БЫК

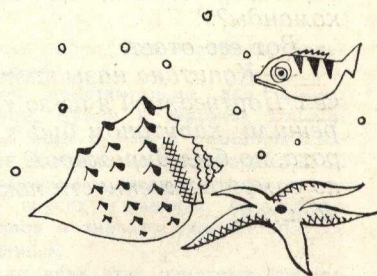
Бык — посреди села...
Рога его — штыки.
А грудь белым-бела.
А думы — нележки...

Бык бьет копытом: «Му-у...»
Бояться почему-у-у
меня и мал и стар?
Я страшным быть устал...»

МОРЕ

Утром я надеваю плавки,
укрываю стеклом глаза,
и ныряю я — парень ловкий —
в отраженные небеса...
Заплываю в такие гроты!
Меж таких проплываю глыб!
Большеглазых и большеротых —
любопытных встречаю рыб.

Эти раковины — как чаши,
а трава эта — как тахта...
Все земное здесь.

Все тут наше.
Тут всего лишь среда не та.
Бьются водоросли, как пламя,
в полумраке морского дня...
И за каждым,

за каждым камнем
кто-то прячется от меня...

Кто они?

На кого похожи?
Чьи потомки и предки чьи?
И какого оттенка кожи?
И какой они чешуи?

...Я всплыву,
в небо чайка взмлет,
море солнцем плеснет в глаза.
Все равно ты не спрячешь, море,
от меня свои чудеса!

Рисунки Н. Казаковой

В ГОСТЯХ У ВИЛЛИ

Едва набралось тринадцать сборных, «чертова дюжина», как язвили газетчики. Не то, что сейчас, когда только за право поездки в Лондон соперничала 71 команда.

Между прочим, первый чемпионат прошел тихо и незаметно. В Южной Америке печать еще сообщала о результатах, показанных в Монтевидео. А вот в Европе о первых обладателях «Золотой богини» уругвайцев стало известно лишь через месяц после финального поединка! Не удивляйтесь, все очень просто объясняется. Пароходы в то лето между Европой и Америкой из-за плохой погоды ходили нерегулярно, а самолетного сообщения еще не было.

А нынче в Лондоне на стадионе «Уэмбли» почти перед каждым журналистом в ложе прессы стоял телефон. Все, конечно, хорошо знают и помнят результаты соревнований. Нет нужды их повторять. Здесь пойдет рассказ о том, что увидели болельщики в дни мирового турнира.

Кому вручен наш Вилли

Большинством голосов читателей «Костра» лучшим игроком советской сборной на футбольном чемпионате мира в Англии признан капитан сборной заслуженный мастер спорта защитник Альберт Шестернев.

Вручая приз Альберту Шестерневу, корреспондент «Костра» спросил: «Каким, по вашему мнению, должен быть капитан команды?»

Вот его ответ:

— Капитана называют душой команды. Когда на последнем матче с Португалией я из-за травмы не смог играть, ребята единодушно решили: капитаном будет Лев Яшин. Яшин не только защищал ворота, но был дирижером защиты, дирижером всей команды. А сколько самоотверженности показал он! Вот таким и должен быть любой капитан!

КОРОЛИ И МЯЧИ

В Англии на самых значительных матчах обязательно присутствуют члены королевской семьи. К этому сейчас все привыкли, а были времена, когда обыкновенный кожаный мяч считался злейшим недругом королей. Ведь в глубокую старину на родине футбола издавались суровые указы, запрещавшие игры с мячом. Священники предавали анафеме эту «бесовскую затею».

А нынче в знаменитом Вестминстерском соборе перед началом ми-

рового первенства была отслужена торжественная месса, и в зале, где обычно происходит коронация, колыхалось бело-голубое знамя международной федерации футбола.

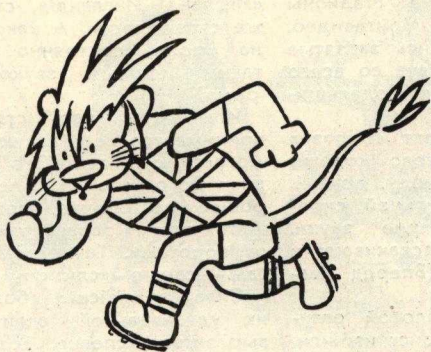
Да, времена меняются. Достаточно вспомнить первый чемпионат мира. Проводился он в 1930 году в Уругвае. Казалось бы, футбол в те годы был уже страшно популярен, а участников турнира пришлось чуть не силой тащить. Слабы были спортивные международные связи, в диловинку казались большие турниры.

РЕКЛАМА И БИЛЕТЫ

Когда мы приехали в Лондон на чемпионат мира по футболу, то встретили в аэропорту... львенка Вилли. Точно такого, каким его знали по многочисленным плакатам и фотографиям, — смешного, лохматого, в футболке из национального британского флага.

Львенок стоял у выхода и приветственно помахивал лапой.

— Не бойтесь, не укусит, — успокоили нас англичане, — это просто живая реклама чемпионата, мальчи-

шка напялил львиную маску и получил взаимовыгодный Вилли.

Было немножко странно, что футбольное первенство мира еще нуждается в какой-то особенной рекламе, тем более на Британских островах, где с мячом все подружились давным-давно. Наверное, это просто чудачества организаторов турнира, которые хотят позабавить зарубежных туристов, — решили мы.

В Лондоне мы услышали немало разговоров о том, как трудно достать билеты на футбол. Рассказывали разные истории про плутов, пытавшихся любым путем попасть на трибуны «зайцами». Одни выдавали себя за приближенных королевского двора, которым вдруг срочно понадобилось передать какую-то важную весть королеве, находящейся на стадионе, другие прикидывались родственниками именитых игроков, третьи — торговцами мелкими товарами. Но все было тщетно. На страже интересов хозяев стоял некий детектив Джек Смит, который с первого взгляда определял безбилетников. В интервью для печати он даже похвастался, что не пустит на стадион самого президента Международной федерации футбола сэра Стенли Роуза, если тот по рассеянности забудет дома свой билет.

И вот после всех этих историй мы пришли на стадион и увидели множество свободных мест!.. Матч был интересным, а трибуны — пустовали. Вот уж уму непостижимо, видно, плохо рекламировал львенок Вилли мировой чемпионат.

В другой раз, когда мы ехали на стадион, кто-то сказал об этом нашему водителю автобуса.

— О, нет! — рассмеялся в ответ англичанин. — Вилли тут ни при чем. Дело совсем в другом. Билеты не всем по карману. Оттого и пусто на трибуне.

— А у вас есть билет на сегодня?

— Нет, сегодня я надеюсь посмотреть матч по телевизору у соседа.

— Знаете, Джек, у меня есть ли-

шний билет. Возьмите, пожалуйста.

— Мне чертовски повезло, — обрадовался шофер, — большое спасибо.

Мы переглянулись. Никакого лишнего билета у нашего парня не было. Это все прекрасно знали. Значит, придется ему смотреть матч по телевизору. Но радовались мы и за Джека.

Все-таки в этот день играла сборная Англии.

БУТСЫ В МУЗЕЕ

— Хитчен, вы ничего не слыхали о Хитчене?

Пришлось признаться английским друзьям, что ничего.

— Ну, тогда обязательно побывайте в Хитчене, это совсем недалеко от столицы.

И вот мы едем по дороге, ведущей из Лондона в Кембридж. Едем в маленький городок Хитчен, где, как рассказывают, находится единственный в мире футбольный музей.

Побывать в Англии и не увидеть футбольного музея! Такого нельзя допустить. И мы едем в Хитчен. На путевом указателе мелькает название городка.

Останавливаемся у ворот небольшого стадиончика местного клуба. Где же знаменитый музей? Нам он представлялся похожим на музей спорта в Лужниках.

На стадионе в будничные дни пусто, только сторож, звеня связкой ключей, отпирает нам дверь какого-то дома, скорее напоминающего сарай.

— Прошу вас, господа, — он включает электрическое освещение.

Мы в помещении, размеры которого не больше обычного класса. Невысокий потолок, вдоль стен

Кому вручен наш Вилли

Человек с репродуктором в руках сосредоточен. Он слушает футбольный репортаж. Это Ваня Шульгин из города Славянска Калининградской области. Накануне чемпионата мира Ваня писал в редакцию:

«Первые три матча наша команда выиграет. В четвертьфинале наши встретятся с Венгрией и выиграют со счетом 1:0. В полуфинале наши проиграют команде ФРГ со счетом 1:3. Наша команда займет четвертое место».

Как видите, точность Ваниного прогноза весьма велика. К Ване на постоянное жительство и поехал второй львенок «Костра».

длинные полки. Это и есть футбольный музей.

Здесь действительно все дышит стариной. Кубки и жетоны, отчеканенные еще где-то в прошлом столетии. Пожелтевшие фотографии с изображением усатых джентльменов в трусах и майках. Множество вымпелов и значков уже вполне современных.

Среди всех этих занятных сувениров и реликвий вдруг видим белоголубую футболку с буквой «Д».

— «Динамо», «Динамо», — кивает, улыбаясь, сторож.

Узнаем, что эта футболка бережно хранится со времен посещения Англии московскими футболистами «Динамо» в 1945 году.

— А вот доспехи самого старого игрока в мире, пятидесятилетнего Стенли Мэтьюса, — указывает наш гид на пару потрепанных бутс. — Кстати, наш клуб только что отпраздновал столетний юбилей, — гордо добавляет он.

Идем на стадион. Он сам выглядит, как музейная редкость. Вокруг поля несколько рядов некрашенных старых-престарых деревянных скамеек. Над этими трибунами легкий навес, ведь в футбол англичане играют круглый год, и в дождь, и в снег, и в слякоть. Под навесом удобно устроились голуби...

Зато поле, — не глядишься. Зеленый газон безупречен. Настоящая футбольная лаборатория, в которой можно шлифовать самые сложные технические приемы.

— А как играют футболисты «Хитчен-клуба»?

Сторож в ответ сокрушенно вздыхает. Неважно, идут дела у хозяев единственного в мире футбольного музея. Поэтому, наверное, и недосуг им заняться ремонтом износившихся трибун.

А музей, конечно, стоило посмотреть. Мы об этом ничуть не пожалели.

БОЛЕЛЬЩИКИ, БОЛЕЛЬЩИКИ...

Говорят, самые ярые болельщики живут в Южной Америке. По-моему, это не так. Их адрес совсем иной — Британские острова.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно было побывать на мировом чемпионате. Вовсе не обяза-

тельно отправляться на стадионы Рио-де-Жанейро или Монтевидео. Ведь в Англии собрались завзятые поклонники кожаного мяча со всего света. Целая коллекция болельщиков.

Вот передо мной сидят «тифози» из Италии. Один неистово колотит палкой по какому-то блюду, другой, вооружившись автомобильной сиреной, издает устрашающие звуки. Время от времени оба вскакивают и вопят: «Форца, Италия! (Вперед, Италия!)»

Рядом крутит над головой оглушительную трещотку турист из Чили. Вместе с группой приятелей он скандирует: «Чи-чи-чи-ли-ли-ли! Вива Чили!»

Кончается матч. Чилийцы проиграли. Мой сосед по трибуне не в силах сдержаться слез. Смотрю на поле. Центрофорвард сборной Чили Маркос тоже плачет, как ребенок...

Советские болельщики верны своему боевому кличу: «Шайбу, шайбу!». Теперь его услышали и английские стадионы.

Но перекричать самих англичан никто не смог. И не потому, что их было больше. Обычно очень сдержанные, даже чуточку замкнутые британцы на трибунах, как говорится, отводят душу. Куда там до них южноамериканцам! Когда пятьдесят тысяч глоток дружно гаркнет

«Ингланд! Ингланд!», становится даже страшно. А каково-то людям на поле, постоянно окруженным таким мощным звуковым «барьером»?

Или вдруг весь стадион хором принимается петь какую-нибудь громогласную песню. Это верный признак того, что у болельщиков хорошее настроение, победа близка. А тон всегда задают те трибуны, что за воротами. Там места подешевле, там — самые «сливки» стадиона.

Сила английских болельщиков в их удивительной, если можно так выразиться, спевке. Если они негодуют, то у нарушителей правил, наверное, мороз по коже дерет.

Но главное все же в другом. Простые люди Британии, заполнявшие трибуны на чемпионате мира, показали себя отличными знатоками игры. Разумеется, они изо всех сил поддерживали своих земляков. Но они также умели ценить и мастерство гостей. Кстати, не раз можно было слышать их возгласы: «Яшин, Яшин — вери гуд!» Они раздавались как своеобразный салют советскому вратарю, советской команде, завоевавшей бронзовые медали.

И не скрою. Когда игрался финальный матч, мы болели на «Уэмбли» вместе с англичанами за лучшую команду турнира, за команду хозяев поля.

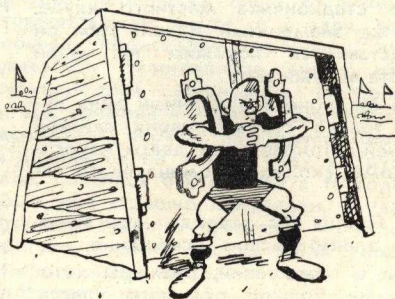
Ю. Коршак, спортивный обозреватель

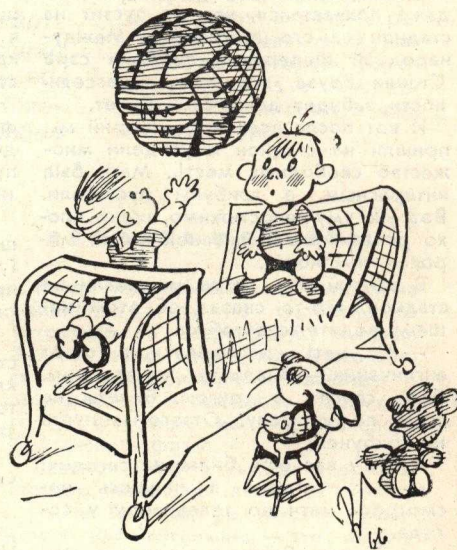
«Остров сокровищ»

Вратарь-оптимист

Вратарь-пессимист

Дети вратаря

В 66

Великолепная восьмерка

Форма для грубого игрока

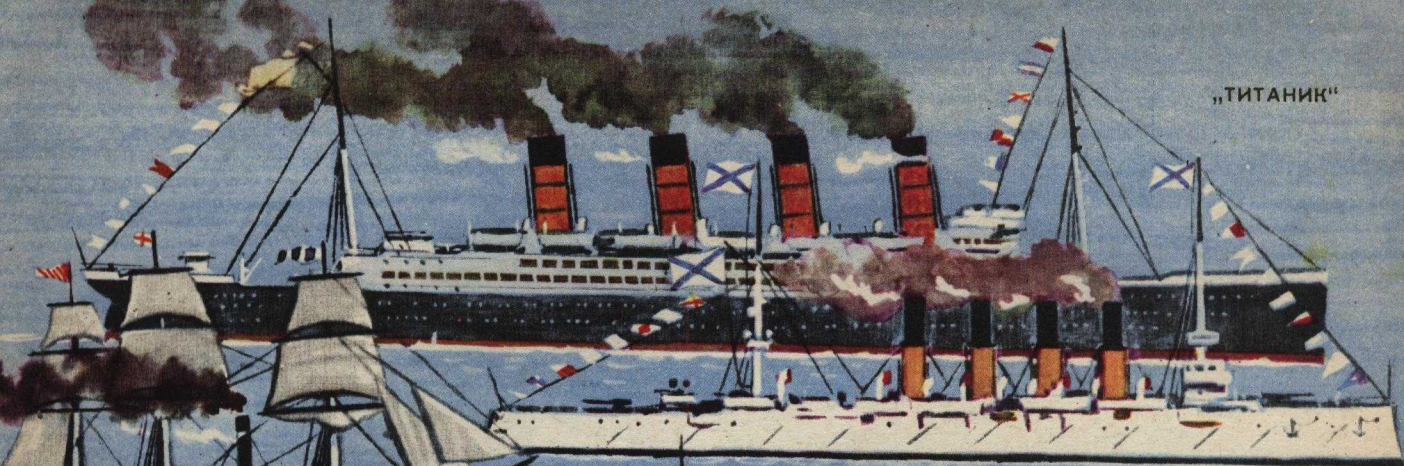

Мастер пушечного удара

Пикклз: — Я нашел богиню, а бразильцы ее потеряли

„ТИТАНИК“

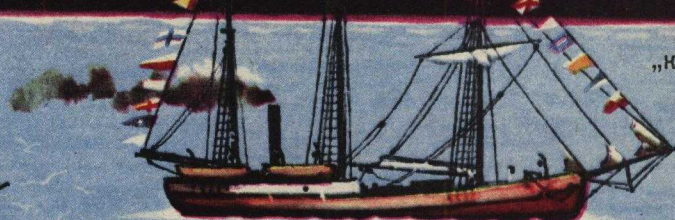
„ВАРЯГ“

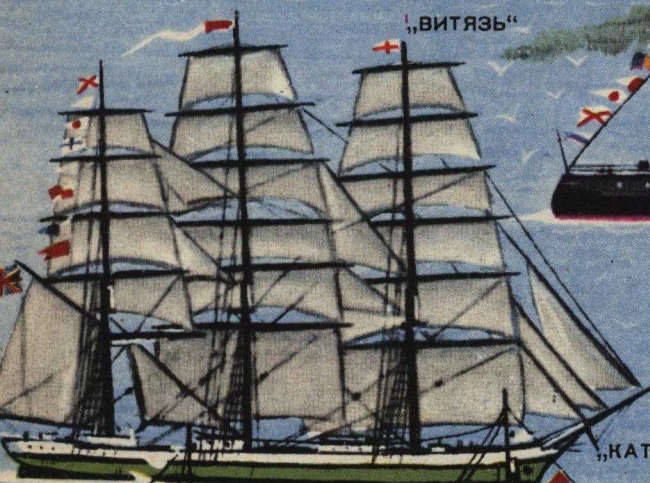
„АРГО“

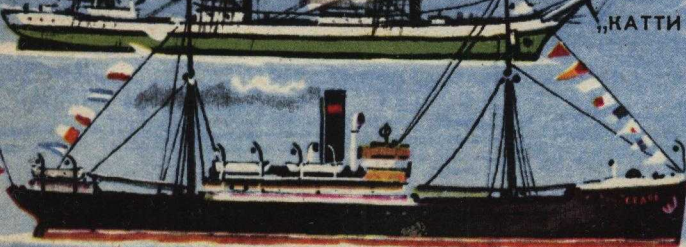
„КРАСИН“

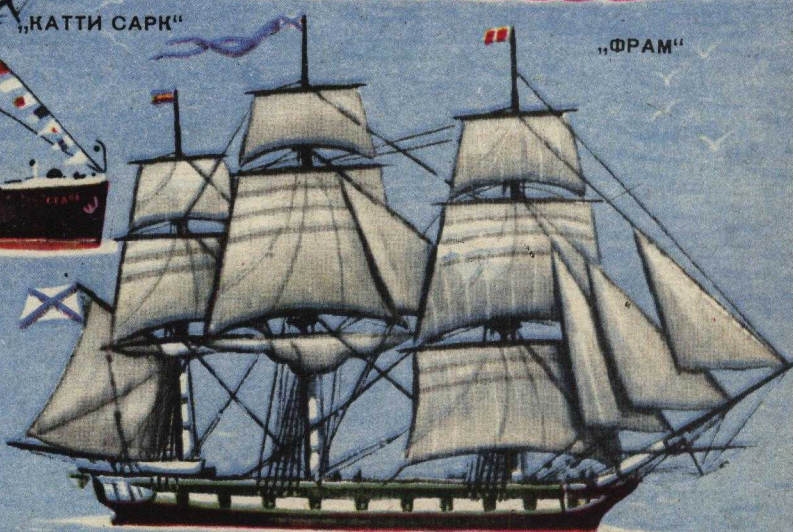
„ВИТЯЗЬ“

„КАТТИ САРК“

„ФРАМ“

„ВОСТОК“

„СЕДОВ“

„КОН-ТИКИ“

„НАУТИЛУС“

Почему наоборот?

Потому что весь этот выпуск «Стола загадок-66» — шиворот-навыворот.

Посмотрите на цветную картинку. Перед вами двенадцать прославленных кораблей.

Вот их имена:

1. «Арго».
2. «Варяг».
3. «Восток».
4. «Красин».
5. «Кон-Тики».
6. «Наутилус».
7. «Саванна».
8. «Катти Сарк».
9. «Титаник».
10. «Фрам».
11. «Седов».
12. «Витязь».

Что ж, как будто и разгадывать уже нечего?

Верно. Разгадывать нечего. Но в том и штука, что мы даем вам отгадки, а прислать просим **ЗАГАДКИ** об этих кораблях.

Загадки должны быть немногословны, однозначны, то есть иметь единственный верный ответ, и по возможности — неожиданны и остроумны.

Например:

Какое судно сплавало в Америку и под парами и под парусами сразу?

Какой парусный шлюп — тезка корабля космонавтов?

Что такое кораблестригуны и какой из них самый знаменитый?

Таким образом, с «Саванной», «Востоком» и клиппером «Катти Сарк» мы разобрались.

А остальные девять кораблей за вами! Пишите!

Капитан загадочного
ранга Б. Борейко

Рисунки
Е. Войшвилло

ОСТРОВ ДЕЛЬФИНОВ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Артур Кларк

Рисунки А. Сколозубова

Глава шестнадцатая

Море покрывали барашки, но волнение было не сильным. Иногда Джонни обдавали брызги и акваплан зарывался носом в волну. В темноте было трудно судить о скорости хода.

Джонни посмотрел на часы. Прошло всего пятнадцать минут, но никаких следов острова уже не было заметно. Он надеялся еще увидеть огни, — а огни исчезли. Целые мили отделяли его теперь от суши. Сквозь мрак ночи он несся к цели, которую сам поставил перед собой. А скажи ему кто такое ведь всего год назад, он перепугался бы насмерть.

Пора ложиться на курс. Это не проблема. Если плыть на запад, рано или поздно наткнешься на австралийское побережье, растянувшееся на тысячи километров. Джонни взглянул на компас и с удивлением обнаружил, что Сузи держит курс прямо на запад.

Это ли не доказательство ее ума! Оказалось, достаточно одного только сигнала «НА ПОМОЩЬ!» Незачем указывать ей то единственное направление, откуда можно ждать помощи; она знает этот путь, как знает, вероятно, каждый сантиметр береговой линии Квинсленда.

Ночь была очень темная. Луна еще не взошла, а низко нависшие облака — остатки бури — почти совсем закрывали звезды. Не было даже обычного фосфорического сияния моря — наверное, светящиеся обитатели глубин все еще не оправившись после урагана.

Сейчас под аквапланом была настоящая глубина, и неприятная зыбь осталась позади. Он спешил навстречу медленно катящимся валам, незаметно взбираясь на гребни. Сузи скользила по длинному пологому склону, затем акваплан на мгновение повисал на вершине движущегося водяного холма и, наконец, несся вниз, в распадок. И все опять начиналось сначала.

Вдруг из-за туч вырвался месяц, и взгляд Джонни объел мир огромных волн, медленно уходивших в ночь. В лунном свете их гребни отливали серебром, а провалы между ними казались совсем черными. Стремительные спуски акваплана в темные долины и медленные подъемы на пики движущихся гор напоминали чередование дня и ночи, ночи и дня.

Быстро наступивший рассвет прогнал тьму. Джонни спиной почувствовал тепло нового дня и нажал клавишу «СТОП». Пора было дать Сузи отдых, пусть поохотится. Джонни соскользнул с акваплана, проплыл немного вперед, чтобы снять упряжь. Сузи, почувствовав себя свободной, радостно подпрыгнула и умчалась прочь. Спутника нигде не было видно, он, верно, промышлял рыбу сам по себе. Но Джонни не сомневался — стоит его позвать, и он будет тут как тут.

Джонни сдвинул на лоб маску, в которой пробыл всю ночь, чтобы защитить глаза от брызг, и уселся на краю акваплана. Он съел банан, два пирожка с мясом и глотнул апельсинового сока. Остальное пригодится попозже. Даже если все пойдет хорошо, путешествие продлится не меньше пяти-шести часов.

Джонни дал дельфинам пятнадцатиминутный отдых, и сам спокойно лег на мирно колышавшемся акваплане. Потом нажал клавишу вызова и стал ждать.

Через пять минут он встревожился — не уплыли же они далеко! И тотчас Джонни увидел знакомые очертания спинного плавника, разрезающего волны. Но через мгновение Джонни поспешно поднялся и снова сел. Очертания плавника недаром показались знакомыми, — это был плавник косатки!

Считанные секунды, пока Джонни глядел в лицо своей внезапной смерти, несшейся к нему со скоростью тридцати узлов, показались ему вечно-стью. Но вдруг его озарило: ведь косатка приплыла на сигнал, неужели это...

Окончание. См. «Костер» №№ 6—9, 1966 г.

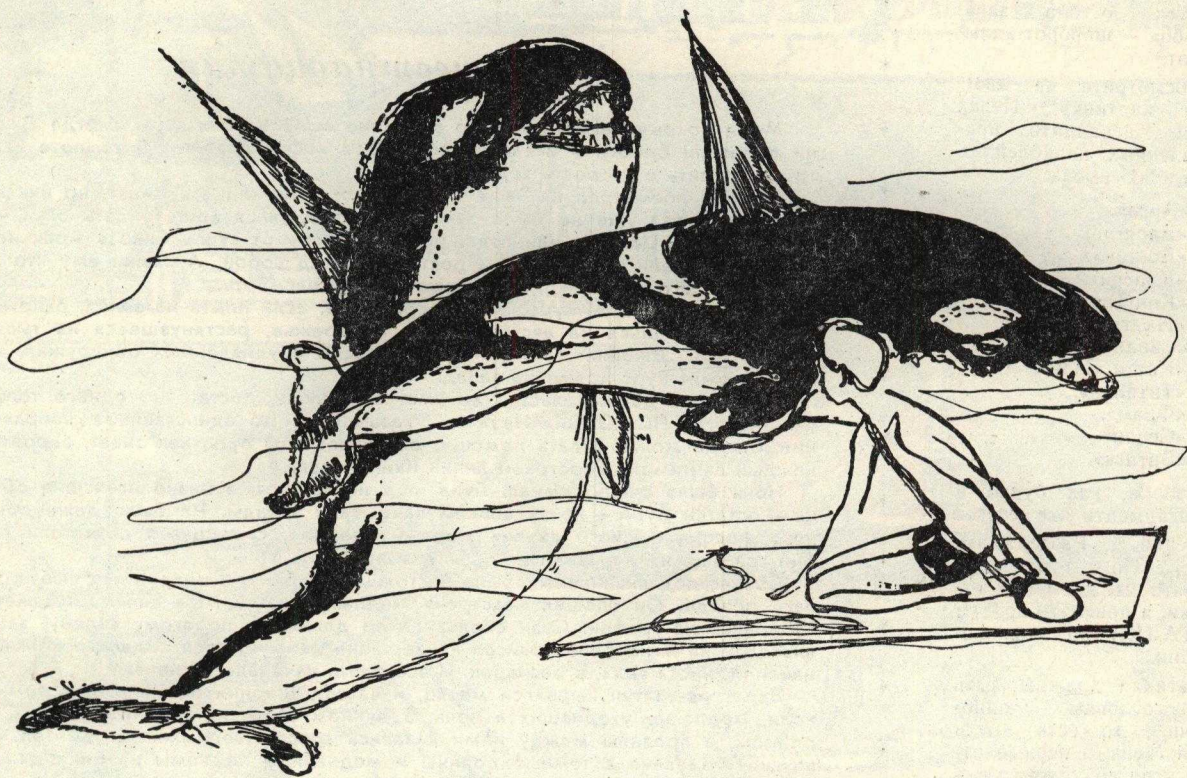
Так и есть. Огромная голова вынырнула метрах в пяти, и Джонни увидел обтекаемую коробку контрольного устройства, все еще крепко державшуюся на массивном затылке.

— Здорово же ты меня напугала, Снежинка, — сказал он, переводя дух. — Не делай так больше.

Акваплан сильно закачался. Снежинка потерлась об него, — и Джонни чуть не полетел в воду. Но это было ласковое прикосновение, самое ласковое, на какое была способна пятиметровая разбойница. Немного опас-

Однако Снежинка мало считалась с его замыслами. Когда самец оказался уже в трех метрах от Джонни, заслонив собой весь мир, она вдруг бросилась на него и резко толкнула в бок. Таким ударом свободно можно проломить борт лодки!

Приятель Снежинки понял намек и, к облегчению Джонни, отплыл подальше. Метрах в пятнадцати от акваплана между этой парочкой снова возникли разногласия, и последовала новая затрещина. Тем дело и кончилось. Через несколько минут Снежинка и ее

ливо Джонни протянул руку и похлопал Снежинку по спине. Кожа у нее была эластичная, словно резиновая, — такая же, как у дельфинов.

— Скучно тебе в одиночестве?... — сочувственно спросил Джонни и... замолк от ужаса.

Снежинка совсем не томила одиночеством. К ней, не торопясь, приближался приятель, метров этак десяти длиной.

Только самцу косатки мог принадлежать этот огромный спинной плавник. Огромный черный треугольник, как парус, медленно двигался к акваплану, на котором сидел оцепеневший Джонни.

Самец был несомненно самым крупным из всех виденных Джонни. Рядом с ним Снежинка казалась просто обыкновенным дельфином. Но хозяйкой положения все же была она. Пока ее огромный супруг медленно патрулировал вокруг акваплана, Снежинка кружила по внутренней орбите, все время держась между ним и Джонни.

Вот самец остановился, выставил голову чуть ли не на два метра над водой и через спину Снежинки посмотрел прямо на Джонни. В этих глазах не было и намека на дружелюбие. Хищник неотвратимо по пологой спирали приближался к акваплану.

поклонник, держа курс прямо на север, исчезли из виду.

Джонни еще долго неподвижно сидел на акваплане, пытаясь унять нервную дрожь. Наконец он снова обрел способность рассуждать. Где же Сузи и Спутник? Наверное, дельфины обнаружили косаток и потому держались в стороне. Неужели страх заставил их уплыть совсем, или — какая ужасная мысль! — их проглотили косатки? Если дельфины не вернуться, Джонни конец! Ведь до берега Австралии никак не меньше сорока миль.

Снова нажать клавишу вызова он боялся. Могли вернуться и косатки.

Протекло еще пятнадцать бесконечных минут. И вот с юга показались Спутник и Сузи. Конечно, они пережидали, пока минет гроза. Джонни обрадовался дельфинам безмерно. Соскользнув в воду, он похлопал их по спинам, осыпал всяческими ласками и без конца говорил с ними, будто они могли его понять.

Потом Джонни застегнул застёжки на упряжи Спутника, проверил, свободны ли дыхало и плавники, и взобрался на акваплан. Как только он улегся поудобнее и установил равновесие, Спутник тронулся с места.

Но не к западу — в сторону Австралии, а к югу.

— Эй! — воскликнул Джонни. — Ты куда?

И тут же, вспомнив о косатках, сообразил, что это неплохой маневр. Нет, он не станет мешать Спутнику делать все по-своему. Посмотрим, что из этого выйдет.

Минут через двадцать Спутник сам повернул на запад.

Время от времени Джонни все же оглядывался, чтобы проверить, не преследуют ли их, но водяную равнину ни разу не взбороздил высокий спинной плавник.

Только однажды неподалеку вдруг выскочил из воды большой скат — морской дьявол. Он повис на мгновение в воздухе, как гигантская летучая мышь, а потом плюхнулся обратно с таким шумом, что его

можно было бы услышать за много миль. И это было единственное свидетельство жизни, которой полон океан.

Ближе к полудню Спутник замедлил ход. Но Джонни не хотел больше делать остановок, пока не покажется берег, — только тогда он снова запрыгает вместо Спутника Сузи, к этому времени она хорошенько отдохнет. Если его расчеты верны, до берега Австралии осталось не более десяти миль.

Берег открылся перед ним, когда необычайно высокая волна подняла акваплан. На миг акваплан замер на гребне, Джонни невольно посмотрел вдаль и почти у самого горизонта увидел белую линию берега.

Глава семнадцатая

Ураган отбушевал два дня назад, но море все еще помнило его. По мере приближения к берегу Джонни стал различать отдельные деревья, дома и вдали бледно-синие вершины холмов. Но впереди он увидел и огромные волны. Не только увидел, и услышал. Воздух был наполнен громом; вдоль всего побережья, с севера на юг к суше неслись целые горы с белыми шапками пены. Метрах в трехстах от суши они ударялись о подводный уступ, набирали скорость и опрокидывались на берег, оставляя за собой клубящиеся облака пены. Джонни тщетно искал проход в этих живых гремящих стенах воды, — повсюду белая полоса прибоя. Надо идти напролом, да побыстрее, пока не покинула решимость.

Джонни знал об одном виде спорта — серфинге — катании на волнах. Но никогда до сих пор он не пробовал им заниматься. На Острове Дельфинов плоское коралловое плато близко подходило к берегу, там не было пологого дна, по которому разгоняются волны, набегая на берег. Но Мик часто с жаром объяснял технику серфинга, как он говорил, «ловли волны». Нужно продержаться какое-то время в том месте, где волны начинают загигать гребни, перед тем как рассыпаться, выбрать волну повыше и грести, словно бешеный. А потом, несясь на гребне, надо только держаться за доску крепче и молить всех богов, чтобы тебя не сбросило. Остальное сделает волна.

В полумиле от суши он подал Сузи сигнал остановиться и отстегнул ее упряжь.

Оба дельфина продолжали плыть рядом, пока он двигался к берегу, но теперь они уже не могли ему помочь. Море часто выбрасывало дельфинов на такие вот берега, и Джонни не хотел подвергать опасности Сузи и Спутника.

Участок, к которому он приближался, показался Джонни приемлемым для высадки. Здесь буруны пенились почти параллельно берегу, и не было отраженных волн. К тому же, на берегу маячили люди. Может, эти люди уже заметили его.

Он поднялся и замахал руками, хотя это было нелегко на такой зыбкой опоре, как акваплан. Да, заметил! Маленькие фигурки пришли в движение.

Но тут Джонни разглядел там, на берегу, доски для серфинга. Некоторые покоились на автоприцепах, другие были воткнуты в песок. Столько на суше и ни одной в море! Мик часто говорил, что австралийцы — лучшие пловцы в мире. Значит, они стоят и терпеливо ждут доброго часа, приготовив снаряжение. При таком волнении, видимо, лучше не соваться.

Джонни медленно греб, все отчетливее слыша нарастающий рев впереди. До сих пор волны, обгонявшие его, чередовались равномерно, вершины их были сглажены. Но вот гребни побелели. Всего лишь в сотне метров дальше водяные валы начинали загигаться и с громом обрушивались на берег.

Некоторое время Джонни покачивался у края белой пенной полосы, пристально следя за волнами. Раз или два он чуть не ринулся вперед, но инстинкт или осторожность удержали его. Он знал, что рискнуть можно только один раз.

Люди на берегу бегали, махали руками, показывая на море. Куда это они его посылают? Он уже собрался было грести и люди замахали сильнее, но в последний миг мужество покинуло Джонни. Проследив, как упущенная им волна ровно накатила на берег, он понял, что нужно было следовать их совету.

Он направил нос акваплана точно на берег, а сам, оглядываясь, следил за бегущими волнами. Еще одна волна, едва поднявшись из моря, начала свертывать свой гребень, и белая пена закипела на нем.

Джонни бросил беглый взгляд на берег — танцующие фигурки отчаянно жестикулировали. Настал его час.

И он стал грести изо всех сил, стремясь выжать из акваплана всю скорость.

Наконец волна подхватила акваплан. Он очутился во власти неодолимой силы, такой мощной, что его ничтожные усилия не могли ни помочь, ни помешать ей.

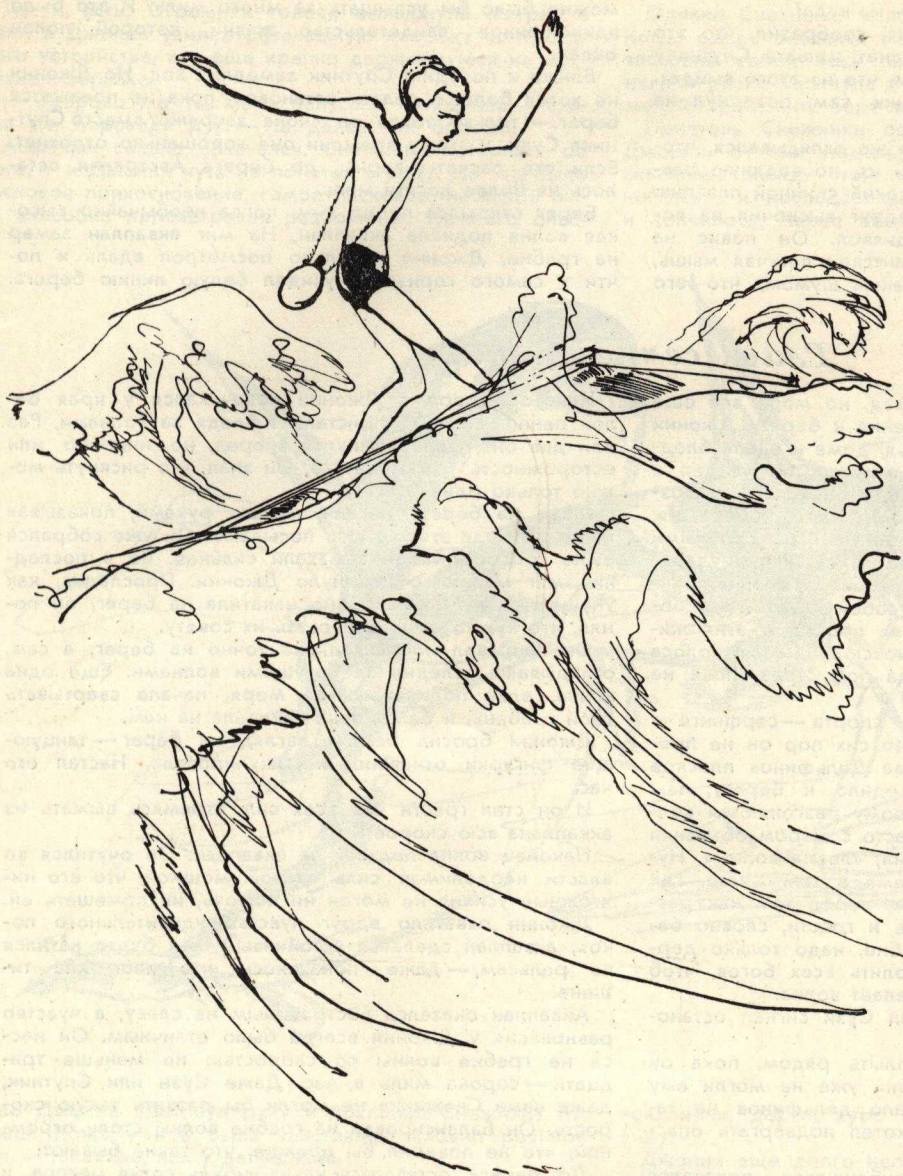
Джонни охватило вдруг чувство удивительного покоя; акваплан сделался устойчивым, как будто катился по рельсам, — даже показалось, что наступила тишина.

Акваплан оказался построенным на славу, а чувство равновесия у Джонни всегда было отличным. Он несся на гребне волны со скоростью не меньше тридцати — сорока миль в час. Даже Сузи или Спутник, даже сама Снежинка не могли бы развить такую скорость. Он балансировал на гребне волны столь огромной, что не поверил бы прежде, что такие бывают.

До берега оставалась какая-нибудь сотня метров, и волна начала переворачиваться, перед тем как разбиться вдребезги. Если сейчас волна накроет акваплан, его грохнет о дно. Джонни почувствовал, что акваплан начинает зарываться носом. Очень осторожно он переместил тяжесть своего тела назад. Нос акваплана медленно поднялся.

И вот гора под ним начала опускаться, и он, балансируя на акваплане, опускался вместе с нею. Волна становилась все более пологой, превратилась сначала в холм, а потом в холмик несущейся пены. Акваплан продолжал стремиться вперед сквозь теперь уже бесильное кипение волн. Он летел к берегу, как стрела, увлекаемый силой собственной инерции. Внезапный толчок — и Джонни увидел перед собой уже не зыбкую воду, а неподвижный песок.

Сильные руки тотчас подхватили его и поставили на ноги. Кругом раздавались голоса, но он был оглушен ревом моря и улавливал только отдельные фразы: «Сумасшедший», «Дурак!», «Повезло, что жив остался!», «Это не из наших ребят!»

Глава восемнадцатая

— Можешь войти, — сказала сестра Тесси, — но помни — только на пять минут. Он еще не окреп и не успел отдохнуть от предыдущего посетителя.

Джонни на цыпочках вошел в палату. Он с трудом разглядел профессора Казана, который лежал в постели, зарывшись в книги. Пожалуй, только через минуту профессор обратил внимание на посетителя. Он поспешно положил книгу, которую читал, и протянул руку.

— Я так рад видеть тебя, Джонни, спасибо за все. Ты сильно рисковал...

Джонни не отнекивался. Риск был куда большим, чем он предполагал, покидая Остров Дельфинов. Но он это сделал, а все остальное не имело значения.

— Я рад, что поехал, — ответил он просто.

— И я тоже, — сказал профессор. — Сестра Тесси

говорит, что вертолет Красного Креста чуть не опоздал.

Наступило долгое неловкое молчание.

— Вот что, Джонни, — сказал профессор, — все эти дни, пока я лежал здесь, у меня было достаточно времени подумать. И я принял ряд решений.

Это звучало довольно злое.

— Что особенно тревожит меня, — продолжал профессор, — так это твое будущее. Тебе уже семнадцать, и пора посмотреть вперед.

— Вы же знаете, профессор, что я хочу жить здесь, — сказал, сразу сникнув, Джонни. — Все мои друзья на острове.

— Знаю. Но твое образование? ОСАКР может помочь пройти лишь часть пути. Если хочешь приносить людям пользу, надо избрать специальность и развивать все способности, которые тебе отпущены. Ты не согласен?

— Должно быть, вы правы, — ответил Джонни без энтузиазма и подумал: «Куда это профессор гнет?»

— Я предлагаю, — сказал профессор, — чтобы со следующего семестра ты поступил в Квинслендский университет. Не расстраивайся — это же не другой конец света. Брисбейн всего в часе пути отсюда, и ты сможешь прилетать каждую субботу. Нельзя же провести всю свою жизнь, занимаясь легковолежным спортом.

Джонни подумал, что он не прочь жить именно так, но в глубине души понимал, что профессор прав.

— У тебя уже есть некоторые навыки и рвение к

нашему делу, — сказал профессор Казан. — Но тебе не хватает дисциплины и знаний — то и другое приобретешь в университете. Тогда ты сможешь по-настоящему помочь в осуществлении моих планов.

— Каких планов? — оживился Джонни.

— Да ведь ты знаешь. Все они сводятся к одному: сотрудничество людей и дельфинов. За последние месяцы мы установили, что многое можем делать сообща, но это только начало. Рыболовство, добыча жемчуга, спасательные операции, патрулирование побережья, осмотр потерпевших крушение судов, водный спорт — о, да есть сотни дел, в которых дельфины могут помочь.

— А что будет с косятками, профессор?

— Это еще проблема. Ответить на твой вопрос сейчас нельзя. Воспитание электричеством — только один

из способов, к которым нам придется прибегнуть.

Он указал на низенький столик у стены палаты.

— Принеси глобус, Джонни.

Джонни принес большой глобус, и профессор стал вертеть его вокруг оси.

— Смотри, — сказал он. — Я подумываю о заповедниках: «Только для дельфинов, косаткам вход воспрещен». Очевидно, начинать надо со Средиземного и Красного. Понадобится стомильная перегородка, чтобы отделить эти моря от океанов и сделать безопасными для дельфинов.

— Перегородка? — недоверчиво спросил Джонни.

Профессор усмехнулся.

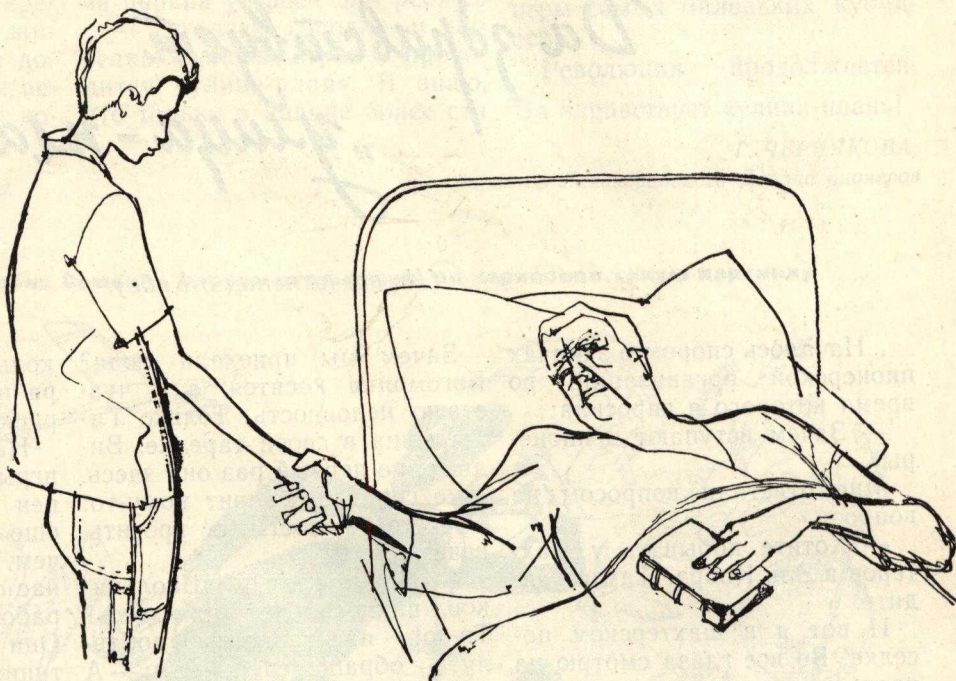
— Я имею в виду не проволочную сетку или какой-нибудь барьер. Когда мы изучим язык косаток, мы сможем использовать подводные звукоизлучатели. Пусть себе пасутся и не лезут куда не надо. Несколько излучателей в Гибралтарском проливе, несколько в Аденском заливе — и в обоих морях дельфины будут жить припеваючи. А позднее, может быть, удастся отгородить Тихий океан от Атлантического, отдав один из них дельфинам, а другой косаткам. Видишь, от мыса Горн недалеко до Антарктиды, с Беринговым проливом управиться легко. Трудно перегородить только пространство к югу от Австралии. Китобои уже давно мечтают о таком, и рано или поздно придется приступить к делу...

Джонни не успел ничего сказать, так как дверь открылась.

— Я предупреждала — пять минут, а вы разговариваете уже больше десяти, — заворчала сестра Тесси. — Уходи сейчас же. А вам, профессор, я принесла молоко.

Профессор Казан произнес несколько слов по-русски, и тон его не оставлял сомнений, что молоко ему явно не по вкусу.

Джонни в глубокой задумчивости вышел из палаты. Он спустился к берегу по узкой тропе, выходящей среди леса. Поваленные ветром деревья уже убрали, и ураган казался страшным сном, которого не было и не могло быть наяву.

Начался прилив, вода поднялась над рифом. Дул легкий бриз.

В это утро риф был чарующе красив. В последний год он заменял Джонни все. Но теперь юношу звал иной, широкий мир с неоглядным горизонтом.

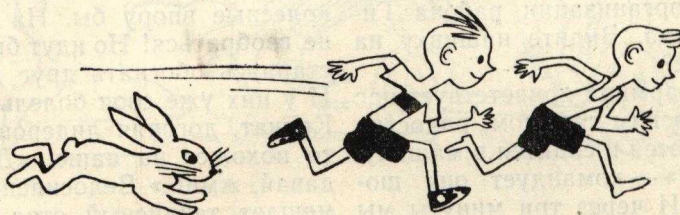
Предстоящие долгие годы учения больше не казались тягостными. Пусть его ждет нелегкий труд, но зато много и радости. Ведь ему еще столько надо узнать о море... И о морском народе, с которым он так подружился.

Перевел с английского В. Голаит

Конец

КТО ОНИ?

Нет! Болезненными их не назовешь! Где они научились так быстро бегать и так высоко прыгать? Остается ли у них время на что-нибудь, кроме чтения и тренировок?

Смотри страницу 56

Да здравствует „улица-план“!

(Из впечатлений о Кубе)

...Началось спором о задачах пионерской организации, во время которого я спросила:

— Зачем вступают в пионеры?

Мне ответили вопросом на вопрос:

— Хотите побывать у шахтеров в Эль Кобрэ? Там и увидите.

И вот я в шахтерском поселке! Во все глаза смотрю на крохотные дома с пальмовыми крышами. Приземистые, скромные, они словно хотят спрятаться в скалах. А над ними на бугре — белоснежное здание. Что там?

— Церкви!..

Мне неприятно услышать ответ. Слишком властно возвышается здание над поселком и, наверное... но мои размышления прерваны неожиданным образом.

К машине бежит со всех ног молоденькая девушка в белосинем галстуке.

— Это руководитель пионерской организации района Гижармина. Видите нашивку на рукаве?

Гижармина приветствует нас пионерским салютом, радостно улыбается и садится в машину. «Туда!» — командует она шоферу. И через три минуты мы останавливаемся на церковном дворе.

Зачем мы приехали сюда? Богомолки косятся, а я чувствую неловкость. Только Гижармина в своей тарелке. Видимо, не первый раз она здесь. Уже сердито говорит кому-то: «Нечего милостыню просить, нечего...»

— Посмотрели? Школьников видите? Нет их здесь? То-то! — и с гордостью добавляет, обращаясь к нам: — А всего два-три года назад я не повезла бы вас сюда. Ни одного дома не было, где церковь не признавали бы, не ходили бы на каждое моление. Да и немудрено: все селение под церковной пятой...

А мы тем временем уже выезжали обратно, за ограду. Но проехали всего несколько шагов, и...

Почему именно тут, под самым боком у церкви, спортивный праздник? Велосипедные гонки. Колесо в колесо идут два мальчугана на непомерно больших машинах. Им и трехколесные впору бы. На седло не взобраться! Но идут быстро, стараясь обогнать друг друга. И у них уже свои болельщики. Кричат, догоняя лидеров, что-то похожее на наше: «Давай, давай, жми!..» Велосипедистам мешает теннисный стол. Воздушный белый шарик летает над сеткой. Игроки в тесном

кольце очереди. Понимаю, игра идет «на мусор» — каждый рискует «вылететь» из игры...

Начинаю догадываться, что игры под носом у богомольцев затеяны не случайно. Но еще не совсем разобралась, в чем же дело. А тем временем нас обступают и взрослые. Это рабочие. Рудник совсем рядом. Они любят свои ребятишками каждую свободную минуту, даже сейчас, в обеденный перерыв...

Процессия показалась! Не религиозная, не крестный ход, а «бег в мешках»! До чего же потешное зрелище! Посадят в мешок человека и — иди себе. Не вбок, не на месте топчись, а старайся прийти первым, а то проиграешь. Из мешка только смех слышится. А уж зрители довольны — не передать.

Я и сама до слез смеялась.

Молящиеся то и дело обходили «спортивную арену», кто ворча, кто ненадолго задерживаясь — не могли не взглянуть. Я внимательно смотрела, есть ли среди них ребята. Нет, не было. И молодых — совсем мало. Раз-два и обчелся. Но я еще не понимала, какие молодцы ребятишки, какая заслуга пионеров в том, что у церкви все меньше и меньше приверженцев.

— Так ведь это — «улица-план», — сказала Гижармина и обвела рукой довольно большой огороженный участок улицы. — Это как бы «контр-план», план борьбы с церковью. В «неделю бога», во всякие «святые дни», в субботу и в воскресенье, как сегодня, ребята живут по особому плану. Из домов вытаскивают самокаты, велосипеды, ролики. Выносят во-

лейбольные сетки и мячи. Расставляют, где можно, шашки, шахматы. Всем должно хватить игр и игрушек, чтоб на церковь не осталось времени. И чтоб даже не хотелось идти в бассейн, который на средства церкви устроен для ребят...

— Во всех городах и поселках нашей страны проводится «улица-план». Я знаю, что только в Гаване более ста

зон, где так же, как и здесь, ребята «воюют с богом»...

Да смотрите же сами!..

Я как будто другими глазами взглянула на праздник. На соревнования велосипедистов, на баскетбольный матч, на игры самых маленьких кубинцев.

Революция продолжается. Да здравствует «улица-план»!

Г. ЧЕРНЯКОВА,

директор Ленинградского Дворца пионеров

Провинция Ориенте — Ленинград.

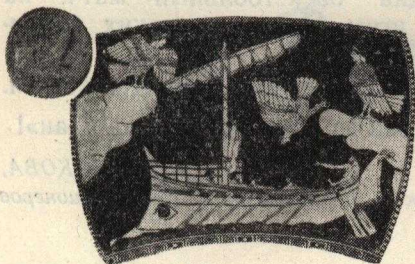
Когда художник Борис Семенов прочел этот очерк, он нарисовал такую картинку

ПЕРЕКЛИЧКА ВЕКОВ

В. Брабич, научный сотрудник Эрмитажа

ГЛАЗА КОРАБЛЯ

Есть ли у корабля глаза? Те из наших читателей, которые станут моряками, знают, что есть радиотехническая служба — РТС — глаза и уши корабля.

«Корабль своими глазами высматривает путь», — так говорится в трагедии Эсхила. Знаменитый драматург Эсхил жил в древней Греции. Неужели уже тогда существовала РТС? Нет, не существовала, но греки считали корабли живыми существами и тщательно вырисовывали им глаза.

На старинной вазе изображено, как проплывает Одиссей мимо острова Сирен, сказочных полулюдей-полуптиц. Коварное пение их погубило не одного мореплавателя. Именно поэтому до сих пор сиреной называется всякий сигнал опасности... Одиссей же залепил воском уши гребцов, а себя, обуреваемого любопытством, приказал крепко-на-

крепко привязать к мачте. У корабля не было ушей, и он следовал намеченным курсом, «высмотренным» своими глазами...

Римские легенды говорят о том, что к берегам Италии приплыло однажды судно с богом Сатурном, он научил местных жителей изготовлению монет. Вот почему римляне часто изображали на своих деньгах носовую часть «божественного» корабля и иной раз тоже снабжали ее глазами.

Несмотря на все уважение к таким «всевидящим очам», древние мореходы, однако, сравнительно скоро стали считать, что маяки — более надежные путеводители в море.

САДД АЛ-ААЛИ

Так именуют по-арабски гигантскую плотину на Ниле, которую сооружают в Асуане. В 1970 году работы будут завершены, в результате чего страна получит вдвое больше электроэнергии, чем раньше.

Покорители Ангары, Енисея, Волги помогали строить это восьмое чудо света. Когда весной 1964 года река Нил была перекрыта и воды ее потекли по новому руслу, в Объединенной Арабской республике вы-

чеканили памятные золотые и серебряные монеты. На них запечатлен помолодевший Нил — высотная Асуанская.

...Могучий старец держит колосья, рог изобилия и полулежит, облокотившись о сфинкса с человеческим лицом. Вокруг играют ребятишки. Подобная же фигура изображена на александрийских монетах, только в отличие от римских там еще вычеканен крокодил. На деньгах римлян надпись — «Нил».

Так древние представляли себе великую египетскую реку. Тысячелетиями она спасала все живое от раскаленной пустыни. Люди благодарно говорили: «Египет — дитя Нила». А теперь родились новые слова — Садд ал-Аали — детище республики.

„ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В РИМ“

Так говорили еще древние римляне. И не случайно говорили: в центре города стоял конус, обитый позолоченной бронзой, и во все стороны от него расходились мощные камнем весьма дальние пути-дороги. По ним везли в столицу богатства бесчисленных провинций.

Хорошо сохранилась до сих пор «дорога Траяна». По ней пригоняли стада породистого скота из областей Дуная. Дорога эта вырублена пря-

мо в скалах. Сколько же усилий затратили при этой работе, если завершение строительства отметили в монетной чеканке! На некоторых монетах изображено «дорожное» божество по соседству с колесом от повозки и с надписью «виа Траяна». Кстати сказать, латинское слово «виа» живо в названии виадук, путепровод — шоссейный или железно-дорожный.

Секрет обыкновенной глины

Две палочки из высушенной фарфоровой глины — каолина — на вид могут показаться совершенно одинаковыми. Но одну легко сломать, а другую — трудно. Хрупкий образчик замешан из каолина, частицы которого имеют размер от 2 до 60 микрон. Твердый — меньше двух микрон.

При археологических раскопках ученые находили множество крепких глиняных черепков, покрытых сверху тонким блестящим слоем. Секрет оказался удивительно прост, древние покрывали свои сосуды не краской, а растворами различных глин, величина частиц которых не превышала микрона.

Как умудрялись наши предки разделять такие неоднородные глины? Предполагают, что в древности пользовались свойством частиц разной величины оседать в воде с разной скоростью.

В наши дни неоднородные частицы каолина разделяет особая машина — гидроциклон.

Прожорливость — благо

В тропиках небольшие каналы и реки необыкновенно быстро зарастают лотосом и кувшинками. Это очень вредит судоходству. Химические способы борьбы вредно влияют на рыбу. Как же быть?

Вспомнили о ламантинах и дюгонях. В древние времена моряки боялись этих морских «сирен», считалось, что именно дюгоны завлекают корабли в пучину...

На самом деле дюгоны и ламантины нежны и добродушны. Причем чуть ли не единственный недостаток этих животных — прожорливость. Они съедают до сорока килограммов водорослей в сутки. Как раз то, что надо. В Африке был первый опыт использования ламантинов на расчистке каналов: за два месяца эти животные расчистили канал почти на полтора километра.

Молочные реки в ГДР

В ГДР построен пластмассовый «молокопровод» длиной в 3,5 километра — от коровника до молокозавода.

Янус

Латинское слово «янус» означает дверь... Знаменитый римский поэт Овидий писал: «Всякая дверь о двух лицах — отсюда одно, там — другое, это глядит на народ, то — на домашний очаг».

Первоначально двуликость Януса — божества, которое покровительствовало входу и выходу, а заодно началу всякого дела — никак не связывалось с неискренностью, двуличием. Янусу посвящали первые числа месяца, начальный месяц года называли в честь Януса — январем. Любопытно, что по римским обычаям в день первого января запрещались какие-либо ссоры, чтобы не омрачить Януса. Бог, рассердившись, мог послать плохой год с самого начала.

Опилки? Охотно съем!

Может ли корова питаться опилками? Оказывается, может. На опилках, смоченных специальными растворами, разводят дрожжевой грибок, который, перерабатывая опилки, быстро размножается. Через некоторое время из грибка и опилок получается много нормовых дрожжей, а в них — необходимые организму белки, витамины и другие полезные вещества. Коровы охотно едят опилки, смешанные с сеном.

Превращения Каспия

За двадцать с небольшим лет, с 1930 по 1952 г., площадь Каспийского моря уменьшилась на 30 000 км², то есть на величину площади Азовского моря — уменьшились некоторые заливы, увеличились острова, некоторые острова стали полуостровами.

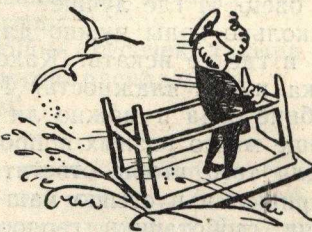
Стол с мотором

Думаете, что за обыкновенным столом с четырьмя ножками можно только обедать или готовить уроки?

Ошибаетесь... Американцы с побережья Флориды считают, что на столе можно путешествовать. Правда, с подвесным мотором мощностью в 20 лошадиных сил.

Стол отлично глиссирует и развивает скорость до 30 километров в час.

Попытки американцев оседлать таким образом табурет пока не увенчались успехом.

СЛОВАРЬ ПУСТЫНИ

АГА

«Ага» — означает «старший». Так зовут рабочие-туркмены начальника экспедиции.

Ага должен быть строгим. Он не только занимается научными исследованиями, распределяет работу, следит, чтобы все были сыты и здоровы.

Обязательно следит за целостностью и сохранностью веревок. Вербка — очень ценная вещь в пустыне. Глубина колодцев достигает 30 метров, и, если нет крепкой длинной веревки, — беда.

Ага должен по утрам поднимать лагерь. Пока на саксауле готовится плотный завтрак, нужно успеть разбудить всех.

Раскладушки стоят на песке. Какой толк прятаться в палатки: душно и легче повстречать змею или фалангу.

А раскладушку утащишь за бархан и, пока тебя утром разыщут, понежишься лишние десять минут.

Аге нужно разыскать всех, а Костю-практиканта даже вытряхнуть из спального мешка, иначе не проснется.

И все это почти в полной темноте. При свете звезд. Прежде чем палящее солнце зальет пустыню.

И ничуть не легче аге укладывать спать свой отряд. После ужина, часов в 10, воздух начинает остывать, а земля теплая. Спать — кошунство. Начинаются разговоры, песни, волейбол. Но ага должен быть неумолим: «Всем спать!»

БАХАРДЕН

Так называется совхоз километрах в двухстах от Ашхабада, для которого и создана в пустыне наша научная лаборатория. И хотя в ней нет окон, дверей, стен и крыши, этот дом существует. Дом, населенный многими предметами и людьми.

«Бахарден» разводит каракулевых овец ценной породы. А план развития совхоза предусматривает увеличение отары.

Сколько нужно пастбищ для тысяч овец? И где лучше?

Сколько воды нужно для орошения и где ее искать? Каков состав песка и его влажность? На какой глубине вода и можно ли ее пить? И еще много разных вопросов...

Для того чтобы ответить на них, и пришел в пустыню наш научный отряд: геоботаники, геологи, почвоведы, гидрогеологи.

Поселок в песках

Для совхоза нужно подобрать подходящий «кусочек» пустыни — так тысяч в 7 квадратных километров. И мы его нашли.

КОК-ЧАЙ

Мы работаем с 6 утра до 11. Потом пьем зеленый чай. Часов до четырех.

Это единственное спасение от жары в дневные часы.

Спать нельзя. Если уснешь — нарушается терморегуляция организма. Тебя разбудят — сердце как трактор.

Сложены лопаты, ломы и штанги. Мы лежим под большим тентом. Упаковываем образцы почвы и песка, взятых с разной глубины. Заполняем журналы, точим инструменты.

И пьем зеленый чай, кок-чай. По 10 кружек... Без сахара...

КАНДЫМ

Шарики-ежики притаились у бархана. Кажется, вот-вот весело побегут. Серые ажурные веточки, чуть зеленоватые на конце. Даже верблюды едят их с трудом.

У кустарника нет листочков. Но есть много имен: кандым — по-туркменски, джузгун — по-казахски, калигонум — по-латыни.

Кандым важен для нас, он закрепляет пески, не дает им передвигаться.

Барханы

гаться. А еще нас интересует, где растет белый саксаул, полынь и песчаная осока. Это — корм для овец.

КАРАКУРТ

Плакат с выцветшими на солнце буквами мрачно предупреждает:

«Черная смерть» ждет тебя в ботинке.

Это значит, прежде чем надеть ботинки, не забудь, внимательно осмотри. Нет ли в них ядовитых фаланг, скорпионов или маленьких красноватых паучков — каракуртов, имя их так и переводится «черная смерть».

Кстати о скорпионах. Ага относится к этой гадости с большим уважением. Говорит, что скорпионы — очень древние существа. Их родственники жили на земле задолго до появления позвоночных.

КУЧЕВОЧКА

Она в пустыне бывает редко. И все же, садясь в самолет, штурман долго всматривается в горизонт:

— Как там с кучевочкой?

Вы, наверное, догадались, что кучевочка — это кучевые облака.

Прежде чем исследовать участок пустыни, его нужно выбрать. С самолета, если не мешает кучевочка, хорошо видна растительность, строе-

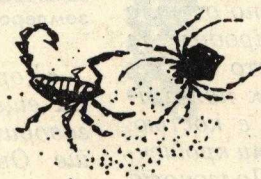
ние песчаных гряд. И мы летаем, летаем, летаем...

Почвоведу нравятся вон те барханчики, а гидрогеологу — другие. Наконец выбирается участок, который подходит всем.

Самолет еще долго кружит над ним: штурман должен найти среди песков какую-нибудь заметку, ориентир, чтобы разыскать потом именно этот кусок пустыни.

Когда ученые раскинут в пустыне лагерь, самолет со штурманом-аэросъемщиком прилетит сюда и будет долго летать и снимать, чтобы из тысяч фотографий сложить одну огромную фотографию — портрет участка. А на нем сразу видно: где лучшая трава, а где искать воду. Равномерно шелкает фотоаппарат, управляемый автоматом.

Щелк, щелк... и снят сразу почти квадратный километр пустыни. Еще один, еще...

Маршруты самолета строго параллельны. Штурман следит за направлением ветра, скоростью самолета, углом его крена. Чуть снесло самолет, и фотография пустыни выйдет с перекосом.

ПОДВИЖНЫЙ ПЕСОК

Есть просто песок. Есть подвижный. Потихонечку ветром передвигается, чуть-чуть вперед, чуть-чуть назад. Шуршит траве: «Засыплю тебя». И засыпает. Ничто не растет на подвижном песке.

Когда овцы долго пасутся на пастбище, их копыта выбивают растительность. И песок начинает двигаться.

ТАКЫР

Если такыр приличный, метров 300—400, он может принять самолет. Покружится-покружится АН-2 и сядет. Тогда любую работу бросают, все бегут к самолету. Ждут новостей, писем.

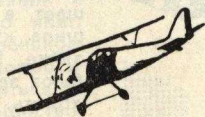
На такыре можно играть в волейбол. Конечно, поздно вечером и если светит луна.

Такыры — это следы древних рек. Обычно лагерь разбивается на таких глинистых площадках.

И еще есть одно назначение у него: кусочки сухой глины барабаният по спальному мешку. Это ага будит лагерь.

Следующий кусочек такыра летит к другой раскладушке.

Подъем!

Все это нашему корреспонденту Людмиле Вагановой рассказали доктор геолого-минералогических наук Б. В. Виноградов и штурман аэрофотосъемки О. А. Юрковский.

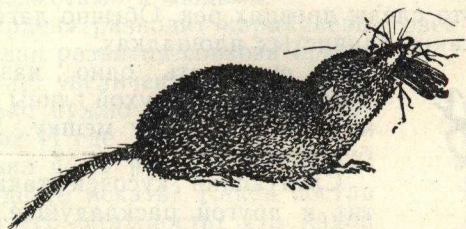

Сегодня на письма наших читателей отвечает друг КОСТИ ТЕРКИНА художник Иван Иванович Ризнич. Вы скажете: «При чем тут художник — письма-то о животных». А вот при чем: Иван Иванович охотник и большой знаток живой природы.

«Зверек, похожий на мышь, прошмыгнул по полу и скрылся в дыре. Вскоре он появился вновь и, не очень боясь, серым комочком подкатился к кошачьему блюду. Потом принялся возиться с костью. Кошка, дремавшая на диване, почуввав добычу, бросилась к храбрецу. И... равнодушно отошла прочь... А зверек невозмутимо продолжал свою «работу». Он так увлекся, что дал себя закатить в опрокинутую набок пол-литровую стеклянную банку вместе с костью. И там продолжал грызть ее своими крошечными зубками. Мы назвали его Долгоносом, потому что нос у него был длиннее, чем у мышей. Он нас стал посещать. Подходя к блюду, вытаскивал косточку, грыз, а потом спокойно уходил, так как наша кошка его не трогала. Однажды он пришел не один, а с подругой. Глаз у него не было, но он совсем был не похож на крота.

Дорогая редакция! Нас очень заинтересовал этот зверек, но никто не смог нам сказать, как он называется. И вообще мы о нем многого не знаем. Пожалуйста, если можно, ответьте на наши вопросы. Как называется этот зверек? Чем он питается? Почему кошка его не трогала? Почему он не боялся людей?»

Люба и Лена Капитоновы,
г. Тамбов

Этот зверек — землеройка. Он из отряда насекомоядных, близкий родственник крота. Глаза у него есть, но они совсем маленькие. Ест он все, что

может осилить: червей, жуков, лягушат, мышей и даже маленьких птенчиков. Землеройка — хищник, так же, как еж, крот, выхухоль и другие его «родственники» по отряду. В неволе его можно кормить любой мясной пищей, лучше сырой. Кошки землеройку не трогают, потому что она пахнет мускусом. Если молодая, глупенькая кошка съест землеройку, ее стошнит и она никогда больше есть землеройку не станет.

«Дорогая редакция! У меня есть собака. Ей еще нет и года. Но она ест кур. Мама говорит, что она будет есть куриц и дальше. Она била ее за первую курицу, а за вторую била и плакала. Так ей жалко было куриц.

Что делать с моим Мухтаром?»

Ученик 6-го класса М. Сергей,
ст. Дивья Пермской области

Мухтар был неправильно наказан за первую курицу. Наказывать собаку нужно только в тот момент, когда она совершила проступок, потому что через минуту она уже не связывает наказание с совершенным проступком, она любое воздействие связывает только с тем действием, которое совершает в данный момент. Например, собака задушила курицу и убежала, а потом подошла к хозяйке. Если ее теперь побить, она решит, что ее бьют за то, что она подошла, и будет бояться подходить.

Как отучить молодую собаку от озорства? Собаку ведут на привязи мимо домашней птицы. Только собака бросится — ее в тот же миг наказывают, тогда боль от наказания связывается с броском на птицу. Если собака уже испорчена не-

правильным воспитанием, ее переучивать трудно. Надо очень много терпения и времени. Иногда неопытному дрессировщику вообще не удастся исправить испорченную собаку. Тогда собаку надо сажать на цепь и водить гулять только на поводке или отдать тем, у кого нет кур.

«Дорогая редакция! Я живу в селе Семёновке Севского района Брянской области. У меня есть щенок. Я хочу его обучить, но не знаю как. Напишите, пожалуйста, в журнале «Костер», с какого времени начинать обучать, чему можно обучить щенка и как это сделать. Как ухаживать за щенком.»

Люда Р.

Во-первых, надо знать, какой породы щенок, кто ты сам, для чего держишь щенка и что от него хочешь получить. Собачьих пород много. Есть охотничьи собаки. Например, легавые, гончие, борзые, норные, разностороннего профиля. Есть ретриверы: собаки, которые только лишь приносят разные вещи, а на охоте — убитую или раненую дичь. Есть комнатно-декоративные собаки, которые только забавляют хозяев и лают на гостей. Есть ездовые собаки, которые возят тележки или сани; множество служебных, пастушеских и сторожевых собак.

Чтобы ответить на вопрос, как обучить щенка, нужно знать, какой породы щенок. Пока можно только сказать: любого щенка сначала приучают к чистоте. Любому щенок должен знать свою кличку, свое место и быстро бежать на зов. Это еще не обучение, а воспитание. Обучение собак начинается с разного возраста, а воспитание — с того времени, как пес открыл глаза и его позвали и приласкали. Про все это напечатано много книг. Их можно взять в библиотеке. В одном маленьком письме на страницах журнала на все эти вопросы ответить невозможно. Лучше всего обратиться к опытному собаководу, в охотничье общество, в клуб служебного собаководства, вступить в члены клуба, областного или районного (хотя бы заочно), и получать постоянную консультацию.

Н. Слепакова

Будущее время,
следующий раз!
Вот — в кино уходят,
оставляют нас.

Вот мы спать ложимся,
вот и свет погас, —
только где-то брезжит
Следующий Раз!

А через неделю
нас берут в кино.
Что же тут такого?
Так и быть должно!

Синенький билетик,
дождик за окном
Следующим Разом
мы не назовем.

Это же — сегодня!
Это же — сейчас!
Ну какой же это
Следующий Раз!

Так и наступает
Следующий Раз —
в день обыкновенный,
в незаметный час.

Как всегда, проснулись,
моемся, едим,
и, не узнавая,
на него глядим.

И уже торопит,
подгоняет нас
новый, настоящий
Следующий Раз.

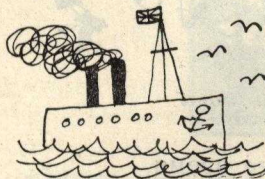
Так и забегает
вечно он вперед.
Ждать и волноваться
слово с нас берет.

Он наступит летом.
Завтра! Через час!
...Расскажу об этом
в следующий раз!

РИСУНКИ МОНИКИ

1.

Семилетняя Моника Мартин живет в Лондоне. Она любит рисовать море и корабли.

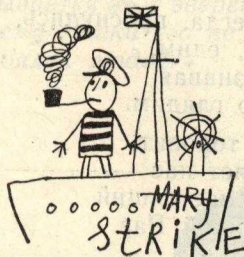

Моника мало видится с мамой, но еще меньше с отцом. Мама работает на фабрике, а папа — моряк. По два-три месяца корабль, на котором служит Дин Мартин, не возвращается в родной порт. Рабочий день матросов длится с рассвета до темноты. Выходных не полагается. Зарплата — 59 фунтов в месяц. Не густо.

2.

Папин пароход называется «Мария». Но под этим рисунком Моника поставила короткое английское слово — «страйк», забастовка.

Забастовка — это значит баста! Хватит! Даешь сорок рабочих часов в неделю! Даешь повышение зарплаты!

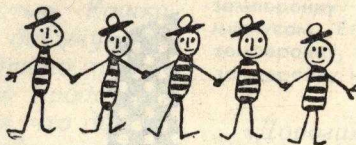

Правительство в панике. Для расположенной на островах Англии забастовка торгового флота — это крах. Остаются без сырья и топлива заводы. Некому будет привозить пищу для населения. Но судовладельцы не хотят посту-

питься и толикой своих миллионов. Они решают взять моряков измором: «Есть захотят, вернутся на корабли! Как шелковые!»

3.

Организатор забастовки — профсоюз (тред-юнион) английских моряков имеет некоторые средства: ведь моряки отчисляют в свой союз частицу от скудного жалованья. В дни забастовки профсоюз выдает семьям рабочих пособия. И

хотя длинное слово «тред-юнион» запомнить нелегко, Моника верно ухватила его смысл: МЫ ВСЕ ЗАОДНО!

4.

Как-то отец Моника привез из Китая фигурку священника — бонзы. Ткнешь паль-

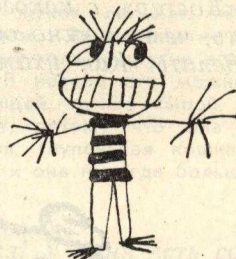
цем в медную голову — и она долго кивает, соглашаясь со всем на свете. Но «бонзами» отец Моника и его друзья называют и важных господ из общего комитета всех профсоюзов.

Генеральный секретарь комитета мистер Вудкок огорчился, когда его отпуск на роскошном курорте в Испании пришлось прервать. Правительство просило его срочно приехать в Англию и уговорить моряков вернуться на корабли. Ну конечно же, мистер Вудкок согласен. Испу-

ганный министр труда Рэй Хантер требует усмирить моряков — и «рабочий вожак» кивает головой.

5.

Моника рисовала эту картинку со злостью. Это не клоп и не паук — это предатель забастовки, штрейкбрехер.

Ранним утром в бристольский порт вошли два судна. На мачтах развевались панамские флаги. Но члены команды переговаривались между собой на чистом английском языке. Докеры Бристоль разгадали трусливую уловку и отказались разгружать суда-предатели. Их презренные имена — «Эссо спэйн» и «Эссо остриа» — были занесены рабочими в черный список.

Но этот случай исключение. Тысячи моряков мира выступили в поддержку английских товарищей. И на советских судах тоже собирались митинги солидарности: «Мы не будем выполнять заказы, которые могут повредить забастовке англичан!» — сказали советские моряки.

6.

Прошло около полутора месяцев. Хозяева были вынуждены уступить.

Victory

Большими буквами Моника написала слово — ПОБЕДА.

Н. Мохова

**Середина мая,
1966**

Английские моряки за-
явили: «Мы прекращаем
работу!»

**Конец июня,
1966**

**В этой забастовке английских моряков, самой
большой в истории, участвовали 22 000 человек,
860 судов**

К чопорному особняку премьер-министра пришли необычные посетители. С бачком для кипятка, с бутербродами. Моряки ждут конца переговоров между руководителями забастовки и правительством. Профсоюзные средства на исходе. Пособия становятся все меньше. Приходится считать каждый грош, чтобы как-то прокормиться. Беспокоит и судьба товарищей со старых судов. Например, старушку «Куин Мери», когда-то владевшую «Голубой лентой Атлантики», владельцы грозятся отправить на слом, тысяча человек останется без работы... Но вот в дверях появляется Вильям Хогарт: «Победа!» Судовладельцы сдались. Требования труженников моря будут удовлетворены. Капиталисты, которым каждый день простоя судов приносит большие убытки, поняли: моряки готовы выдержать голод и лишения, забастовщики не сдадутся.

УРОК ДАЮТ ЧЕМПИОНЫ

Летом специальный корреспондент школы «Спринт» М. И. Эстерлис побывал в Минске на легкоатлетическом матче СССР — Польша. Он попросил героев матча провести занятие с юными спринтерами «Костра».

ИРЕНА КИРШЕНШТЕЙН, Польша — мировая рекордсменка в беге на 200 метров

В минском матче мне пришлось выступать четыре раза. Перед каждым стартом очень волновалась. Но все-таки меньше, чем шесть лет назад. Тогда я впервые вышла на арену спортивных соревнований. Было это в Варшаве во время чемпионата школы. Мне тогда уже минуло 15 лет. Преодолела планку на высоте 138 сантиметров и оказалась первой.

Больше всех удивился учитель физкультуры Ян Копыто, тренировавший еще и легкоатлетов клуба «Полония», ведь он-то хорошо знал, что я никогда спортом не занималась.

Так началась моя легкоатлетическая биография. Замечу, кстати, что без подготовки или с «кондачка», как говорят в вашей стране (и в какой-то степени моей — родилась я в Ленинграде), побеждать больше не приходилось. За каждым успехом — большим и малым — упорный, кропотливый труд.

Довольно быстро определилась моя легкоатлетическая специализация: спринт и прыжки в длину. Но прежде чем полностью посвятить себя этим видам легкой атлетики, пришлось года два уделить общефизической подготовке, «начальному курсу» юного спортсмена. Это совершенно необходимо и каждому из вас, ребята. В начальный период нужно как можно больше бегать, прыгать в длину и высоту, толкать ядро.

Мои любимые упражнения с детства — подскоки (самые обычные), резкие вымахи поочередно обеими ногами. Накопить же силу, по-моему, неплохо помогают подскоки с 10-килограммовой тяжестью (лучше всего для этой цели употребить мешок с песком). Ну, и, конечно, нельзя юному спортсмену, мечтающему стать хорошим спринтером, увлекаться только бегом, прыжками, метанием. Разностороннюю подготовку дают бегуны волейбол, гимнастика, баскетбол. Без них просто не обойтись.

ТАТЬЯНА ЩЕЛКАНОВА, СССР — мировая рекордсменка по прыжкам в длину

Прыгун в длину — обязательно спринтер. Попробуй «пролететь» далеко без стремительного разбега! Но разбег должен быть еще и максимум длинным. Начиная я с 27-метрового. Оказалось — мало. А нарастить в разбеге хотя бы метр — дело весьма трудное. Ведь пробежать надо с реактивной скоростью.

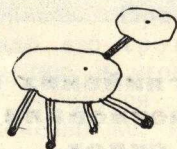
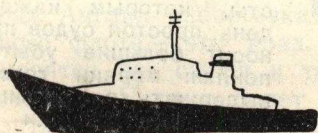
Вот и уделяю основное внимание спринту. Здесь я не считаю себя специалистом, однако 30 метров пробегаю за 3,9 секунды, быстрее всех спортсменок страны. Ну, а нынче мой разбег уже равен сорока метрам. Они-то и позволили достигнуть в матче СССР — Англия на лондонском стадионе «Уайт-сити» отметки 6 метров 79 сантиметров. Правда, при этом скорость ветра оказалась несколько выше нормальной...

Пробежать самые короткие отрезки в 30—50 метров — хочется посоветовать ребятам. Пробежать почаще и в максимально быстром темпе. А уже попозже, закалив организм, можно перейти на отрезки в 150, 200 и даже 300 метров. Многие удивляются: зачем, мол, Щелканова так часто бегает 300-метровую дистанцию? Ответ мне подсказан самими результатами занятий — повысилась общая скоростная выносливость.

КТО ОНИ?

Ого! Все, что здесь изображено, изготовлено их руками. Значит, они не только читатели и спортсмены, но и умельцы, знатоки наук и ремесел...

Смотри страницу 64

**ЭДУАРД ГУЩИН,
СССР — рекордсмен страны
в толкании ядра**

Есть, наверное, среди вас, ребята, и такие, кто считает себя «неспособным» к бегу. Дескать, тяжелоат я для большой скорости. Мое телосложение тоже не располагает к мыслям о спринте. И все же заниматься им приходится ежедневно, хотя, казалось бы, толкают-то ядро без разбега.

Для чего толкателю быстро бегать? Да чтобы выработать в себе максимум навыков к поступательному движению вперед. Так уж создан человек: неведомая сила «толкает» его вверх. Научиться же отталкиваться ногами именно вперед помогают бег и прыжки в длину. Между прочим, в Америке один тренер воспитывает в своих питомцах вот это самое стремление «не вверх — а вперед» довольно своеобразным способом: сам садится за руль движущегося трактора, а атлетов поочередно заставляет толкать машину в противоположную сторону.

Мой совет юным крепышам, желающим попробовать силы в легкой атлетике: больше занимайтесь подвижными играми и гимнастикой. А предметом для толкания может на первых порах стать обычное бревно. И при каждом удобном случае воспитывайте в себе скоростную выносливость. Без нее не обойтись даже в секторе для толкания ядра.

**ЭЛЬЖБЕТА БЕДНАРЕК,
Польша — победительница в беге
на 80 метров с барьерами**

Впервые преодолела барьер на беговой дорожке всего три года назад. Помню, как улыбалась Гелена Дмовска, мой тренер, экс-чемпионка Польши, когда показывала мне секундомер — 12,9 секунды. Каждый из юных спринтеров понимает, насколько это было слабо для 18-летней девушки, к тому же занимавшейся уже несколько лет легкой атлетикой. Но именно в тот день Дмовска «нашла», оказывается, во мне барьеристку. Да и сама я почувствовала себя увлеченной новым ощущением особой легкости при удачном преодолении барьера.

Месяцы настойчивых тренировок, и на секундомере стали появляться «настоящие» секунды — 11,5, 11,2, 10,9 и, наконец, в прошлом году я пробежала 80 метров за 10,7 секунды. Трижды! Теперь окончательно убеждена: каждому спринтеру, и опытному и начинающему, просто необходимо освоить барьерный бег. Правда, совсем не у любого новичка есть условия для тренировок в барьерном беге. Что ж, при отсутствии барьеров нужно их создать хотя бы в примитивном виде. И не бояться высоты препятствия. Сегодня споткнешься на барьере — завтра преодолеешь его с завидной легкостью. И на ровном месте побежишь гораздо быстрее.

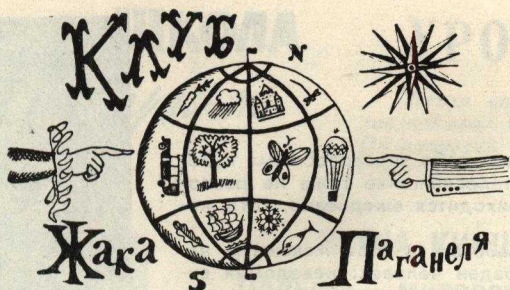

**РОМАН ТКАЧИК,
Польша — победитель в беге
на 1500 метров**

Полторакилометровая дистанция — одна из самых сложных в беге. Тут нужны и скорости «средневики», и выносливость стайера. Не сразу решился я выступать именно на «полуторке». Сначала тренировался на 400—800 метров и основное внимание уделял повышению скорости. В общем, делал то, что и большинство спринтеров.

Вспоминаю, как поределли ряды нашего кружка юных легкоатлетов после первого года занятий. И не потому, что ребята разлюбили легкую атлетику. Просто кое-кто из них перетренировался. Поэтому всегда советую юным друзьям: соблюдайте меру на тренировках, внимательно «прислушивайтесь» к поведению организма. Нагрузки на занятиях повышайте только постепенно, малыми дозами. И, даже научившись быстро преодолевать 100—200 метров, попробуйте все-таки свои силы и на более длинных дистанциях. А вдруг получится?..

ОХОТНИК ЗА ЗМЕЯМИ

Я мало знал о змеях. Поэтому, отправляясь к Николаю Евгеньевичу Миккау — бесстрашному змеелову, как мне рекомендовали его, — я полистал Брэма и вычитал, что сурукуку убивает на расстоянии, брызгая ядом в глаза, что толщина тела бушмейстера бывает с человеческое бедро, а зубы — до пяти сантиметров; что после укуса наи-наи на оформление завещания остается всего три минуты...

И уж, конечно, я жаждал рассказов, в которых удавы, анаконды, аспиды, кобры и черные гадюки шевелились бы подобно волосам Медузы Горгоны.

Но Николай Евгеньевич сурово зачеркнул мои полулеген-

дарные познания в герпетологии и с легким юмором поиздевался над моими надеждами на ужасные охотничьи истории...

Сначала по книгам библиотеки я попытался угадать его профессию и не смог.

Много здесь было специальной литературы по пресмыкающимся; приключенческих, вроде Рольфа Бломберга «В поисках анаконды» или «Зова Амазонки» Аркадия Фидлера, книг о Средней Азии, о басмачах, трудов Пржевальского, Берга, Богданова...

Но оказалось, что он — инженер-электрик и моряк.

Знакомство с пресмыкающимися началось с четырнадцатилетнего возраста, на даче,

когда, собирая ягоды, он сел на гадюку...

Теперь ядовитые змеи — только часть того, что Николай Евгеньевич вот уже одиннадцать отпусков, каждое лето, ищет в Туркмении.

Редкости — вот что интересует его. Редкие пресмыкающиеся, чьи чучела и фотографии встретишь не во всех музеях мира и примечания к сведениям о которых сообщают мелким шрифтом: «Было поймано три экземпляра...», «Лишь два экземпляра хранятся там-то и там-то», «Науке известен лишь один экземпляр...»

...«Агама Павловского», «Контя Чернова», «Зеринге», «Пятнистый эйблефар»... Эти названия подергивают мечта-

ЖАК ПАГАНЕЛЬ НАШЕЛСЯ! ЖАК ПАГАНЕЛЬ В ЛЕНИНГРАДЕ!! КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО! ШЕРЛОК ХОЛМС В САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ НАСТИГАЕТ ЖАКА ПАГАНЕЛЯ... ДВА ЗНАМЕНИТЫХ ЧЕЛОВЕКА ДАЮТ ПЕРВЫЕ ИНТЕРВЬЮ В РЕДАКЦИИ «КОСТРА»

2-го октября ровно в 13.00 редактор отдела пионерской жизни, закрывая форточку, заметил, что внизу под юнком, как раз около подъезда, остановилось такси.

Редактор помедлил из любопытства. Из автомобиля показались: подозрительная труба и старомодная, выдававшая виды дорожная фуражка. И то и другое принадлежало очень высокому и очень худому человеку в больших очках... Наглухо застегнутая коричневая куртка, панталоны, два больших дорожных чемодана...

Редактор отдела пионерской жизни от волнения опрокинул себе на брюки довольно-таки переполненную пепельницу и сказал слабым голосом: «Товарищи... Дайте мне, пожалуйста, воды. Может быть, я не выспался сегодня, но внизу — Паганель...»

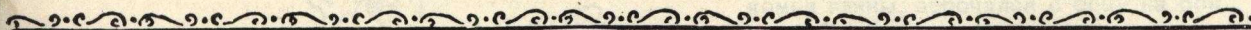
Кто не знает, что у страха глаза велики? Вот, наверно поэтому на снимке КОСТИ ТЕРкина змея получилась такой огромной.

тельной дымкой надежды глаза коллекционеров, сеют тихую панику среди зоологов.

«gaga avis» — редкостей — как говорят ценители и специалисты. О встречах с ними мечтают десятилетиями: каждую

крапинку и щетинку на их телах помнят наизусть... Они малы, быстры, изящны, опасны, уродливы, словно уменьшенные

Их не так уж много, этих

Все, кто был в комнате, бросились к окнам. Ответственный секретарь успокаивал редактора отдела пионерской жизни, который слабо помахивал рукой перед своими погрузневшими глазами...

- Паганель!!! — крикнул кто-то. — Скорее на улицу!
- Фотографа! Где фотограф?
- Да откройте же обе половинки двери...
- Боже мой, вы наступили мне на ногу...
- Прошу прощения...

Сотрудники редакции устремились вниз по лестнице...

В этот самый момент (далее мы передаем развитие событий по колоритным рассказам многочисленных очевидцев) подъехало еще одно такси и остановилось позади первого. Из него вышли трое. Один из них быстрым шагом приблизился к Паганелю.

— Вы — Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель, месье?

— Да, — несколько растерянно и едва не уронив от неожиданности очки, ответил Паганель.

— В таком случае, счастлив видеть вас и представиться: Шерлок Холмс... Вы прибыли в порт на сутки раньше, и это едва не лишило меня тщеславной надежды перехватить вас, прежде чем вы станете достоянием прессы...

Паганель вежливо поклонился:

чудища третичных эпох; безобидны, смешны, неожиданно красивы и — редки...

Вот за ними-то, вооруженный только рогаткой змеелова, фотоаппаратом и кинокамерой, и охотится Николай Евгеньевич.

Ах, какие цветные фильмы он отснял за эти годы!

Завлекающие древними развалинами, зовущие в темные пещеры и неведомые заросли, прекрасные по краскам и операторскому мастерству, удивительные по терпению и бесстрашию, и поэтичные, как восточные сказки.

Я смеялся, когда священный скарабей, двигаясь, словно человечек в старых фильмах Чаплина, сутился, толкал, катил, подпирал, становясь на голову, закапывал свой навозный шарик. Я ахал, когда, блистая капюшоном, кобра, качнувшись, кидалась на меня с экрана.

И я вздохнул, когда за поздним временем нужно было

уже кончать и без того затянувшийся сеанс.

Я мог бы еще рассказать о полосатой контии, которую мне довелось держать в своих руках (и я, наверное, был одним из немногих счастливцев в мире), об афганском литоринхе — ночной змее, чей образ жизни до сего времени был совсем неизучен; о белом ежике — совершеннейшем уникаме и еще о многих и многих редкостях, живших или живущих в террариумах Николая Евгеньевича. Но он пишет сам, собирается написать целую книгу и рассказать обо всем, что видел, и, наверное, сделает это лучше меня...

Хозяин дома расстелил передо мной карту Туркменской ССР и его авторучка из иглы дикобраза закачалась над караванными тропами Каракумов и высохшими руслами Мургаба...

Тепло светили лампы торшера у большого стола, темнели по углам корешки книжных переплетов, шуршала за сетка-

ми террариумов живность пустыни.

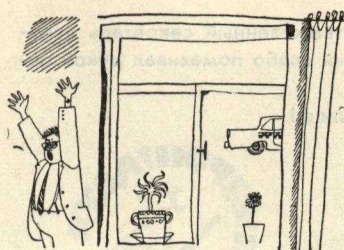
Передо мной сидел человек маленького роста, с широкими ладонями, на которых охотничий нож оставил после укусов змей крестообразные шрамы. Эти руки умеют держать кинокамеру и посох с рогаткой, которой точно прижимают к земле извивающееся змеиное тело.

Похож он был на Дерсу Узала. Не лицом, но характером и тягой к природе, невозможностью жить без простора и почтением ко всему живому.

И, слушая его рассказы, я увидел подернутые рябью пески, что между Кизил Арватом и Байрам-Али, горячие камни предгорий Копет-Дага, с которых много веков назад разноцветными и безжалостными потоками спускались конники Чингиза, и развалины старого Мерва, и мергелиевые холмы на горизонте, и могилу султана Санджара...

И я поверил, что прекрасна пустыня и полна жизни для тех, кто ищет.

Член-корреспондент клуба О. Орлов

— К вашим услугам, мистер Холмс...

— Мы действительно прибыли несколько раньше, но каким образом вы узнали, что я — на «Лермонтове»?

— У меня тоже есть свои тайны, месье Паганель... Прошу вас, вы, конечно, разыскиваете редакцию «Костра». Она перед вами...

В этот самый момент на улицу и высыпали сотрудники редакции. Обе половинки двери были, наконец, распахнуты, кто-то побежал за цветами, засверкал «блицем» подоспевший фотограф...

В редакции гостей просто затормошили: их расспрашивали, снимали, просили пересест к свету, извинялись, поили редакционным кофе с кексами, за неимением под рукой ничего лучшего; просили автографы, строчили в блокноты, включили магнитофон...

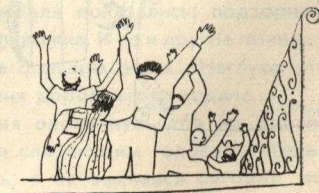
Наконец, гостям вручили букеты белых цветов, вызвали машины, и Паганель,

Холмс и Ватсон в сопровождении редакционных работников отбыли в гостиницу «Астория», где для них уже заказали лучшие номера...

Мы все с нетерпением ожидали, когда фотограф проявит и отпечатает первые снимки, но получилось так, что в спешке он сделал все снимки на один кадр и получил нечто, напоминающее загадочную картинку.

Фотограф, с которым подобный конфуз случился впервые, даже захворал. Мы надеемся, что, поправившись, он исправит свою ошибку.

СЛЕДИТЕ ЗА ЖУРНАЛОМ! В ОДНОМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРОВ ЧИТАЙТЕ РАССКАЗЫ ПАГАНЕЛЯ И ХОЛМСА!

ГОРОДСКИЕ ГРИБЫ

Волокит грозу ветра,
Дождик льет как из ведра,
Барабанит к нам в окно.
Дождь идет,
А мне смешно.
Поглядите,
Там и тут
На глазах грибы растут.
Рыжики и белые
По асфальту бегают.

С трехэтажной высоты
Грибами кажутся зонты.

В. Шумилин
Рисунки И. Казаковой

8

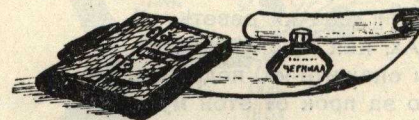
Уголёк №10

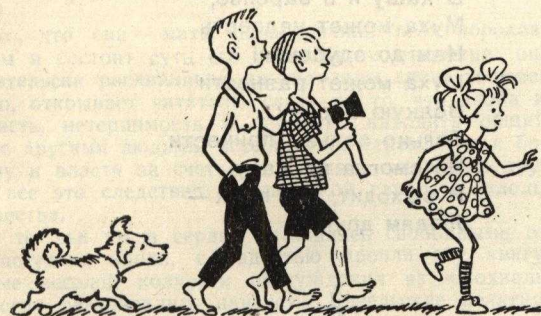
ОКТАБРЬ

Октябрь — портфели, парты.
В классе — кляксы, помарки.
Двух полушарий карты.
Желтые листья в парке.
Вставочки — как балерины.
Пляшут буквы кривые.
Вписываются витрины
В прописи дождевые.
В роце дятел и белка
Что-то шепчут друг другу.
И журавлиная стрелка
Отклоняется к югу.

И. Бродский
Рисунок И. Ризнича

1

ДВА МАЛЬЧИКА, МАША И СОБАКА

Два мальчика и Маша решили срубить удилице. Взяли топорик и пошли в глубь сада. За ними побежал их друг — щенок Таймыр.

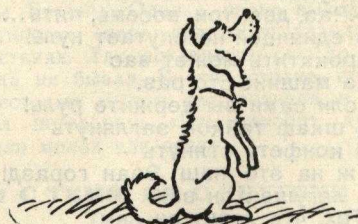
В саду они не нашли удилица и перебрались через забор.

Штакетник был новый, плотный, с узкими ровными щелочками, и щенок не мог найти себе лазейку. Он долго метался из стороны в сторону, повизгивал. Наконец он решил подлезть под забор. Просунул передние лапы

и голову в небольшое углубление, а туловище не проходит!..

Таймыр завыл. Барахтаясь, он поднимал комья глины, ворочался с боку на бок.

Но вот он напрягся, сжался и протаскил себя под забором!

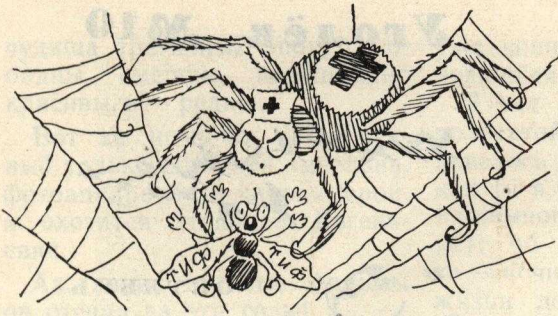
Он нашел мальчиков и Машу, рубящих безрезку. Они ничего не знали про то, чего ему стоило не отстать от них.

— А-а, прибежал?! — сказали они.

В. Торопыгин
Рисунки Б. Семенова

4

5

ВРАГ ИЛИ ДРУГ?

Как ты думаешь,
паук —
Враг он людям или друг?
Говорят, что он злодей,
Что плетет он сети,
Но они не для людей,
Знают даже дети.
Вот попалась муха в сеть —
Глупая жужжалка.
Стали девочки реветь:
— Ах, как мушку жалко!
Вы скажите-ка, подружки,
Что за прок от этой мушки?

2

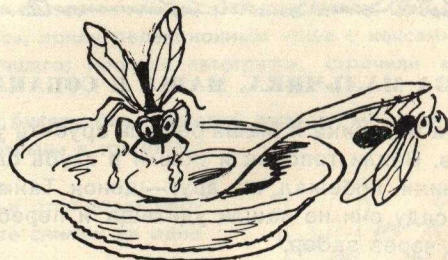
7

КРОШКА ЭВАН

Кто такой Эван Кэк?
Деловой человек!
Деловой? Что он сделать готов?
Если знал бы он как,
Застегнул бы башмак,
Подойл бы полсотни коров!
Он умеет считать:
— Раз, два, три, восемь, пять...
С единицей не спутает нуль!
Прокатить может вас
На машине сто раз.
Если сами вы держите руль!
В шкаф тайком заглянуть
И конфету стянуть —
Уж на это наш Эван горазд!
А лягушек он вам
(Тех, что ловит он сам)
На два цента охотно продаст.
Ох, у нас целый год
Крошка Эван живет,
Целый год, а не день или час,
Очень весело с ним,
Но мы все же хотим,
Чтоб гостил он почаще у вас!

Перевел с английского Е. Руженцев
Рисунок Б. Семенова

Муха может к нам залезть
В кашу и в варенье,
Муха может надоесть
Нам до одуренья!
Муха может разнести
Всякую заразу...
Только пользы принести
Не смогла ни разу.
И выходит, что паук —
Людам друг!

Е. Серова
Рисунки В. Гальбы

6

3

своей необъятной учености, прославился как первый мудрец Европы.

Было тогда и кроме него немало книжечеев, знатоков латыни и греческой премудрости, но почти все они обращали сви знания на странные и нелепые занятия, поощрявшиеся церковью: одни высчитывали, сколько тысяч чертей может поместиться на острие иголки, другие проводили время в бесконечных спорах о том, что было раньше — курица или яйцо... Наш мудрец был другой породы. Духом он был открыватель. И, хотя открыл он не новую планету, не закон земного притяжения, не металл и не материк, его открытие вечно.

После двух десятков лет разнообразного творческого труда как-то на пути из Италии в Англию он пишет книгу и посвящает ее своему английскому другу Томасу Мору (тому самому, которому вскоре предстоит положить голову на плаху за свои человеколюбивые убеждения).

На титульном листе своей рукописи он выводит: «Похвала...» Так в те времена назывались многие книги. Ловкие писакы сочиняли «похвальные слова» в честь жадных завоевателей и свирепых инквизиторов, в честь кардиналов и королей. Но эта книга — не о папе или короле, или купце, или монахе. Вернее, она обо всех папах, королях, кардиналах, солдатах, купцах и монахах вместе взятых, ибо ее название — «Похвала глупости».

За что же ученый мудрец вздумал восхвалять глупость?

За то, что она — мать, первопричина всех пороков. В этом и состоит суть его гениального открытия: он, издевательски расхваливая на все лады глупость-невежество, открывает читателю глаза на то, что злоба и ненависть, нетерпимость и неумение находить общий язык с другими людьми, бессовестное стремление к богатству и власти за счет ограбления и унижения других — все это следствие человеческой глупости, плоды невежества.

Все те, чьи ум и сердце оставались свободными от предрассудков эпохи, с радостью прочли эту книгу. Полные веселой колкости рассуждения из «Похвалы глупости» разучивались наизусть. Базельские печатники поднесли автору один из первых отпечатанных экземпляров его сочинения. На полях книги великий художник Ганс Гольбейн Младший нарисовал много забавных рисунков.

С книгой получилась такая же история, как с невидимой картиной Тиля Уленшипгеля. Не желая прослыть защитником глупости, книгу похвалил папа римский. Листая ее, милостиво усмехался всемогущий император. «Забавно», — цедили сквозь зубы судьи и палачи. Между тем нашлись и охотники объявить себя убежденными дураками. Несколько титулованных начетчиков набросились на автора с яркими нападками. Прямо по старинной поговорке они оказались «праввернее самого папы римского». Впрочем, за такое прегрешение папы никого не наказывают.

Автор «Похвалы глупости» носил имена Эразм и Дезидериус, что по-гречески и по-латыни значит «желан-

Дорогие мои друзья-читатели! С восхищенным волнением я возлагаю от себя и от вас букет цветов к портрету человека, которому сегодня исполняется ни много ни мало — 500 лет.

В пору, когда он родился, ученость ценилась выше других добродетелей, и он, благодаря

прославился как первый

ный». Так как родители его не были обвенчаны в церкви, он по обычаям того времени не имел права на фамилию, и его называли по-разному: просто Эразм,

Эразм Дезидериус из Роттердама, Эразм Роттердамский.

Веселый архивариус

ПОГОВОРКА

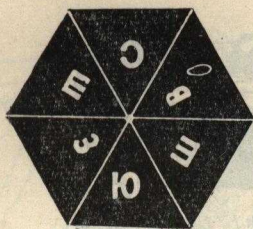
Роттердам — город в Голландии, но в вечной погоне за новыми знаниями и впечатлениями Эразм исколесил многие страны Европы. Однако после выхода в свет «Похвалы глупости» слава далеко опередила Эразма в его путешествиях. Так докатилась она до Испании, где он никогда не бывал. В этой стране, страдавшей под особо жестоким гнетом священников и монахов, народ сложил поговорку: «Кто говорит дурно про Эразма, тот или монах или осел».

НИ С ТЕМИ, НИ С ДРУГИМИ

При жизни Эразма началась Реформация, великий раскол европейской церкви. Однако Эразм при всем своем презрении к католицизму отнюдь не стремился присоединиться к священнослужителям, возглавившим новую протестантскую церковь. С грустной усмешкой он отмечал, что церковники и без подчинения Риму остаются невежественно-злыми, властолюбивыми и тупыми.

Но самые оголтелые защитники старых церковных порядков требовали костра для Эразма. «Лютер, Кальвин и другие еретические вожаки вылупились из яиц, высиженных Эразмом!» — доказывали они.

Эразм отвечал на это: «Возможно. Но от таких цыплят я отказываюсь!»

Опасный рейс

Один читатель прислал нам нарисованную от руки на клочке полуистлевшей бумаги «морскую карту».

«Эту карту я вынул из бутылки, которую выловил сетью мой отец... — пишет Гена Находкин. — Неужели это и вправду настоящая старинная пиратская карта?!»

Не знаем, Гена. Уж чего не знаем, того не знаем... Может быть, настоящая, а, может быть, просто пошутил кто-нибудь...

Но карта нам понравилась. В особенности, когда мы заметили, что ее очень легко превратить в интересную морскую игру, которую мы назвали...

Сделайте из картона волчок — такой, как на нашем рисунке.

Затем сложите три маленьких бумажных кораблика. Один сделайте черным — это корсар, морской разбойник. Второй окрасьте в любой цвет — это будет негодянт, «купец», коммерческое парусное судно. Третий кораблик оставьте белым — это эскорт, военный парусник, корвет или фрегат...

Игра готова.

Ваши кораблики — парусные, движение их зависит от ветра. По ветру их можно двигать за один ход на две клетки, поперек ветра — на одну, против же ветра они передвигаться не могут. Фрегат может уничтожить корсара, заняв его место на карте (подобно тому, как уничтожаются фигуры противника в шахматах). Корсар также может уничтожить «купца» или военный кораблик. «Купец» не может уничтожить противника.

Играть нужно вдвоем. Разыграйте, кому достанется корсар, а кому — военный фрегат. Что касается негодянта, то его будет передвигать по очереди каждый из вас (в свой ход). Играющий военным кораблем стремится, чтобы «купец» благополучно пересек море и пришел в бухту с якорем. Соответственно этому он и перемещает «купца», охраняя его эскортным кораблем. Корсар стремится уничтожить оба корабля противника. (В свой ход он поэтому старается подвинуть «купца» поближе к себе...) Однако, если он уничтожит военный корабль, но «купец» все же придет в место назначения, то выигравшим считается тот из вас, кому при розыгрыше достался фрегат.

Перед началом игры пират стоит в Черной бухте, негодянт и эскорт — возле берега, где нарисованы кораблики.

Начинает тот, кому достался фре-

гат. Запустив волчок, узнаете, какой дует ветер. Если волчок упал, скажем, на грань с буквой «С», значит, ветер — северный: вы можете передвинуть свой корабль (и «купца») на две клетки к югу, или на одну клетку в любом из поперечных направлений — на восток или на запад. Для определения стран света на карте нарисован компас. Если эти передвижения вас не устраивают — пропускаете ход. Пропускается ход и тогда, когда волчок покажет «Ш» (штиль). По желанию можно в свой ход передвинуть только один корабль — «свой» или «купца». И решить (что важно), какой из двух кораблей подвинуть первым.

Ход переходит противнику. Теперь он запускает волчок и узнает ветер...

Напишите нам, получилась ли у вас игра и как вы в нее играете.

Кто пришлет самую интересную схему — запись игры — получит морской приз.

В. Акентьев

КТО ОНИ?

ОНИ — ЭТО ТЫ, ТЫ, ТЫ И...

Если ты подпишешься на «Костер» на 1967 год, у тебя хватит на год увлекательного чтения.

Если ты подпишешься на «Костер» на 1967 год, ты сможешь вступить в спортшколу «Костра» и даже стать участником слета на берегу Черного моря.

Если ты подпишешься на «Костер» на 1967 год, ты узнаешь о всех новостях науки и техники, научишься мастерить.

... Журнал „КОСТЕР“

Подписка принимается без ограничения.

Подписная цена на год 3 рубля.

Если ты уже подписался, а твой приятель еще нет, прочти ему стихи, которые напечатаны на спинке этого номера.

Обложка В. Курдова

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
А. А. Двораковская

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

М-41130.

Тираж 300 000 экз.

Подписано к печати 14/IX 1966 г.

Формат 84×108¹/₁₆.
Заказ 304.

Печ. л. 8+1.

6,57 усл.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклады отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Мыс
Острый
зуб

Черная
бухта

Пролив
Неизвестный

ОСТРОВ
ПТИЦ

ОСТРОВ
ТРЕХ
ПАЛЬМ

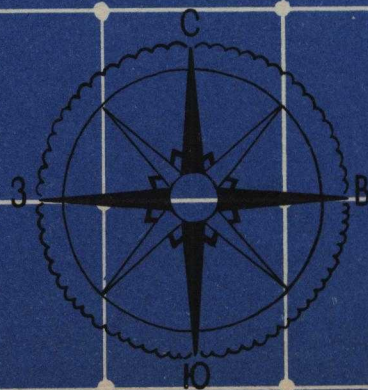
ОСТРОВ
ДЕЛЬФИНОВ

ОСТРОВ
ВСЕ
МОЖЕТ
БЫТЬ

ОСТРОВ
НАДЕЖДЫ

Пролив
Удачи

ОСТРОВ
СТАРОГО
ТИГРА

...что не стоит перенестись в
...или слезать на сосед-
...лежит к Эльбурсу
...а ота...

**Костёр
1967**

Как? Неужели?! До сих пор
Ты не подписан на „Костёр“
На следующий год?!
На почту, друг! Спешим! Скорее!!!
Уже толпится у дверей
Героев хоровод.